

ШИ ХАЙ-АНЬ

РЕЧНЫЕ
ЗАВОДИ

Китайская классическая литература

Най-ань Ши

Речные заводи. Том 2

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Ши Н.

Речные заводы. Том 2 / Н. Ши — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,
— (Китайская классическая литература)

ISBN 978-5-91051-025-2

Роман «Речные заводы» («Шуйху чжуань») основан на устных преданиях о восстании, произошедшем в XII веке. Мятеж возглавил Сун Цзян вместе с тридцатью шестью другими предводителями. Повстанцы создали хорошо укрепленный лагерь в труднодоступных местах, подчинив своей власти обширную область Китая. В этом захватывающем повествовании, написанном Ши Най-анем (1296-1370 гг.), действуют сто восемь героев-разбойников (в их числе и три женщины) — люди совершенно различных характеров. «Речные заводы», «Троецарствие», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме» — самые известные произведения китайской классической прозы, и можно только позавидовать тем, кто их еще не читал. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-91051-025-2

© Ши Н.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава тридцать четвертая	5
Глава тридцать пятая	17
Глава тридцать шестая	29
Глава тридцать седьмая	40
Глава тридцать восьмая	52
Глава тридцать девятая	65
Глава сороковая	83
Глава сорок первая	93
Глава сорок вторая	106
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ши Най-ань Речные Заводы. Том второй

Глава тридцать четвертая
*„Властитель трех гор” учиняет разгром в
области Цинчжоу. Город Цинчжоу, словно
от удара молнии, превращается в развалины*

Хуан Синь вскочил на коня и обнажил меч. Начальник крепости Лю Гао, облаченный в военные доспехи, с боевой рогатиной в руке, также сел на лошадь. Каждый из ста пятидесяти солдат был вооружен пикой с зубчатым лезвием и палицей, а также коротким кинжалом и острым мечом у пояса. Дважды прогрехотали барабаны, прозвучал гонг. Сун Цзяна и Хуа Юна повезли в Цинчжоу.

В сорока ли от крепости Цинфын впереди показался большой лес, и у горного перевала передовые дозорные вдруг закричали:

– В лесу кто-то есть! За нами следят!

Отряд остановился. Хуан Синь, не слезая с коня, спросил:

– Что случилось?

– Кто-то следит за нами, – отвечали солдаты.

Хуан Синь крикнул:

– Не обращать внимания и продолжать двигаться вперед!

Опасливо озираясь, солдаты приблизились к опушке, но тут в лесу вдруг загремели сразу несколько десятков больших гонгов. Солдаты растерялись и уже готовы были отступить, когда Хуан Синь крикнул:

– Стой! Построиться! Начальник Лю Гао! Охраняйте преступников.

Перепуганный Лю Гао сидел на лошади ни жив ни мертв и только бормотал:

– О боги, спасите меня от этой беды! Избавьте меня от этого тяжкого испытания! О, горе, горе! Я сотворю сотни тысяч молитв. Я тридцать дней и ночей буду проводить в песнопениях. Спасите меня, о боги!

Лицо его, похожее на громадную тыкву, то темнело, то желтело от страха.

Но Хуан Синь был боевым командиром и поэтому не струсил. Хлестнув своего коня, он выехал вперед и увидел, что из леса к отряду со всех сторон подходят человек пятьсот удалцов, высоких и здоровых людей со свирепыми лицами и злыми глазами. Все они были в ватных куртках и красных косынках, у каждого на поясе висел острый меч, а в руках была длинная пика. Отряд Хуан Синя был мгновенно окружен. Затем из леса выскочили на дорогу три молодца с мечами в руках. Один из них был в синей одежде, другой – в зеленой, а третий – в красной; все в одинаковых пестрых косынках, завязанных в виде рогов, у каждого на поясе висел кинжал. Тот, что находился в середине, был Янь Шунь Золотистый тигр. Справа от него стоял Коротколапый тигр Ван Ин, а слева – Белолицый господин Чжэн Тянь-шоу.

Главарь разбойников крикнули громовыми голосами:

– Всякий, кто проходит здесь, должен остановиться, выложить три тысячи лян золотом и лишь после этого может продолжать свой путь.

Но Хуан Синь крикнул в ответ:

– Эй вы, ведите себя приличнее! Перед вами «Властитель трех гор»!

Сердито выпучив глаза, главарь рявкнул:

– Будь ты властителем хотя десяти тысяч гор, все равно внеси три тысячи лян, иначе дальше не поедешь!

– Я командующий и выполняю поручение высшего начальства. Выкуп за право проезда вносить я не буду, – сказал Хуан Синь.

– Что нам командующий? – захотели удалцы. – Да будь ты хоть сановником императорского двора, мы все равно потребовали бы выкуп. Если у тебя нет золота, оставь нам в залог преступников, которых ты везешь. Мы согласны подождать, пока ты их выкупишь.

Хуан Синь пришел в бешенство и стал ругаться:

– Да как смеете вы, воры и разбойники, вести себя так нагло!

Повернувшись к своим солдатам, Хуан Синь приказал бить в барабаны и гонги и приготовиться к бою. Хлестнув коня и взмахнув над головой мечом, он бросился прямо на Янь Шуня. Три главаря, подняв мечи, приготовились к отпору. Бой начался. Хуан Синь напряг все свои силы и, сидя верхом на лошади, сражался с ними десять кругов. Но разве мог он устоять против троих?

Что же касается Лю Гао, то он, видя, что дело принимает плохой оборот, затрясся от страха и стал готовиться к бегству. Хуан Синь, опасаясь, что разбойники могут захватить его в плен и запятнать его доброе имя, повернул коня и поскакал назад. Три главаря с мечами в руках погнались за ним. Хуан Синю теперь уже ни до кого не было дела, и он во весь опор летел обратно, в крепость Цинфын.

Когда солдаты увидели, что их начальник бежит, они с криком разбежались в разные стороны, оставив на дороге повозки с пленными и Лю Гао. Лю Гао тоже повернул лошадь и хлестнул ее несколько раз. Лошадь сорвалась было с места, но удалыцы бросили ей под ноги веревки. Лошадь споткнулась, Лю Гао кувырком полетел на землю. Разбойники бросились на него, другие в это время принялись разбивать клетки. Но Хуа Юн уже разломал свою клетку и освободился. Он сорвал с себя веревки, которыми был связан, разнес на части также и другую клетку и освободил Сун Цзяна. Тем временем Лю Гао был уже связан, его лошадь поймана. Были захвачены также и три лошади, которые везли повозку.

С Лю Гао сорвали одежду, отдали ее Сун Цзяну и, посадив Сун Цзяна на лошадь, повели на гору. Потащили в горный стан и голого Лю Гао.

Оказалось, что трое главарей, не имея о Сун Цзяне никаких сведений, послали нескольких толковых разведчиков разузнать, что произошло. В крепости Цинфын те слышали от людей о том, что Хуан Синь обманом захватил Хуа Юна, что Хуа Юн и Сун Цзян посажены в клетки и что их собираются отправить в Цинчжоу. Получив это сообщение, главари собрали людей и лошадей, окольным путем вышли на большую дорогу и перерезали все пути, по которым можно было везти обоих узников, расставив свои заставы даже на маленьких тропинках. Так удалось им спасти Хуа Юна и Сун Цзяна и захватить Лю Гао. В стан вернулись, когда была уже вторая стража ночи.

Все собрались в Зале совещаний. Главари пригласили Сун Цзяна и Хуа Юна занять места посередине, а сами сели напротив. В честь гостей были поданы кушанья и вина. Янь Шунь приказал пировать и веселиться всем разбойникам. Благодаря хозяев за угощение, Хуа Юн сказал:

– Мой старший брат и я очень благодарны вам, троим героям, за то, что вы спасли нас и отомстили за нас. За такую милость трудно отблагодарить. Но в крепости остались у меня жена и младшая сестра. Хуан Синь, конечно, схватит их. Как нам спасти этих женщин?

– Будьте спокойны, начальник, – отвечал Янь Шунь. – Я думаю, что Хуан Синь не посмеет сразу же их тронуть. А если даже он их схватит, то повезет по той же самой дороге. Завтра мы втроем спустимся с горы и приведем сюда, в стан, вашу супругу и вашу почтенную сестру. Сейчас мы пошлем своих ребят на разведку.

– Не знаю как и благодарить вас, благородный предводитель, – сказал Хуа Юн.

– Сперва попрошу вас привести сюда этого негодяя Лю Гао, – сказал Сун Цзян.

– Я привяжу его к столбу, распорю ему живот, выну его сердце и преподнесу вам, – сказал Янь Шунь.

– Я собственными руками зарублю его, – сказал Хуа Юн.

Сун Цзян сказал, обращаясь к Лю Гао:

– Ведь между нами никогда не было вражды. Почему же ты послушал эту негодную женщину и причинил мне столько зла? Сейчас ты сам пленник, что же можешь ты сказать в свое оправдание?

– Да что с ним разговаривать, дорогой брат, – сказал Хуа Юн и тут же вонзил кинжал в грудь Лю Гао. Вынув сердце, он поднес его Сун Цзяну, а разбойники оттащили мертвое тело в сторону.

– Хотя этот мерзавец и убит, я все же не могу считать себя отомщенным, пока жива его распутная баба, – сказал Сун Цзян. – Успокойся, дорогой брат. Завтра я сам спущусь с горы и захвачу эту женщину. Только теперь я уж попрошу вас оставить ее мне, – сказал Ван Ин Коротколапый тигр.

Тут все расхохотались.

Ночью, когда пирушка закончилась, разбойники разошлись на отдых.

На следующее утро они держали совет, как напасть на крепость Цинфын, и Янь Шунь сказал:

– Вчера наши молодцы здорово потрудились. Сегодня они нуждаются в отдыхе. Мы не опоздаем, если спустимся с горы и завтра.

– Что же, – сказал Сун Цзян, спешить некуда. Дайте людям и лошадям отдохнуть, тогда они будут здоровее и крепче.

Мы не будем рассказывать о том, как в стане готовились к нападению на крепость, и вернемся к командующему Хуан Синю. Прискакав в крепость Цинфын, он подсчитал оставшихся людей и расставил усиленную охрану. Потом написал донесение и приказал двум командирам срочно доставить его начальнику области Му Юну.

Услышав, что прибыли посыльные от Хуан Синя, Му Юн пошел в управление. Из донесения Хуан Синя он узнал о том, что Хуа Юн перешел к врагу, присоединившись к разбойникам с горы Цинфын. Крепость в опасности, и положение настолько серьезное, что необходимо немедленно послать для ее защиты опытного полководца. Все это очень испугало Му Юна. Он немедленно пригласил к себе командующего округом, в ведении которого находились все пешие и конные части, чтобы обсудить с ним военные вопросы. Командующий, по фамилии Цинь, по имени Мин, из-за вспыльчивого характера и громкого голоса был прозван «Громом и молнией». Он происходил из семьи военачальников, хорошо владел палицей с заостренным, как волчий клык, концом и отличался необыкновенной храбростью.

Получив приглашение Му Юна, командующий Цинь Мин поспешил в управление. После церемонии приветствия Му Юн передал ему донесение Хуан Синя. Прочитав его, Цинь Мин очень рассердился и воскликнул:

– Вот мерзавцы! Совсем обнаглели! Но не огорчайтесь. Покорный ваш слуга готов немедленно выступить со своей конницей, и, если я не переловлю этих разбойников, клянусь вам, мой господин, я никогда больше не посмею взглянуть вам в глаза.

– Но вы должны торопиться, – сказал Му Юн, – иначе эти разбойники успеют напасть на крепость Цинфын.

– Как же можно медлить в таком деле? – ответил Цинь Мин. – Сегодня же ночью я снаряжу людей и коней, и завтра рано утром мы выступим.

Начальник области остался очень доволен таким ответом. Он распорядился приготовить для отряда Цинь Мина мясо, вино и фураж и отправить все это вперед.

Разъяренный тем, что Хуа Юн перешел к врагу, Цинь Мин сел на лошадь и поспешил прямо к себе в управление. Он отрядил сотню всадников и четыре сотни пеших солдат и приказал им выйти за городские ворота и готовиться к выступлению.

Тем временем начальник области Му Юн распорядился приготовить в кумирне за городом пампушки на пару и большие чашки с вином. Каждого солдата ждали три чашки вина, две пампушки и один цзинь вареного мяса. Едва успели закончить приготовления, как из города показался отряд. Впереди разве валось красное знамя, на котором большими иероглифами было начертано: «Отряд главнокомандующего Циня». Взглянув на Цинь Мина, облаченного в военные доспехи, начальник области подумал: «Вот это действительно герой, которому нет равных». Цинь Мин же передал свое оружие солдату, ехавшему рядом с ним, соскочил с коня и приветствовал начальника области. После церемонии приветствий начальник налил вина и, передавая чашку командующему, обратился к нему с такими напутственными словами:

– Искусно используйте любую возможность. Желаю вам быстрой победы!

Солдатам было роздано угощение, затем взвилась сигнальная ракета. Цинь Мин распрощался с начальником области, вскочил на лошадь, выстроил отряд и поспешно выступил в поход. Солдаты, вооруженные мечами и секирами, направились прямо к крепости Цинфын.

Эта крепость находилась к юго-востоку от Цинчжоу, и ближайший путь к ней лежал прямо на юг мимо горы Цинфын, откуда по узким тропинкам уже можно было легко выйти на северный склон горы.

Теперь скажем несколько слов о том, что происходило в стане на горе Цинфын. Разбойники как раз собирались выступить и напасть на крепость Цинфын, когда пришло сообщение о том, что к крепости идет Цинь Мин во главе большого войска. Это привело разбойников в замешательство, и они растерянно глядели друг на друга.

– Не тревожьтесь, – сказал тогда Хуа Юн. – Еще в древности солдаты знали, что их долг – биться с врагом насмерть. Накормите досыта своих людей и выдайте им вина. А потом сделайте то, что я вам сейчас скажу. Сначала мы раззадорим неприятеля, а потом хитростью одолеем его. – И он стал рассказывать главарям о том, как надо действовать.

– Ну как, хорошо? – спросил он, закончив.

– Прекрасно! – сказал Сун Цзян. – Поистине нам так и следует поступить.

Сун Цзян и Хуа Юн тут же разработали окончательный план, и разбойникам был отдан приказ готовиться к походу. Хуа Юн выбрал себе доброго коня, кольчугу, лук, стрелы.

А теперь расскажем о том, как Цинь Мин подвел свой отряд к подножью горы и разбил лагерь в десяти ли от нее. На следующий день солдаты поднялись до рассвета. После завтрака была пущена ракета – сигнал к выступлению. Отряд двинулся к горе. На широкой равнине Цинь Мин выстроил свою конницу и солдат и приказал бить в барабаны.

Вдруг послышались оглушительные удары гонга, и на склоне появился большой отряд всадников и пеших. Цинь Мин осадил коня и, держа наперевес свою острую, как волчий клык, палицу, пристально всматривался в противника. С горы спускались разбойники во главе с Хуа Юном. У подножья они остановились. Снова ударили в гонг, и разбойники построились в боевой порядок. Хуа Юн, не слезая с лошади, поднял свое стальное копьё и приветствовал Цинь Мина. Но Цинь Мин с негодованием закричал:

– Хуа Юн! Твои предки из поколения в поколение были военачальниками и служили императору. Ты тоже был на должности военачальника, командира крепости, охраняющего этот округ, и получал содержание от казны... Что же с тобой случилось? Почему ты изменил императору и примкнул к разбойникам? Сегодня я прибыл сюда, чтобы схватить тебя. Если ты не окончательно потерял рассудок, сходи с лошади и пусть тебя свяжут, тогда мне не придется убивать тебя.

Хуа Юн с улыбкой сказал:

– Разрешите вас спросить, господин главнокомандующий, как мог Хуа Юн изменить императору? Все это произошло из-за Лю Гао, который ложно обвинил меня в преступлении. Он воспользовался данной ему властью, чтобы отомстить мне. У меня есть дом, но я не могу туда вернуться. У меня есть родина, но негде искать защиты. Вот до чего довели меня его преследования! И вот пришлось мне искать убежище здесь. Я прошу вас, господин главнокомандующий, хорошенько разобраться в моем деле и помочь снять с меня незаслуженное обвинение.

– Значит, ты отказываешься сойти с лошади и дать связать себя? – спросил Цинь Мин. – До каких же пор ты будешь разглагольствовать и своими хитрыми речами будоражить моих солдат?

Он приказал бить в барабаны и, взмахнув палицей, понесся на Хуа Юна.

Хуа Юн расхохотался и сказал:

– Неужели ты не понимаешь, Цинь Мин, что люди хотят тебе добра? Я помню, что чином ты выше меня, но уж не думаешь ли ты, что я испугался?

И, бросив поводья, он с пикой наперевес помчался навстречу Цинь Мину. Они съезжались раз пятьдесят, но трудно было сказать, на чьей стороне перевес. Вдруг Хуа Юн сделал вид, что отступает, повернул своего коня на боковую тропинку и притворился, что собирается спуститься с горы. Цинь Мин расвирепел и погнался за ним. Тогда Хуа Юн отбросил пику, осадил своего коня, схватил лук и пустил стрелу в кисть на шлеме Цинь Мина. Стрела попала прямо в цель, и кисть упала на землю. Это было предупреждением Цинь Мину. Цинь Мин

понял это, перестал преследовать Хуа Юна, быстро повернул коня и хотел было броситься на остальных разбойников, но те с криками побежали обратно на гору. Хуа Юн также поехал в гору, но другой дорогой.

Увидев, что противник исчез, Цинь Мин еще больше рассердился. Понося разбойников за их дерзость, он приказал бить в гонги и барабаны и начать преследование.

Выстроившись, отряд с воинственным кличем двинулся вперед. Первыми шли пешие воины. Когда они миновали несколько перевалов, то увидели, что навстречу им с кручи с грохотом летят бревна, большие камни, кувшины с негашеной известью и кадки с нечистотами. Передним отступать было некуда, и человек пятьдесят были сбиты с ног. Остальным оставалось только бежать.

Вне себя от гнева, Цинь Мин повел свой отряд в обход, надеясь найти другую дорогу на гору. Так они бродили по тропинкам до полудня. Вдруг с западного склона горы донеслись удары гонга. Из-за леса появился отряд с красными флагами. Однако, едва Цинь Мин ринулся со своими солдатами вперед, удары гонга прекратились и флаги исчезли.

Тут Цинь Мин увидел, что это вовсе не дорога, а всего лишь несколько тропинок, протоптанных дровосеками. Тропинки были завалены поломанными деревьями и ветвями, двигаться дальше было невозможно. Он хотел отдать приказ расчистить дорогу, когда ему донесли, что с восточного склона горы доносятся звуки гонга и наступает отряд с красными флагами. Цинь Мин и его солдаты тотчас же устремились туда. Но едва они появились на восточном склоне, как звуки гонга прекратились и флаги исчезли. Опустив поводья, Цинь Мин стал искать дорогу, но видел только тропинки дровосеков, заваленные срубленными деревьями и сучьями. Разведчики донесли ему, что на западном склоне горы снова слышатся звуки гонга и наступает отряд с красными флагами.

Цинь Мин пришпорил коня и бросился на западный склон. Но и там противник исчез так же внезапно, как и появился. Взбешенный Цинь Мин так яростно скрежетал зубами, что чуть было не раскрошил их. Он стоял не помня себя от гнева, как вдруг снова услышал звуки гонга, доносившиеся с восточного склона горы. Цинь Мин со своим отрядом поспешил туда и снова не обнаружил ни разбойников, ни флагов.

Грудь Цинь Мина распирало от ярости. Он хотел дать приказ искать дорогу на гору, но вдруг услышал крики, доносившиеся с западного склона горы. Гнев Цинь Мина вознесся до самых небес, и он с отрядом немедленно бросился на запад, но никого там не обнаружил. Тогда Цинь Мин отдал приказ искать дорогу и подниматься в гору с запада и с востока одновременно.

Но тут один из солдат выступил и доложил:

– Здесь нигде нет настоящего пути. Подняться можно только с юго-восточной стороны, там есть большая дорога. Если же мы попытаемся пройти здесь, то можем потерпеть поражение.

Услышав это, Цинь Мин сказал:

– Мы тотчас же выступим по этой дороге. – И он тут же повел свой отряд к юго-восточному склону горы.

Когда они прибыли туда, наступил вечер. И люди, и лошади выбились из сил. Цинь Мин хотел распорядиться, чтобы разбили лагерь и готовили еду, как вдруг по всей горе запылали факелы и раздались беспорядочные удары гонга и крики. Рассвирепев, он захватил с собой полсотни всадников и бросился на гору.

Тут из леса вылетела туча стрел. Несколько солдат были ранены. Выхода не было. Пришлось повернуть обратно и спуститься с горы. Он приказал солдатам заняться приготовлением еды. Но едва они развели огонь, как на склоне горы снова вспыхнули десятки факелов и люди, державшие их, с криком и свистом ринулись вниз. Однако не успел Цинь Мин броситься им навстречу, как все факелы снова исчезли.

Ночь была лунная, но темные облака скрывали луну, и было не очень светло. Цинь Мин, не в силах больше сдерживать гнев, решил приказать солдатам поджечь лес, но тут откуда-то из ущелья донеслись звуки флейты и барабанный бой. Пришпорив коня, Цинь Мин подъехал поближе и увидел, что на склоне горы, освещенные десятью факелами, Хуа Юн и Сун Цзян распивают вино.

Не зная, как излить свою злобу, Цинь Мин остановил коня и принялся отчаянно ругаться. Хуа Юн засмеялся и крикнул:

– Вам не следует так горячиться, господин командующий. Лучше вернитесь к себе и отдохните. А завтра мы с вами сразимся не на жизнь, а на смерть.

Тогда Цинь Мин гневно крикнул:

– Спускайся вниз, разбойник-изменник! Я хочу сейчас же сразиться с тобой триста кругов, и мы посмотрим, чья возьмет!

– Вы, господин командующий, сегодня уже устали, – ответил Хуа Юн. – Даже если я и одолею вас, то не смогу считать это с воей заслугой. Отправляйтесь-ка лучше к себе, а завтра приходите.

Цинь Мин рассвирепел еще больше. Стоя внизу, он продолжал браниться. Ему хотелось во что бы то ни стало найти дорогу на гору, но он боялся лука и стрел Хуа Юна, и ему оставалось только стоять внизу и продолжать ругаться. Вдруг из его лагеря донесся шум, послышались крики. Он поспешил туда и увидел, что с горы летят горящие шары и огненные стрелы. Человек тридцать разбойников, зайдя в темноте в тыл лагеря, пускали в солдат стрелы. Солдаты с криком бросились на другую сторону горы и спрятались в глубокой впадине.

Но, укрывшись от стрел, солдаты попали в другую беду. С горы на них обрушился мощный поток воды. Оказавшись в водовороте, они силились выкарабкаться и спасти свою жизнь. Но как только они выбирались на берег, разбойники цепляли их крюками с зазубринами, забирали в плен и уводили на гору. Те же, кому не удалось выкарабкаться на берег, потонули в потоке воды. Была уже третья ночная стража.

У Цинь Мина от гнева лопалась голова. Вдруг он заметил в стороне маленькую тропинку. Повернув лошадь, он бросился вверх, но, не проехав и пятидесяти шагов, вместе с лошадью полетел в глубокую яму.

Сидевшие возле ямы в засаде разбойники крючьями подцепили Цинь Мина и выволокли наверх. Они сорвали с него кольчугу, шлем, оружие и связали его. Затем они вытащили из ямы лошадь Цинь Мина и направились к стану Цинфын.

Весь этот хитроумный план был придуман Хуа Юном и Сун Цзяном. Это они научили разбойников появляться то с востока, то с запада, чтобы сбить с толку и вымотать солдат Цинь Мина. Это они велели запрудить две горных речки мешками с землей и постараться ночью загнать солдат и Цинь Мина в русло этих речек, а затем открыть запруду и погубить в бушующем потоке людей и лошадей.

Следует сказать, что из пятисот солдат и лошадей, которых привел с собой Цинь Мин, более половины погибло в воде. В плен попало только сто пятьдесят или сто семьдесят человек. Кроме того, разбойники захватили более семидесяти добрых коней. Ни одному солдату не удалось бежать, сам Цинь Мин попал в волчью яму и был захвачен живым.

Пока разбойники вели Цинь Мина в стан, совсем рассвело. Пятеро молодых сидели в комнате для совещаний. Связанного Цинь Мина ввели в помещение. Хуа Юн поспешно вскочил с своего кресла и пошел к нему навстречу. Он сам развязал веревки, помог Цинь Мину войти в комнату, затем, отвесив глубокий поклон, почтительно приветствовал его. Последний поспешил ответить на приветствие и сказал:

– Я – пленник, и в вашей власти разрезать меня на куски. Почему же вы так почтительно приветствуете меня?

– Наши молодцы не разбирают, кто благородный и кто низкий. И лишь по своему невежеству они оскорбили вас, – сказал Хуа Юн, преклонив колена. – Умоляем вас простить нам этот тяжелый проступок.

Он тут же достал тканную золотом одежду из атласа и подал Цинь Мину.

– А кто тот добрый молодец, который сидит на главном месте? – спросил Цинь Мин Хуа Юна.

– Это мой старший брат, – ответил Хуа Юн. – Зовут его Сун Цзян, он писарь из уезда Юньчэн, – а те почтенные люди – главари стана: Янь Шунь, Ван Ин и Чжэн Тянь-шоу.

– Этих-то троих я знаю, – сказал Цинь Мин. – А не тот ли это шаньдунский Сун Цзян, по прозвищу Сун Гун-мин Благодатный дождь?

– Тот самый, – не замедлил ответить Сун Цзян.

Услышав это, Цинь Мин поспешил почтительно приветствовать его и сказал:

– Давно слыхал я о вашем славном имени, но никак не ожидал, что увижу вас сегодня здесь.

Сун Цзян хотел быстро ответить ему на поклон, но не мог. Видя, с каким трудом он сгибает колени, Цинь Мин спросил его:

– Дорогой брат, что случилось с вашими ногами?

Тогда Сун Цзян рассказал ему свою историю с того момента, как он ушел из Юньчэна, и кончая тем, как его избил Лю Гао. Цинь Мин только головой покачал и сказал:

– Я знал лишь одну сторону этого дела, и вот к каким большим ошибкам это привело. Дайте мне возможность вернуться в Цинчжоу, и я расскажу обо всем начальнику области Му Юну.

Но Янь Шунь уговаривал Цинь Мина остаться на несколько дней и тотчас же приказал зарезать для пира баранов и лошадей. Пленным солдатам, находившимся в помещениях позади стана за горой, также послали мяса и вина.

Выпив несколько чашек, Цинь Мин поднялся и сказал:

– Доблестные герои! Вы были настолько великодушны, что сохранили мне жизнь. Верните же мне мою кольчугу, шлем, оружие и коня, чтобы я мог вернуться в Цинчжоу.

– Вы не правы, – сказал Янь Шунь. – Разве можно возвращаться в Цинчжоу, потеряв всех солдат и лошадей, которых привели с собой? Ведь Му Юн не оставит этого безнаказанно. Лучше оставайтесь у нас в стане на некоторое время. Правда, вам здесь покажется чересчур бедно. Но вы можете пить и есть с нами и заниматься нашим делом. Одеждой мы обеспечены, добычу делим справедливо, и это куда лучше, чем возвращаться в Цинчжоу и навлечь на себя гнев правителей.

Выслушав его, Цинь Мин сказал:

– И в этом мире, и на том свете я всегда буду верным слугой сунского императора. По распоряжению императорского двора я назначен командующим войсками и никаких проступков не совершил, почему же я должен превратиться в разбойника и восстать против императора? Если вы хотите убить меня – убивайте, – с этими словами он пошел прочь из комнаты.

Хуа Юн поспешил к Цинь Мину и, удерживая его, сказал:

– Не гневайтесь, дорогой друг, выслушайте меня. Я ведь тоже сын чиновника императорского дома. И тем не менее вынужден был прийти сюда. Если вы, господин командующий, не хотите стать разбойником, мы не можем принуждать вас, но прошу вас посидеть немного. Вот окончится пир, и я принесу вам кольчугу, шлем, оружие, приготовлю коня, и вы сможете ехать.

Но Цинь Мин ни за что не хотел садиться. Хуа Юн продолжал уговаривать его:

– Господин командующий, сейчас ночь. За минувший день вы очень утомились, да и ни один человек на вашем месте не в силах был бы все это выдержать. А потом, почему бы вам не накормить коня, прежде чем отправиться в дорогу?

«Он прав», – подумал Цинь Мин. Вернувшись в комнату, он сел за стол и принялся пить вино. Пятеро главарей то и дело подходили к нему с чашками в руках и приглашали выпить. Цинь Мин, ослабев от усталости и не имея возможности отказаться от угощения, вскоре окончательно опьянел, и его уложили спать. А хозяева занялись своими делами, о которых мы не будем пока говорить.

Продолжим же наш рассказ. Цинь Мин проспал до утра. Затем он вскочил, умылся, прополоскал рот и тотчас же собрался в дорогу.

– Позавтракайте сначала, господин командующий, а потом уже отправитесь. Мы проводим вас, – уговаривали хозяева.

Но так как Цинь Мин по характеру был горяч и нетерпелив, то желал ехать сейчас же. Хозяева быстро приготовили закуски и вина, принесли его шлем и кольчугу и дали ему одеться. Затем ему принесли оружие и острую палицу, привели коня. Несколько человек получили приказание сопроводить его вниз по склону. Пятеро главарей также поехали провожать Цинь Мина и распростились с ним у подножья горы. Цинь Мин сел на коня, взял свою острую палицу и покинул гору Цинфын, когда уже совсем рассветало.

В Цинчжоу он не ехал, а летел на своем коне. Он проехал десять ли, и было уже около полудня, когда он увидел, что вдали поднимается облако дыма. Нигде не было видно прохожих. В сердце Цинь Мина закралась тревога. В окрестностях города, там, где прежде стояли сотни домов, теперь все было сожжено дотла, опустошено и завалено битой черепицей и кирпичом. То здесь, то там в беспорядке лежали обгоревшие трупы мужчин и женщин. Цинь Мин с ужасом взглянул на это зрелище и погнал коня через груды развалин к городским стенам. Подъехав к воротам, он велел открыть их, но увидел, что мост через ров с водой высоко поднят, а на стене стоят солдаты, развеваются флаги, навалены камни и большие деревянные балки. Сдерживая коня, Цинь Мин крикнул солдатам, чтобы они опустили мост и дали ему проехать.

Но солдаты, завидев Цинь Мина, закричали и забили в барабаны.

– Я – командующий, почему же вы не впускаете меня в город? – крикнул Цинь Мин.

Тогда в просвете городской стены появился начальник области Му Юн и закричал:

– Ах ты разбойник! Иль ты совсем совесть потерял? Вчера ночью ты привел своих людей, напал на город, погубил множество жителей и сжег сотни домов. А сегодня ты снова пришел да еще требуешь открыть ворота? Императорский двор никогда не обижал тебя, как же мог ты совершить такой подлый поступок? Я уже послал донесение императорскому двору, и рано или поздно тебя поймут и изрежут на куски.

– Милостивый господин, вы ошибаетесь! – вскричал Цинь Мин. – Я потерял всех своих людей, был взят в плен разбойниками с горы и только сейчас вырвался на свободу. Как же мог я вчера ночью напасть на город!

– А ты думаешь, что я не узнал твоего коня, кольчугу, оружие и твой шлем? – продолжал кричать начальник области. – Да все, кто был на городских стенах, ясно видели, как ты командовал людьми с красными косынками на головах. Они избивали жителей и жгли дома. Как же смеешь ты отрицать все это? И если даже допустить, что тебя разбили и захватили в плен, то как могло случиться, что из пятисот солдат ни один не спасся и не сообщил сюда об этом? Ты хочешь обмануть нас, требуешь, чтоб открыли ворота, чтобы вывести из города свою семью. Но знай, что твоя жена сегодня утром убита. Если не веришь, я покажу тебе ее голову.

С этими словами он взял копье и поднял голову жены Цинь Мина над стеной.

Цинь Мин был человек горячий, грудь его разрывалась от гнева, он не мог даже говорить и лишь застонал от горя и несправедливости.

В это время с городской стены градом посыпались стрелы. Цинь Мину пришлось отъехать и укрыться от них. Повсюду над развалинами вспыхивали языки пламени.

Тогда Цинь Мин повернул коня и поехал прямо к пожарищу. Он готов был умереть. Цинь Мин долго размышлял и затем пустил своего коня знакомой дорогой, по которой сюда приехал.

Всего каких-нибудь десять с лишним ли остались позади, когда из леса появилась группа людей на лошадях. Впереди ехали пять молодцов. Это были, конечно, Сун Цзян, Хуа Юн, Янь Шунь, Ван Ин и Чжэн Тянь-шоу. За ними следовало около двухсот разбойников.

– Господин командующий! Почему вы не вернулись в Цинчжоу? Куда в одиночестве держите путь? – с поклоном спросил, сидя на лошади, Сун Цзян.

Цинь Мин гневно ответил:

– Я не знаю, что это был за разбойник, но пусть небо откажет ему в защите и земля перестанет носить его, пусть мясо срежут с костей его: он нарядился в мою одежду и напал на город, разрушил дома, в которых жил народ, погубил много мирных людей, из-за него погибла вся моя семья. О, горе мне! Нет сейчас тропинки, по которой я мог бы пойти на небо, нет двери, через которую я вошел бы в ад. Если я найду этого человека, то разорву его на куски своей острой палицей и лишь тогда успокоюсь. – Не волнуйтесь, господин командующий, – сказал Сун Цзян. – У меня есть план. Но здесь изложить его трудно. Поедьте с нами в горный стан, и я все расскажу вам.

Цинь Мину ничего не оставалось делать, как отправиться с ними на гору Цинфын.

Всю дорогу они молчали. Вскоре приехали в стан, сошли с лошадей и прошли в помещение. Разбойники приготовили вино, закуски и разные яства и накрыли стол в Зале совещаний. Пятеро главарей пригласили Цинь Мина в зал, предложили ему занять почетное место и опустили перед ним в ряд на колени. Цинь Мин поспешил ответить им тем же и тоже встал на колени. Тогда заговорил Сун Цзян:

– Господин командующий, не браните нас. Вчера ночью мы хотели задержать вас в стане, но вы решительно отказались. И вот тогда я придумал план: найти воина, похожего на вас, переодеть его в ваши доспехи и шлем, дать ему вашего коня, вашу палицу и послать в Цинчжоу во главе разбойников в красных повязках и там учинить разгром. Янь Шунь и Ван Коротколапый тигр взяли с собой каждый по пятидесяти человек и тоже отправились туда на помощь. Все было подстроено так, будто вы вернулись забрать свою семью из города. Резня и пожары сделали невозможным ваше возвращение туда. А сейчас мы пришли к вам с повинной головой и готовы понести заслуженное наказание.

Услышав это, Цинь Мин почувствовал, как в груди его поднимаются ярость и гнев. Он хотел уже вступить в смертельную схватку с Сун Цзяном и другими главарями, но, поразмыслив, рассудил, что, во-первых, само небо, очевидно, предопределило ему присоединиться к этим людям, во-вторых, что эти люди обошлись с ним весьма вежливо и почтительно и, наконец, что ему одному с ними не справиться. Поэтому он сдержал свой гнев и сказал:

– Друзья мои, хотя вы и с добрыми намерениями оставляли меня здесь, но принесли мне слишком много горя: я потерял жену и всю свою семью.

– Но если бы все сложилось не так, ведь вы ни за что не согласились бы остаться у нас, – ответил Сун Цзян. – Ваша жена погибла, но у Хуа Юна есть младшая сестра, очень умная и добродетельная девушка, и Хуа Юн с радостью отдаст ее вам в жены, чтобы возместить потерю, и даст за нею приданое. Что вы об этом думаете?

Цинь Мин, видя, с каким глубоким уважением и любовью относятся к нему эти люди, начал понемногу успокаиваться и наконец согласился. Затем все присутствующие решили, что главным среди них должен быть Сун Цзян.

После этого Цинь Мин, Хуа Юн и другие три начальника сели по старшинству. Был устроен торжественный пир. Все пили, ели и обсуждали план нападения на крепость Цинфын.

– Это дело не трудное, дорогие друзья, – сказал Цинь Мин. – Не стоит беспокоиться об этом. Хуан Синь мой подчиненный. Искусству владеть оружием научил его я. И, наконец, мы очень дружны с ним. Завтра я поеду к нему и попрошу открыть ворота крепости. Я постараюсь убедить его прийти сюда и присоединиться к нам. Мы возьмем сюда семью Хуа Юна, захватим

подлую бабу – жену Лю Гао – и отомстим за все. Это будет моим подарком по случаю вступления к вам. Что вы на это скажете?

Очень довольный таким ответом, Сун Цзян сказал:

– Какое счастье услышать такое великолепное обещание из ваших уст, господин командующий!

После пира все пошли на отдых. На следующее утро, поднявшись рано, они позавтракали, и каждый облачился в свои боевые доспехи. Цинь Мин сел на коня, взял острую палицу, первым спустился с горы и, как ветер, полетел к крепости Цинфын.

Между тем Хуан Синь, прибыв в крепость, объявил себя ее начальником. Он проверил, сколько осталось солдат, приказал днем и ночью бдительно нести охрану и, не осмеливаясь выступить на борьбу с разбойниками, накрепко запер все ворота. Он то и дело высылал разведчиков и дозорных, однако помощь из Цинчжоу не приходила.

Но вот однажды ему доложили, что у стен крепости находится командующий Цинь Мин, что он приехал верхом один и требует, чтобы его впустили в город. Услышав это, Хуан Синь вскочил на своего коня и поскакал к городским воротам. Действительно, там ожидал одинокий всадник и никого больше с ним не было. Хуан Синь приказал открыть городские ворота, опустить подъемный мост и выехал навстречу командующему.

Подъехав к управлению, они сошли с коней, и Хуан Синь пригласил Цинь Мина войти. После совершения всех церемоний, Хуан Синь спросил:

– Почему вы, господин командующий, приехали сюда один?

И тогда Цинь Мин рассказал, как он потерял солдат.

– Сун Цзян из провинции Шаньдун, – сказал он, – тот, которого прозвали «Благодатным дождем», известный своей справедливостью и бескорыстием, является другом всех доблестных людей в Поднебесной, и нет никого, кто бы ни почитал его. Я видел его на горе Цинфын, и сегодня я тоже вступил в их горный стан. У тебя нет ни жены, ни детей, и я советую тебе послушаться меня, отправиться в стан и присоединиться к ним. Таким образом ты избежишь гнева начальника области.

– Если вы, милостивый господин, находитесь там, – ответил Хуан Синь, – то осмелюсь ли я отказаться следовать за вами? Но я не слышал, что Сун Цзян был там. Вы говорите, что «Благодатный дождь» Сун Гун-мин в стане разбойников? Как же он там очутился?

Цинь Мин засмеялся и сказал:

– Это тот самый Чжан-сань из Юньчэна, которого вы недавно выслали. Он не назвал свое настоящее имя из опасения, что всплывет его старое судебное дело, поэтому он назвался Чжан-санем.

Услышав это, Хуан Синь чуть не упал от удивления и воскликнул:

– Знай я, что это Сун Цзян, я освободил бы его там же по дороге. Но я и понятия не имел об этом и слышал все лишь со слов Лю Гао. Ведь я чуть было не лишил Сун Цзяна жизни.

Цинь Мин и Хуан Синь уже собирались покинуть управление, когда увидели солдата, пришедшего с донесением: «Два конных отряда появились с разных направлений. Они бьют в барабаны и гонги, издают военные кличи и идут к городу».

Услышав это, Цинь Мин и Хуан Синь вскочили на коней и отправились навстречу. Когда они приблизились к городским воротам, то увидели тучи пыли, которые подымались до неба и заслоняли солнце. Казалось, что воздух насыщен яростью боя.

Затмевая горячее солнце,
встали пыли густой облака,
И предчувствие грозного боя
охватило небесный простор.
Словно два разъяренных потока,

с двух сторон надвигались войска,
И четыре бесстрашных героя
устремились в сражение с гор.

Как Цинь Мин и Хуан Синь встретили противника, об этом вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцать пятая
Каменный воин Ши Юн передает письмо
в деревенском трактире. Хуа Юн в
Ляншаньбо пускает стрелу в дикого гуся

Итак, выехав за ворота крепости, Цинь Мин и Хуан Синь увидели два отряда всадников, приближающихся с двух направлений. Один отряд возглавляли Сун Цзян и Хуа Юн, а другой – Янь Шунь и Ван Коротколапый тигр. В каждом отряде было полтораста человек. Хуан Синь приказал солдатам в крепости спустить подъемный мост и открыть ворота. Отряды разбойников вступили в крепость.

Отдав приказ не трогать ни жителей, ни солдат, Сун Цзян направился прямо в дом Лю Гао и вырезал его семью. Однако Ван Коротколапый тигр успел захватить жену Лю Гао. Подручные Вана вынесли из дома все имущество, золото, серебро, деньги и ценности и сложили в повозки. Угнали они и весь скот – лошадей, коров, овец. А Хуа Юн поехал к себе домой, собрал все добро, уложил в повозки и вывез из крепости жену, детей и младшую сестру. Своих слуг из местных жителей он отпустил по домам.

Забрав, что можно было, удальцы покинули крепость Цин-фын и вернулись в горный стан. Чжэн Тянь-шоу встретил их, и все вместе они пошли в Зал совещаний. Хуан Синь совершил церемонию приветствия и сел сбоку, ниже Хуа Юна. Сун Цзян приказал устроить семью Хуа Юна и разделить имущество Лю Гао между удальцами.

Жену Лю Гао Ван «Коротколапый тигр» спрятал у себя в комнате.

– А где жена Лю Гао? – вдруг спохватился Янь Шунь.

– Отныне она будет женой главаря лагеря, – ответил Ван Коротколапый тигр.

– Мы отдадим ее тебе, – сказал Янь Шунь, —но вели ей сейчас выйти. Мне надо сказать ей несколько слов.

– И я хочу расспросить ее кое о чем, – добавил Сун Цзян.

Ван Коротколапый тигр привел женщину в зал. Она вошла с плачем, умоляя о помиловании.

– Низкая ты женщина! – воскликнул Сун Цзян. – Я сделал тебе добро, отпустив с горы, ибо помнил о том, что ты жена императорского чиновника. А ты вот как отблагодарила меня! Что же можешь ты сказать в свое оправдание сейчас, когда тебя поймали?

– Да что разговаривать с этой распутной дрянью! – вскричал Янь Шунь. Вскочив на ноги, он выхватил меч и одним ударом рассек женщину надвое.

Тут Ван Коротколапый тигр впал в ярость и, вырвав у кого-то меч, хотел насмерть схватиться с Янь Шунем. Тогда все вскочили со своих мест, а Сун Цзян стал уговаривать Вана:

– Янь Шунь правильно поступил, убив эту женщину. Ты сам подумай, брат, ведь я приложил все усилия, чтобы спасти ее и отпустил с горы, не желая нарушать их семейного счастья. А она не только забыла об этом, но еще и подстрекала мужа причинить мне зло. Дорогой брат! Рано или поздно ты поплатился бы за то, что оставил ее у себя. Погоди, я найду для тебя хорошую женщину, и ты будешь счастлив.

– Верно, – поддержал Янь Шунь Сун Цзяна, – не убей я ее, она принесла бы нам только беду.

Но на все уговоры Ван Коротколапый тигр молчал, не проронив ни единого слова. Наконец Янь Шунь распорядился унести мертвую женщину. Кровь вытерли и занялись подготовкой к пиру в честь победы.

На следующий день Хуа Юн выдал свою сестру замуж за Цинь Мина. Сун Цзян и Хуан Синь были посаженными, а Янь Шунь, Ван Коротколапый тигр и Чжэн Тянь-шоу – сватами.

Сун Цзян и Янь Шунь приготовили положенные свадебные подарки. Пять дней длился пир.

Спустя несколько дней дозорные прибыли на гору с донесением. Оказалось, что Му Юн, начальник области Цинчжоу, послал донесение советнику императора о том, что Хуа Юн, Цинь Мин и Хуан Синь перешли на сторону разбойников, и предлагал послать против них карательное войско.

– Услышав об этом, главари стали держать совет.

– Наш стан невелик, долго здесь не продержаться. Если придет большое войско и окружит нас со всех сторон, разве сможем мы противостоять ему?

– У меня есть предложение, – сказал Сун Цзян, – но я не знаю, согласитесь ли вы с ним.

– Мы рады выслушать ваши мудрые указания, – отвечали остальные.

– К югу отсюда, – сказал Сун Цзян, – на расстоянии восьмисот ли, есть одно место, которое называется Ляншаньбо. В центре его расположены город Ваньцзычэн и озеро Ляоэрва. Чао Гай собрал там около пяти тысяч молодцов и господствует над всем водным пространством. Правительственные войска не смеют и носа туда сунуть. Почему бы нам не собрать наш отряд и не присоединиться к Чао Гаю?

– Это было бы очень хорошо, – заметил Цинь Мин. – Но где взять человека, который замолвил бы за нас словечко? Ведь неизвестно еще, захотят ли там принять нас.

Сун Цзян рассмеялся и рассказал, как Чао Гай с приятелями захватили подарки ко дню рождения сановника, как Лю Тан пришел к нему с письмом и золотом в знак благодарности, как он, Сун Цзян, убил Янь По-си, а потом бежал и присоединился к вольному человеку.

Выслушав все это, Цинь Мин остался очень доволен и сказал:

– Если вы, дорогой брат, так облагодетельствовали их и пользуетесь их доверием, то нам нечего медлить. Давайте побыстрее собираться и отправляться туда.

В тот же день они договорились окончательно. Все свое добро – золото, серебро, одежду и другие вещи, а также всех женщин и детей они решили отправить на десяти повозках. В отряде было шестьсот добрых коней. Людям, которые не захотели отправиться с ними, выдали немного серебра и разрешили уйти с горы искать себе новое пристанище, а тех, кто выразил желание ехать, зачислили в отряд воинов, которых привел Цинь Мин. Всего набралось около пятисот человек.

Сун Цзян приказал отряду разделиться на три группы. В дороге их должны были принимать за карательные войска, которые направляются в Ляншаньбо для борьбы с разбойниками. Когда все было готово и повозки нагружены, стан подожгли и сровняли с землей, а затем тремя группами стали спускаться с горы.

Впереди ехали Сун Цзян и Хуа Юн. Их отряд насчитывал человек пятьдесят. Около сорока всадников охраняли повозки с женщинами, детьми и имуществом. Вторая группа, во главе с Цинь Мином и Хуан Сином, имела около ста лошадей и несколько повозок. Позади следовали Янь Шунь, Ван Коротколапый тигр и Чжэн Тянь-шоу. Они вели за собой около двух сотен людей и полсотни лошадей. Так они покинули гору Цинфын и направились в Ляншаньбо. Знамена отряда возвещали о том, что это идут правительственные войска, посланные на поимку разбойников; поэтому никто из встречных не осмеливался остановить их.

Прошло дней пять или семь, и Цинчжоу остался далеко позади.

Но продолжим наш рассказ. Сун Цзян и Хуа Юн ехали впереди отряда, за ними следовали повозки с женщинами и детьми. Вторая группа находилась на расстоянии почти двадцати ли от них. Наконец они подъехали к месту, которое называлось «Гора Близнецов». Там, между двумя высокими, одинаковой формы горами, проходила большая широкая дорога. Вдруг с горы донеслись удары барабана и гонга.

– Это разбойники, – сказал Хуа Юн. Он прикрепил свое оружие к седлу и вынул лук и стрелы.

Приготовив все, он вложил лук в чехол и велел одному из верховых поторопить обе группы, следовавшие сзади, а затем распорядился собрать людей и лошадей и повозки и остановиться. Затем Сун Цзян и Хуа Юн с двадцатью молодецами поехали вперед на разведку. Миновав пол-ли, они увидели у подножья горы отряд всадников. Человек сто, одетых с головы до ног во все красное, окружали молодого статного воина, также одетого в красные одежды, державшего наперевес копьё.

Статный воин громко кричал:

– Сегодня я померяюсь с тобой силами и посмотрим, кто победит!

Тут из-за перевала с противоположной стороны показалось еще человек сто всадников, но в белых одеждах. Отряд возглавлял статный молодец, также одетый во все белое. Он сжимал в руке резное копьё. С одной стороны развевались красные знамена, с другой – белые. Оглушительно забили барабаны, сотрясая саму землю.

Оба воина хранили молчание. Затем, взяв копьё на изготовку, они пришпорили коней и ринулись навстречу друг другу. На широкой дороге начался поединок. Воины схватывались уже более тридцати раз, но все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Хуа Юн и Сун Цзян, сидя на лошадях, наблюдали за ними, издавая невольно возгласы одобрения. Хуа Юн, наблюдая за сражающимися, подъезжал все ближе и ближе, чтобы лучше видеть. Между тем противники, увлеченные боем, не заметили, что приблизились к отвесному берегу горного

потока. У одного к пике был прикреплен хвост барса, у другого – пучок разноцветных блестящих лент. Во время стычки хвост барса запутался в лентах, и оба копья сцепились так, что невозможно было их оторвать друг от друга.

Тогда Хуа Юн осадил лошадь, левой рукой достал из чехла свой летающий лук, а правую опустил в колчан. Он положил стрелу на тетиву, натянул лук до отказа и прицелился в узел, где сцепились концы копий. Стрела попала прямо в цель, рассекла узел, и копья разъединились.

Более двухсот человек в один голос издали крик восторга; воины прекратили бой и, пришпорив коней, подскакали к Сун Цзяну и Хуа Юну. Сидя на лошадях, они почтительно поклонились и, приветствуя новоприбывших, сказали:

– Умоляем вас назвать славное имя того, кто пустил эту чудесную стрелу.

Хуа Юн, не слезая с лошади, отвечал:

– Этот человек – благородный брат мой – писарь чэнского уездного управления, шаньдунский Сун Цзян, по прозвищу Благодатный дождь. А я – Хуа Юн, начальник крепости Цинфын.

Услышав эти имена, оба воина прикрепили свое оружие к седлам и, сойдя с лошадей, пали ниц, склонив голову до самой земли. Совершая поклоны, они говорили:

– Мы давно слышали о ваших славных именах.

Сун Цзян и Хуа Юн также спешили и, поднимая их, сказали:

– Мы тоже хотели бы узнать благородные фамилии и имена обоих воинов.

Тогда тот, который был одет в красную одежду, ответил:

– Фамилия моя Люй, имя Фан. Я уроженец Таньчжоу. Мне всегда нравилось изучать приемы боя полководца Люй Бу, и я научился владеть пикой. За это меня прозвали «Младший полководец» Люй Фан. Я торговал лекарствами, но приехав в Шаньдун, потерял все свое состояние и не мог возвратиться домой. Пришлось мне пока обосноваться здесь, на Горе Ближнецов, и заняться разбоем. Но вот недавно сюда пришел другой воин и хотел захватить мой стан. Я предложил ему поделить эти горы, но он отказался. Теперь мы приезжаем сюда каждый день и сражаемся друг с другом. Кто же мог думать, что нам посчастливится сегодня увидеть ваши благородные лица.

Тогда Сун Цзян спросил, как зовут воина в белой одежде, и тот ответил:

– Фамилия моя Го, имя Шэн. Моя родина уезд Цзялин, области Сычуань. Я торговал ртутью. Однажды на реке Хуанхэ мы попали в бурю, лодка наша перевернулась, и я не смог вернуться домой. Еще будучи в Цзялине, я под руководством командира местного отряда Чжана научился некоторым приемам владения пикой. Мне пришлось долго упражняться, чтобы владеть этим оружием легко и свободно. За мое искусство люди прозвали меня «Жэнь Гуй» в честь знаменитого мастера, человека, который прославился своим умением владеть пикой. От вольного люда я узнал, что на Горе Ближнецов обосновался удалец, который тоже владеет этим оружием. Тогда я решил прийти сюда и помериться с ним силами. Теперь мы боремся с ним изо дня в день. Прошло уже больше десяти дней, но до сих пор так и неизвестно, кто из нас выйдет победителем. Вот уж не думали мы, что сегодня само небо пошлет нам такое счастье встретить вас.

Сун Цзян рассказал им обо всем, что произошло, и сказал:

– Раз уж нам посчастливилось встретиться друг с другом, разрешите помирить вас, друзья мои. Что вы на это скажете?

Оба воина остались очень довольны и охотно согласились жить в мире. К этому времени подошли остальные отряды, и воины познакомились друг с другом. Люй Фан пригласил всех подняться на гору и велел зарезать для угощения коров и лошадей. А на следующий день Го Шэн тоже приготовил угощение: мясо и вино. После этого Сун Цзян предложил обоим воинам отправиться вместе с ними в Ляншаньбо и там объединиться с отрядом Чао Гая. Люй Фан и Го Шэн с радостью согласились на это предложение.

Они подсчитали своих людей и лошадей, собрали имущество и уже готовы были выступить, когда Сун Цзян сказал:

– Подождите. Мы не так должны идти. Если мы двинемся в Ляншаньбо с отрядом в пятьсот человек, то разведчики Чао Гая сообщат об этом в стан. А когда станет известно о том, что к Ляншаньбо идут войска, там, пожалуй, действительно подумают, что мы – каратели. И тут уже шутки плохи. Лучше мы с Янь Шунем поедem вперед и предупредим их о нашем приходе, а вы следуйте за нами, как прежде, тремя группами.

– Вы очень прозорливы, дорогой брат, – сказали Хуа Юн и Цинь Мин. – Действительно, мы должны следовать раздельно, друг за другом. Вы, брат, поезжайте впереди нас на расстоянии в половину дня, а мы выедем позже и будем присматривать за отрядом.

Мы не будем больше рассказывать здесь о том, как отряды отправились с Горы Близнецов, а расскажем лишь о Сун Цзяне и Янь Шуне, которые верхом на конях, захватив с собой человек десять, поехали в разбойничий стан Ляншаньбо. Они ехали целых два дня и на третий в полдень увидели в стороне от дороги большой трактир. Взглянув на него, Сун Цзян сказал:

– Ну, молодцы, вы, наверно, устали с дороги. Давайте поедим и выпьем здесь, а потом поедem дальше.

Сун Цзян и Янь Шунь спешили и пошли в трактир, приказав людям рассупонить лошадей и идти следом. В трактире было три больших стола и несколько маленьких. За одним из больших столов Сун Цзян увидел человека в куртке из черного шелка, подпоясанного белым поясом. Голова его была повязана косынкой углом вперед в виде свиного рыла. Сзади косынка была закреплена двумя медными тайюаньскими цепочками, которых и за золото не купишь. Ноги в матерчатых обмотках и пеньковых туфлях с восемью завязками. К столу был прислонен короткий посох, а на другой стороне стола лежал узел. Ростом человек этот был больше восьми чи. На его желтом костистом лице выделялись блестящие глаза. Ни бороды, ни усов у него не было. Сун Цзян подозвал слугу и сказал:

– Со мной много людей. Мы оба сядем в глубине комнаты, а ты попроси этого гостя пересесть за другой стол, чтобы моим товарищам было где расположиться выпить и закусить.

– Слушаюсь, – ответил слуга.

– Принеси сюда вина и большие чашки. Налей каждому из наших товарищей по три чашки, а если есть мясо, носи и его. Сначала пускай все поедят, а потом налей вина и нам.

После этого Сун Цзян и Янь Шунь прошли в глубину комнаты. В это время в трактир вошли остальные. Увидев их, слуга подошел к гостю, который походил на странника и, обращаясь к нему, сказал:

– Простите за беспокойство, господин служивый, но прошу вас, освободите этот большой стол для людей, сопровождающих тех двух командиров, которые сидят в глубине комнаты.

Человек выругал слугу за то, что тот назвал его служивым, и сердито сказал:

– Тут важно, кто пришел раньше. Да и с какой стати должен я менять свое место ради подчиненных каких-то командиров? Никуда я не пересяду. Услышав это, Янь Шунь сказал Сун Цзяну:

– Посмотри, как невежливо он ведет себя.

– Оставь его в покое, вот и все, – ответил Сун Цзян. – Или ты хочешь быть похожим на него?

Тут они заметили, что гость обернулся и взглянул на них с суровой усмешкой. Слуга, извиняясь, продолжал:

– Господин служивый, вы уж войдите в мое положение. Пересядьте, пожалуйста, за другой стол. Не все ли вам равно?

Тут незнакомец пришел в ярость и, стукнув кулаком по столу, закричал:

– Ах ты, болван! Что ты ко мне пристаешь, дьявол тебя побери! Да если бы даже сам император этого захотел, и то я не пересел бы. Попробуй еще поговори у меня! Отведаешь тогда моих кулаков!

– Да ведь я же ничего не сказал! – оправдывался слуга.

– Посмел бы ты сказать мне что-нибудь! – рявкнул незнакомец. Тут Янь Шунь не выдержал.

– Эй, парень! – крикнул он. – Почему ты безобразничаешь?.. Не хочешь пересесть – и не надо. Зачем же человека запугивать?..

Тогда незнакомец вскочил, схватил свой короткий посох и сказал:

– Я ругал его, а тебе что за дело? На земле существуют лишь два человека, которым я готов уступить, а все остальные для меня все равно что глина под ногами.

Тут Янь Шунь совсем разозлился. Он схватил скамейку и хотел уже было броситься в драку, но Сун Цзян, уловивший в речи незнакомца какой-то намек, встал между ними и начал их успокаивать:

– Прошу вас, не ссорьтесь. Хотел бы я знать, каких это двух человек в целом свете вы уважаете?

– Если я назову их, вы сдохнете от ужаса, – ответил незнакомец.

– Все же мне хотелось бы знать замечательные имена этих людей, – сказал Сун Цзян.

– Один из них потомок императора прежней династии, – ответил человек. – Имя его – Чай Цзинь, по прозвищу Маленький вихрь.

Сун Цзян в душе согласился с ним и снова спросил:

– А кто же другой?

– А другой еще замечательнее. Он писарь из Юньчэна, родом из Шаньдуна, зовут его Сун Цзян, по прозвищу Благодатный дождь.

Сун Цзян взглянул на Янь Шуня и чуть заметно улыбнулся; Янь Шунь поставил скамейку на место, а незнакомец продолжал говорить:

– За исключением этих двух человек я не испугаюсь никого, даже самого императора великих Сунов.

– Пойдите, – сказал Сун Цзян. – У меня есть к вам вопрос, ибо я знаю тех людей, которых вы упомянули. Где вы с ними встречались?

– Если вы знаете их, мне вас обманывать не следует, – отвечал тот. – Три года тому назад я прожил в поместье господина Чай Цзиня более четырех месяцев. А вот с Сун Цзяном мне встречаться не приходилось.

– А хотелось бы вам познакомиться с этим темнолицым парнем? – спросил Сун Цзян.

– Да, я сейчас как раз иду разыскивать его.

– А кто вас просил об этом? – снова спросил Сун Цзян.

– Его брат Сун Цин Железный веер, – ответил незнакомец. – Он дал мне письмо и попросил разыскать его.

Сун Цзян очень обрадовался, подошел к гостю и сказал:

– Если судьбой нам предназначено встретиться, то мы должны встретиться, даже если нас разделяют тысячи ли. Если же нам встретиться не суждено, даже столкнувшись лицом к лицу, мы пройдем мимо друг друга. Я не кто иной, как тот самый Сун Цзян.

Человек изумленно взглянул на него, а затем отвесил поклоны и сказал:

– Поистине само небо привело меня к вам, уважаемый брат. А я чуть было не прошел мимо, даже не подозревая, что это вы. Напрасно только сходил бы в поместье старого господина Куна.

Тогда Сун Цзян отвел человека в глубь комнаты и спросил:

– Все ли благополучно у меня дома?

– Прошу вас, старший брат мой, выслушать меня, – сказал человек. – Фамилия моя Ши, имя Юн, я уроженец Даминфу. Играя в азартные игры, я добывал себе на пропитание. Жители нашей деревни дали мне кличку Каменный воин. Однажды во время игры я ударом кулака убил человека, и мне пришлось бежать в поместье господина Чай Цзиня, мой уважаемый брат. Поэтому я нарочно отправился в Юньчэн, чтобы повидаться с вами. Но там я узнал, что вы уехали по какому-то делу. Когда при встрече с вашим братом я заговорил о Чай Цзине, он мне сказал, что вы, уважаемый друг, не там, а в поместье старого господина Куна, на горе Белого тигра. Я решил во что бы то ни стало повидать вас, уважаемый друг. Ваш брат написал это письмо и, передавая его мне, чтобы я снес его в поместье Куна, сказал: «Если ты встретишь моего брата, скажи ему, чтобы он поскорее возвращался домой».

При этих словах в сердце Сун Цзяна закралась тревога, и он спросил:

– Сколько дней вы прожили в нашей усадьбе? Вы видели моего отца?

– Я провел там всего одну ночь, а потом ушел. Старого господина я не видел, – сказал Ши Юн.

Сун Цзян рассказал Ши Юну о разбойничьем стане в Ляншаньбо, и тот сказал:

– Когда я ушел из поместья сановника Чай Цзиня, то повсюду слышал от вольного люда о вашем славном имени, мой уважаемый брат. Все говорили о том, что вы бескорыстный и справедливый человек, помогаете всем угнетенным, всем, кого притесняют. Если вы, уважаемый друг, решили сейчас отправиться в этот лагерь, то должны взять и меня с собой.

– Стоит ли об этом говорить? – ответил Сун Цзян. – Что значит для нас еще один человек? А пока что познакомьтесь с Янь Шунем. – И, обращаясь к слуге, он крикнул:

– Подойди сюда и налей нам вина.

Когда они выпили по три чашки вина, Ши Юн вынул из узла письмо и передал его Сун Цзяну. Конверт был запечатан кое-как, на нем не было обычных иероглифов, выражающих пожелание счастья и мира. Сун Цзяна охватило беспокойство. Он поспешно разорвал конверт и дочитал до середины. Вторая половина письма гласила:

«В десятый день первой луны этого года наш отец заболел и умер. Гроб с его телом еще дома, и мы ждем тебя, дорогой брат, чтобы похоронить его. С большим нетерпением ждем твоего скорейшего возвращения. Не задерживайся. С кровавыми слезами написал это письмо твой младший брат Сун Цин».

Кончив читать, Сун Цзян застонал от отчаяния:

– О, горе! Горе!

И уже не помня ничего, принялся колотить себя в грудь кулаком.

– Своенравный и негодный я сын! – ругал он себя. – Какое преступление я совершил! Мой старый отец умер, а я не выполнил сыновнего долга. Чем же я лучше дикого зверя?

Он бился головой о стену и громко плакал.

Янь Шунь и Ши Юн обняли его, и Сун Цзян рыдал до тех пор, пока не потерял сознания. Прошло много времени, прежде чем он пришел в себя.

– Дорогой брат, не надо так расстраиваться, – говорили Янь Шунь и Ши Юн, успокаивая его.

– Не считите меня человеком легкомысленным и бесчувственным, – сказал Сун Цзян, обращаясь к Янь Шуню. – Я всегда думал о своем добром отце. Сейчас его нет больше в живых, и я должен сегодня же ночью вернуться домой. А вы, дорогие братья, как-нибудь сами доберетесь до горного стана.

– Уважаемый друг, – стал уговаривать его Янь Шунь, – вашего отца нет больше в живых. Если вы и вернетесь домой, то все равно не увидите его. Под небесами нет таких родителей, которые бы не умирали. Поэтому смягчи свое сердце и веди нас, твоих братьев, вперед. А потом мы все вместе вернемся на похороны. Еще не будет поздно. В древности говорили:

«Когда у змеи нет головы, она не может двигаться». Разве согласятся главари Ляншаньбо принять нас к себе, если вы нас не поведете?

– Предположим, что я поведу вас в стан. Но сколько дней тогда я потеряю! Поистине я никак не могу этого сделать. Я дам вам письмо, где подробно все изложу, а вы возьмете с собой Ши Юна и пойдете в стан. Дождитесь тех, кто идет позади, чтобы прибыть туда всем вместе. Если бы я сегодня не узнал, что отец мой умер, тогда и разговаривать было бы не о чем. Но раз само небо пожелало, чтобы я узнал об этом, то каждый день будет для меня подобен году, и нигде не будет мне покоя. Я не возьму с собой ни одного человека, не надо мне и коня. Я пойду один, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

Разве могли Янь Шунь и Ши Юн остановить его? Сун Цзян попросил слугу принести ему кисточку, тушь и лист бумаги и, плача, написал письмо, еще и еще раз повторяя свои указания и наставления о том, что еще следовало сделать. На конверте он написал, что не запечатывает его, и отдал Янь Шуню. Потом он снял с Ши Юна туфли на восьми завязках и надел их, взял немного серебра и заткнул за пояс кинжал. Кроме того, он взял короткий посох Ши Юна. Сун Цзян не притронулся ни к пище, ни к вину. Он уже выходил из ворот, когда Янь Шунь сказал ему:

– Дорогой брат, вы бы подождали Хуа Юна и Цинь Мина, повидались бы с ними перед уходом. Успеете еще отправиться в путь.

– Нет, я не буду ждать, – сказал Сун Цзян. – С моим письмом вы не встретите никаких затруднений. Ши Юн, брат мой, расскажи в Ляншаньбо обо всем. Поговори с ними от моего имени. Пусть извинят меня за то, что из-за смерти отца я должен был спешно вернуться домой.

Сун Цзяну хотелось в одно мгновение достигнуть своего дома, и он пошел так быстро, словно летел на крыльях.

Теперь вернемся к Янь Шуню и Ши Юну. Они выпили еще немного вина, поели печенья и, расплатившись, повели отряд дальше. Отъехав от трактира на пять ли, они увидели большой постоялый двор. Там они остановились и стали ждать подхода остальных групп. Утром следующего дня прибыли все. Янь Шунь и Ши Юн рассказали главарям о том, что Сун Цзян спешно вернулся домой на похороны своего отца. Тогда все стали упрекать Янь Шуня:

– Почему же ты не задержал его немного?

– Услышав, что отец его умер, Сун Цзян готов был покончить с собой, – вступился за Янь Шуня Ши Юн. – Как же можно было задержать его? Он бы улетел, если бы мог. Он написал очень подробное письмо, дал его нам и сказал, чтобы мы шли дальше. Когда в Ляншаньбо прочтут это письмо, никаких препятствий чинить нам не будут.

Прочитав письмо, Хуа Юн и Цинь Мин сказали:

– Мы сейчас в очень тяжелом положении. Вперед идти трудно, но возвращение невозможно. Мы не можем идти обратно, расходиться нам тоже не следует. Остается лишь одно – идти вперед. Положим письмо в конверт и пойдем в горы. Если в Ляншаньбо не захотят нас принимать, придется придумать что-нибудь другое.

И вот девять удалцов, ведя за собой около пятисот человек и лошадей, двинулись потихоньку в направлении Ляншаньбо и стали искать дорогу, ведущую на гору. Дорогу они нашли, и тут вдруг услышали звуки барабанов и гонгов, доносившиеся из зарослей камыша над водой. Впереди по склонам гор повсюду развевались знамена всех цветов, а на озере показались две быстроходные лодки.

На первой лодке находились человек пятьдесят удалцов, на носу ее сидел их главарь. Это был не кто иной, как Линь Чун Барсоголовый. За первой лодкой следовала вторая, в которой тоже находилось полсотни разбойников, и возглавлял их «Рыжий дьявол» Лю Тан.

Линь Чун с первой лодки крикнул:

– Что вы за люди? Откуда и из каких войск посланы сюда? Как посмели вы выступить против нас? Мы всех вас перебьем, ни од ного не оставим в живых. Вы, конечно, слышали славное имя Ляншаньбо?

Тут Хуа Юн, Цинь Мин и другие спешили и, остановившись на берегу, ответили:

– Мы не правительственные войска. У нас есть письмо от нашего уважаемого брата Сун Цзяна. Мы пришли искать прибежища в вашем стане.

Услышав это, Линь Чун сказал:

– Если у вас есть письмо от почтенного брата Сун Цзяна, идите вперед к постоялому двору Чжу Гуя и там покажите это письмо. Мы прочитаем его и тогда пригласим вас к себе для беседы.

На лодке взмахнули синим флагом, и из зарослей тростника выплыл маленький челнок. В нем сидели три рыбака. Когда челнок причалил к берегу, один из рыбаков остался в нем, а двое других вышли на берег и сказали:

– Пусть ваши солдаты и командиры следуют за нами.

В это время на одной из лодок взмахнули белым флагом. Зазвучал медный гонг. Обе быстроходные лодки скрылись. Когда прибывшие увидели все это, то окаменели от изумления.

– Какая армия посмеет прийти сюда? – говорили они. – Разве можно сравнить наш горный стан с этим?

Отряд последовал за рыбаками. Они долго шли по извилистым тропам, пока не вышли прямо к кабачку Чжу Гуя. Чжу Гуй, услышав голоса, вышел навстречу и познакомился с ними. Затем он велел зарезать двух коров и каждому дал вина. Прочитав письмо, он отправился в павильон над водой и пустил поющую стрелу в тростниковые заросли. Оттуда сразу же выехал быстроходный челнок. Чжу Гуй приказал гребцам отвезти письмо в стан на гору. Затем он приказал зарезать еще барана и свинью для угощения девяти прибывших главарей, а солдат и лошадей велел разместить на отдых.

На следующее утро в кабачок Чжу Гуя приветствовать прибывших явился сам У Юн. Когда все познакомились с ним и были выполнены церемонии вежливости, он подробно расспросил об их походе, и вскоре к берегу подошли штук тридцать больших весельных лодок. У Юн и Чжу Гуй пригласили девять главарей сойти в лодки. Там разместили также женщин, детей, солдат и лошадей, уложили имущество и направились в Цзиньшатань. Высадившись там на берег и пройдя сосновый лес, они увидели предводителя стана Чао Гая, который в сопровождении большого числа удальцов вышел им навстречу с музыкой. Познакомившись с девятью главарями, Чао Гай пригласил их следовать ущельем, которое вело в стан. Отсюда они, кто верхом на лошади, а кто на носилках, отправились прямо в главное помещение стана. Совершив один за другим церемонии с поклонами, они расселись, причем в кресла с левой стороны сели Чао Гай, У Юн, Гун-Сунь Шэн, Линь Чун, Лю Тан, Юань Сяо-эр, Юань Сяо-у, Юань Сяо-ци, Ду Цянь, Сунь Вань, Чжу Гуй и Бай-шэн «Дневная крыса», которому несколько месяцев тому назад благодаря удальцам, посланным У Юном, удалось бежать из цзичжоуской тюрьмы.

В креслах с правой стороны разместились Хуа Юн, Цинь Мин, Хуан Синь, Янь Шунь, Ван Ин, Чжэн Тянь-шоу, Люй Фан, Го Шэн и Ши Юн. Все уселись двумя рядами. Посередине стояла зажженная курильница, в которой горели благовонные палочки. Каждый из присутствующих принес клятву.

После этого громко затрубили рога, загрохотали барабаны. Для пира зарезали много коров и лошадей. Вновь прибывшие удальцы пришли и совершили церемонию поклонов. Главари приветствовали их и угощали. За станом были приготовлены дома, где разместили женщин и детей.

Во время пира Цинь Мин и Хуа Юн восхваляли Сун Цзяна и рассказали о том, как отомстили за него в крепости Цинфын. Все главари слушали с большим удовольствием. Было рас-

сказано также и о том, как состязались на копьях Люй Фан и Го Шэн и как Хуа Юн выстрелом из лука рассек узел из лент и освободил пики. Чао Гай не совсем поверил, однако сказал:

– Неужели можно быть таким искусным в стрельбе из лука? Надо и нам как-нибудь помериться с Хуа Юном силами в этом деле.

В тот же день, когда было съедено много блюд и выпито много вина, хозяева предложили:

– Пойдемте на гору, погуляем немного, а затем вернемся обратно и продолжим наш пир.

Церемонно, уступая друг другу дорогу, они вышли из помещения и прогуливались, с наслаждением любуясь горными видами. Дойдя до третьих ворот, они увидели в небе несколько стай пролетающих с криком диких гусей. Тут Хуа Юн подумал:

«Чао Гай не поверил, что я рассек стрелой спутанный узел. Мне следует показать, на что я способен, и я покажу это на диких гусях. Пусть посмотрят, тогда, может быть, станут уважать меня».

Оглянувшись, он увидел, что у одного из сопровождавших их людей были лук и стрелы. Хуа Юн попросил лук и, взяв его в руки, увидел, что оружие это очень красиво и искусно отделано злотом. Именно такой лук он хотел бы иметь. Быстро выбрав хорошую стрелу, он обратился к Чао Гаю:

– Вы и ваши главари, уважаемый брат, кажется не поверили, что я стрелой рассек спутанный узел. Видите? Там, далеко, летит стая диких гусей. Не смею хвастаться, но думаю, что эта стрела пробьет голову третьего в ряду гуся. Если же я промахнусь, то, надеюсь, главари не станут смеяться надо мной.

С этими словами Хуа Юн наложил стрелу на тетиву, натянул лук до отказа и прицелился. Стрела взлетела ввысь и действительно попала в третьего в ряду гуся. Птица полетела вниз на склон горы. Тотчас же послали человека принести гуся, и когда это было исполнено, все убедились, что стрела попала гусю прямо в голову. Увидев это, Чао Гай и остальные главари были поражены и дали Хуа Юну прозвище Волшебный воин.

– Что тут говорить! Вас можно сравнить не только с Сяо Ли-гуаном, но даже сам Ян Ю-цзи не мог бы соперничать с вашим великолепным искусством, – с восхищением сказал У Юн. – Поистине это большое счастье для нашего стана, что вы пришли сюда.

После этого случая в горном стане не было ни одного человека, который не почитал бы его. Все главари вернулись в помещение, и пир продолжался, а когда наступила ночь, все пошли отдыхать.

На следующий день снова начался пир. Нужно было определить звание каждого человека. Раньше Цинь Мин сидел выше Хуа Юна, но так как Хуа Юн приходился старшим братом жене Цинь Мина, то ему было предоставлено пятое место, рядом с Линь Чуном, а Цинь Мину шестое. Лю Тан занял седьмое, Хуан Синь – восьмое; далее, ниже трех братьев Юань, сели Янь Шунь, Ван Коротколапый тигр, Люй Фан, Го Шэн, Чжэн Тянь-шоу, Ши Юн, Ду Цянь, Сунь Вань, Чжу Гуи и Бай-шэн. Всего в звании главарей были теперь двадцать один человек.

Когда торжественное пиршество в честь этого события закончилось, начали строить много больших лодок и домов; сооружали повозки, ковали оружие, кольчуги, шлемы, приводили в порядок флаги и одежду, луки и стрелы. Стан готовился к борьбе с правительственными войсками. Однако об этом мы больше говорить не будем.

Расскажем лучше о том, что случилось с Сун Цзяном. Покинув деревенский трактир, он шел домой, не зная отдыха, и на следующий день после полудня подошел к кабачку, расположенному на окраине его деревни. Там он остановился отдохнуть. Хозяин кабачка Чжан был в хороших отношениях с семьей Сун Цзяна. Видя, что Сун Цзян чем-то расстроен и даже потихоньку плачет, Чжан спросил его:

– Господин писарь, более полутора лет вы не были дома. Мы рады, что вы сегодня вернулись к нам. Почему же вы так печальны? Почему ваше сердце не радуется? Вы должны быть счастливы, что вышло помилование. Ведь вам, несомненно, будет сделано снисхождение.

– Дорогой дядюшка, вы правы, – ответил Сун Цзян. – Но обо всем этом мы поговорим после. Как же мне не печалиться, если больше нет в живых моего родного отца, который дал мне жизнь?

– Да вы шутите, сударь! – громко рассмеявшись, сказал Чжан. – Ваш уважаемый батюшка только что пил здесь вино и с час тому назад вернулся к себе домой. Как можете вы говорить такие слова?

– Вы, дядюшка, не смейтесь надо мной, – возразил Сун Цзян. Он вынул письмо, полученное из дома, и передал его Чжану. – Мой брат Сун Цин ясно пишет, что отец наш умер в первые дни первой луны нового года и что меня с нетерпением ждут на похороны отца.

Прочитав письмо, Чжан воскликнул:

– Что за чудеса! Да ведь только сегодня в полдень он был здесь, ел и пил вместе с почтенным Ваном из Восточной деревни. С какой стати мне обманывать вас?

Эти слова привели Сун Цзяна в полное недоумение, и он не знал, что делать. Он долго раздумывал, а с наступлением вечера распрощался с хозяином кабака и поспешил к себе домой. Он подошел к воротам своей усадьбы, заглянул туда и увидел, что там все спокойно. Работники уже заметили Сун Цзяна, вышли из дома и встретили его с поклонами.

– Отец и брат дома? – спросил их Сун Цзян.

– Ваш почтенный отец все глаза проглядел, дожидаясь вашего возвращения, господин писарь, – отвечали ему работники. – Вот радость – то, что вы вернулись! Он только что пришел домой из кабака Чжана, где пил с почтенным Ваном из Восточной деревни, и сейчас спит во внутренней комнате.

Услышав это, Сун Цзян был поражен. Бросив свой короткий посох, он вошел в парадную комнату. Там был Сун Цин. Увидев Сун Цзяна, он встал и встретил старшего брата поклонами. На нем не было траурной одежды. Тут Сун Цзяна охватил сильный гнев, и, указывая на брата пальцем, он стал бранить его:

– Ты гнусное животное! Где же это видано? Наш отец находится у себя дома, а ты написал мне, что он умер. Ты что, решил потешаться надо мной? Я чуть было не лишил себя жизни, рыдал до потери сознания. Ты, негодяй, совершил мерзкий поступок!

Сун Цин хотел было все объяснить, но тут из-за ширмы вышел старый Сун и воскликнул:

– Дорогой мой сын, не сердись! Не брани своего брата, он тут ни при чем. Все это произошло потому, что я все время тосковал по тебе и попросил его написать тебе, будто я умер, дабы ты вернулся как можно скорее. К тому же я слышал о том, что на Горе Белого тигра – Байхушань появилось много разбойников. Я боялся, что они уговорят тебя присоединиться к ним и ты изменишь своему долгу верности и сыновнего почтения. Поэтому я и поспешил послать тебе письмо и позвать домой. Пользуясь тем, что здесь проходил Ши Юн от сановника Чай Цзиня, мы отправили это письмо. Все сделано по моему желанию, и твой брат ни в чем не виновен. Не брани его! Я только что вернулся из кабака Чжана и отдыхал в своей комнате, как вдруг услышал, что ты вернулся.

Выслушав все это, Сун Цзян поклонился отцу до земли. Он был и расстроен, и обрадован.

– Я не знаю, в каком положении сейчас мое судебное дело, – сказал он отцу. – Если объявлено помилование, то наказание за мое преступление будет, конечно, смягчено. То же говорил мне недавно и Чжан.

– До возвращения твоего брата Сун Цина мне очень помогали Чжу Тун и Лэй Хэн, – сказал старый Сун. – А с тех пор как власти разослали повсюду объявление о твоём аресте, никто не приходил и не беспокоил меня. Почему же я вызвал тебя сейчас? А вот почему. Мы недавно слышали, что по случаю назначения в императорском дворце наследника престола объявлено всеобщее помилование. Для всех, кто совершил какое-нибудь тяжелое преступление, наказание будет немного смягчено. Об этом было объявлено повсюду, так что, если власти даже и узнают о твоём приходе и привлекут тебя к ответу, ты получишь наказание только за

побег и тебя не лишат жизни. А пока не будем об этом и думать и поговорим лучше о чем-нибудь другом.

– А что, Чжу Тун и Лэй Хэн бывали у вас в поместье? – спросил Сун Цзян.

– Я слышал на днях, что их обоих послали по какому-то делу, – сказал Сун Цин. – Чжу Тун послан в Восточную столицу, а куда послали Лэй Хэна, я не знаю. В уезд на их место назначены два новых человека по фамилии Чжао.

– Сын мой, ты устал после долгого пути, – сказал старый Сун. – Пройди во внутренние комнаты и отдохни немного.

Все в доме радовались, и об этом нет больше надобности говорить.

День сменился ночью, и на востоке взошла луна. Было время первой стражи, и в усадьбе все уже спали, как вдруг у передних и у задних ворот раздались громкие крики. Все проснулись и выбежали во двор, и тут увидели, что поместье окружено множеством людей с факелами. Со всех сторон неслись возгласы: «Хватайте Сун Цзяна!»

Услышав это, старый Сун запричитал от горя. Не случись этого, не случилось бы так, что

На берегу большой реки, у тихих заводов,
Сошлись неустрашимые бойцы,
В борьбе являя редкой справедливости
И верности глубокой образцы.

Как удалось Сун Цзяну спастись, вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцать шестая
У Юн посылает письмо Дай Цзуну. Сун Цзян в горах Цзеянлин встречает Ли Цзюня

Итак, почтенный Сун взобрался по лестнице на стену и увидел внизу множество факелов. Под стенами усадьбы собралось более ста человек. Отряд возглавляли два вновь назначенных командира охраны – братья Чжао Нэн и Чжао Дэ.

– Почтенный Сун! – крикнули они. – Если ты человек разумный, выдай нам твоего сына Сун Цзяна, и мы поступим с ним по закону. Если же не выдашь его, придется арестовать и тебя, старика.

– Но почему вы решили, что Сун Цзян вернулся? – удивился старик.

– Не болтай глупостей! – закричал Чжао Нэн. – Люди видели, как он выпивал в кабаке старосты Чжана на краю деревни, а потом пошел домой. У нас есть свидетель, который шел за ним до самого дома. Отпираться бесполезно!

– Отец, не стоит с ними спорить, – сказал стоявший возле лестницы Сун Цзян. – Я сам выйду к ним, ничего они со мной не сделают. В уездном управлении меня все знают. А кроме

того, вышло помилование, так что ко мне должны отнестись милостиво. Зачем унижаться перед ними? Ведь семья Чжао известна своей подлостью. Сейчас, когда эти двое стали начальниками, где уж им понять, что такое справедливость! Ничего хорошего от них ждать не приходится, а потому не стоит их упрашивать.

– Сынок мой, это я навлек на тебя беду, – заплакал старый Сун.

– Ничего, отец, не расстраивайся, – отвечал Сун Цзян. – То, что меня отдадут под суд, может быть, даже и к лучшему. Ведь иначе завтра я вынужден был бы искать убежища у вольных молодцов, которые убивают людей, поджигают дома. Попади я к ним, мы с тобой никогда бы больше не встретились. Пусть даже меня ожидает ссылка, но все равно срок ее когда-нибудь кончится. Тогда я смогу вернуться домой и неустанно заботиться о тебе до конца твоих дней.

– В таком случае, сын мой, – сказал старый Сун, – я постараюсь устроить так, чтобы тебя сослали в хорошее место.

Сун Цзян взобрался по лестнице на стену и закричал:

– Эй вы, перестаньте шуметь! По новому помилованию моя вина сейчас смягчается и смерть мне не грозит! Прошу вас, господа командиры, захватить в нашу усадьбу. Мы побеседуем и выпьем по три чашки вина, а завтра вы передадите меня вашему начальству.

– Уж не хочешь ли ты подкупить нас? – спросил Чжао Нэн. – Если это так, то ничего у тебя не выйдет...

– Что ж я, по-вашему, хочу навлечь беду на отца и брата? – отвечал Сун Цзян. – Не церемоньтесь, заезжайте в усадьбу.

Спустившись со стены, он распахнул ворота, пригласил начальников во двор, а затем провел их в помещение.

Всю ночь напролет шел пир горой, без счета резали кур, гусей. Начальников потчевали лучшим вином. Отряду в сто человек также поднесли вина, всех накормили и оделили подарками.

Старый Сун достал двадцать лян чистого серебра и преподнес двум начальникам в знак дружеского расположения к ним. На ночь гости остались в усадьбе, а на рассвете вместе с Сун Цзяном отправились в уездный город. Когда они приехали, начальник уезда Ши Вэнь-бинь уже приступил к делам.

Увидев, что начальники отряда Чжао Нэн и Чжао Дэ доставили Сун Цзяна прямо в управление, он остался очень доволен и приказал снять с преступника показания. Сун Цзян сразу же во всем признался.

– Я сделал ошибку, когда позапрошлой осенью заключил договор с Янь По-си о том, что беру ее в жены. Это была женщина дурного поведения, она постоянно напивалась и затевала ссоры и драки. Во время одной из ссор я случайно убил ее и, желая избежать наказания, скрылся. А вот теперь меня арестовали и привели на ваш суд. Я прошу рассмотреть это старое дело и вынести мне заслуженный приговор. Показания я даю добровольно и не думаю отпираться.

Выслушав Сун Цзяна, начальник уезда приказал заключить его под стражу. Весть об аресте Сун Цзяна распространилась по всему городу, и не было человека, который бы не почувствовал ему. К начальнику уезда потянулись ходатаи с просьбой оказать снисхождение Сун Цзяну. Все они вспоминали о его добрых делах. Да и сам начальник уезда был склонен к тому, чтобы чем-нибудь облегчить участь Сун Цзяна.

Ввиду чистосердечного признания с заключенного сняли длинную кангу и наручники и ограничились лишь тем, что посадили его в тюрьму. Старый Сун старался подкупить начальство и не жалел на это ни денег, ни шелков.

Старуха Янь умерла еще полгода назад, и истца по этому делу не осталось. К тому же Чжан-сань, потерявший любовницу, ничего больше не предпринимал, чтобы отомстить за нее.

Когда все бумаги по делу Сун Цзяна были оформлены и установленный для разбирательства срок в шестьдесят дней истек, дело было переслано для окончательного решения в цзянчжоуское областное управление. Ознакомившись с бумагами, начальник области вынес решение о смягчении наказания. Сун Цзян был приговорен к двадцати ударам палками, клеймению и ссылке в лагерь в Цзянчжоу.

Благодаря тому, что многие чиновники областного управления знали Сун Цзяна, да к тому же еще получили деньги и шелка, никто из них не настаивал на тяжелом наказании. Тем более что в деле не было заявления истца, и все были на стороне Сун Цзяна.

В управлении на Сун Цзяна надели кангу и отправили к месту ссылки в сопровождении стражников Чжан Цяня и Ли Ваня. Получив сопроводительную бумагу, стражники вывели Сун Цзяна из областного управления. На дороге Сун Цзяна уже ждали его отец и брат Сун Цин. Они принесли вина, чтобы угостить стражников, и дали им немного денег. Сун Цзяну они принесли узел с вещами, заставили сменить одежду и надеть конопляные туфли, после чего старший Сун отозвал сына в сторону и напутствовал его следующими словами:

– Я знаю, что Цзянчжоу – неплохое место. Там много рыбы и риса. Я не жалел денег, чтобы тебя сослали именно туда. Как-нибудь перенеси эту ссылку. Тебя будет навещать твой брат, и с каждой оказией я буду присылать тебе деньги на жизнь. По дороге вы будете проходить мимо Ляншаньбо. Может случиться, что тамошние обитатели спустятся с гор для того, чтобы освободить тебя и завлечь в свою шайку. Смотри, ни в коем случае не соглашайся идти к ним. Ведь этим ты дал бы повод поносить тебя и упрекать в измене властям и непочтительности к старику отцу. Крепко запомни это! В дороге, сынок, будь осторожен. Может быть, небо когда-нибудь и сжадется над нами: ты вернешься домой и мы снова будем жить вместе.

Сун Цзян со слезами на глазах распростился с отцом. Сун Цин проводил его на один переход. Расставаясь с братом, Сун Цзян сказал:

– Пусть моя ссылка не слишком огорчает вас. Отец уже стар, жаль, что из-за меня ему пришлось поизрасходоваться на чиновников и суд, а я должен покинуть родные места. Дорогой брат, ты как следует смотри за отцом, не оставляй его без присмотра и не вздумай ездить ко мне в Цзянчжоу. У меня много друзей среди вольницы, и кого бы я ни встретил, никто не откажет мне в помощи. Если понадобится, на расходы у меня есть. Может быть, небо сжадется надо мной, и я когда-нибудь вернусь.

О том, как Сун Цин плача распростился со старшим братом, вернулся домой и принял на себя все заботы о своем отце, мы здесь говорить не будем.

Расскажем лучше о том, как Сун Цзян пустился в путь со своей стражей. Получив деньги, а также считая Сун Цзяна хорошим человеком, Чжан Цянь и Ли Вань всю дорогу относились к нему очень внимательно и заботливо. Как-то через несколько дней они остановились ночевать на постоялом дворе. Стражники развели огонь и приготовили себе еду, Сун Цзян угостил их вином и мясом. Потом он сказал, обращаясь к ним.

– Мне не хотелось бы обманывать вас! Дальше наш путь пойдет мимо Ляншаньбо. Там в горном стане есть несколько удальцов, которые знают меня. Боюсь, как бы они не спустились с гор и не попытались освободить меня. Этим они наделают вам излишних хлопот. Давайте завтра встанем пораньше и глухими тропинками обойдем это место. Лучше сделать несколько лишних ли.

– Хорошо, что вы нас предупредили, господин писарь, – сказали охранники, – мы и не знали. Лучше, конечно, пойти в обход, чтобы не столкнуться с этими удальцами. – И они тут же обсудили, как им быть.

Поднявшись на рассвете, они приготовили завтрак, поели и покинули постоялый двор. Дальше они двинулись по глухой тропинке. Однако, пройдя около тридцати ли, они заметили, как из-за горы навстречу им вышел отряд вооруженных людей. Сун Цзян так и ахнул. Во главе

отряда был не кто иной, как Лю Тан «Рыжий дьявол». С ним было человек пятьдесят. Стражники от страха упали на колени. Тогда Сун Цзян сказал, обращаясь к Лю Тану:

– Брат мой! Что ты собираешься сделать?

– Почтенный брат мой, – отвечал Лю Тан. – Я собираюсь прикончить этих мерзавцев, иначе ничего хорошего от них не дождешься.

– Ладно! Не марай своих рук. Дай мне меч, я сам убью их!

При этих словах охранники так и взвыли. Лю Тан отдал меч Сун Цзяну, и тот, взяв его, спросил:

– А почему ты хотел убить этих стражников?

– Я получил приказ моих старших братьев, – отвечал Лю Тан. – Они послали людей разузнать, что с вами, и когда нам стало известно, что вас отдали под суд, мы хотели было отправиться в Юньчэн и разгромить там тюрьму. Но тут мы узнали, что вас, почтенный брат, не подвергли там пыткам. Затем нам сообщили, что вас отправили в ссылку в Цзянчжоу. Боясь разминуться с вами, мы разбились на несколько отрядов и во главе со старшими братьями отправились по разным направлениям в надежде встретить вас и пригласить к нам в горы. А иначе нам не прикончить этих охранников.

– То, что вы предлагаете, – сказал Сун Цзян, – не сделает мне чести, а, наоборот, может сильно повредить. Ведь меня обвинят в измене и в непочтении к старшим. Если вы хотите принудить меня пойти с вами, то лучше уж мне умереть.

Он приставил меч к горлу и сделал вид, что хочет заколоть себя.

Лю Тан испуганно схватил его за руку и воскликнул:

– Почтенный брат мой! погоди! Мы еще поговорим, – и отобрал у него меч.

– Если вы, братья, – сказал Сун Цзян, – действительно сочувствуете мне, то дайте мне возможность добраться до лагеря в Цзянчжоу. Подождем, пока кончится срок моей ссылки, тогда я приеду повидаться с вами.

– Уважаемый брат мой, – сказал на это Лю Тан. – Я не могу один решить этот вопрос. Недалеко отсюда находятся наш военный наставник У Юн и начальник крепости Хуа Юн. Они тоже выехали встретить вас. Разрешите мне послать за ними, и тогда мы вместе все обсудим.

– Что бы вы ни предложили мне, – ответил Сун Цзян, – я больше ничего не добавлю к тому, что сказал.

Были отряжены гонцы, и вскоре на конях показались У Юн и Хуа Юн. За ним следовали несколько десятков всадников. Они подскакали, спешили и почтительно поклонились Сун Цзяну. Закончив церемонию приветствия, Хуа Юн спросил:

– А почему с почтенного брата не сняли канги?

– О чем вы говорите, просвещенный брат мой? – промолвил Сун Цзян. – Ведь канга надета на основании государственных законов; можем ли мы по собственному произволу нарушить их?

– Я понял, о чем думает почтенный брат, – рассмеявшись, отвечал У Юн. – Ну, это легко устроить! Мы просто не будем задерживать вас, и все. Однако наш старший брат давно не видел вас и надеется по душам побеседовать с вами сегодня. Поэтому мы очень просим вас завернуть на часок в наш стан. После беседы мы проводим вас в дальнейший путь.

– Только вы, господин учитель, могли понять мою мысль, – сказал Сун Цзян и, помогая своим охранникам подняться с колен, продолжал: – Только надо их успокоить. Я скорей согласусь сам умереть, чем позволю причинить им какой-нибудь вред.

– Только благодаря вам, господин писарь, мы остались живы, – с благодарностью твердили стражники.

После этого все свернули с большой дороги и направились к берегу, заросшему камышом, где их ждали лодки. Впереди была горная дорога, и главарей несли на носилках. Добравшись до беседки Дуаньцзиньтин, отряд остановился на отдых. В горы были отправлены гонцы,

которые должны были созвать на совет всех предводителей. Сун Цзяна пригласили в парадный зал, где он познакомился с собравшимися. Приветствуя Сун Цзяна, Чао Гай выразил ему благодарность за то, что он спас им жизнь в Юньчэне.

– С тех пор, как мы пришли сюда, – сказал он, – не было дня, когда бы мы с благодарностью не вспоминали о вашем благодеянии. Мы не знаем, как отблагодарить вас за то, что вы направили нас к героям, обосновавшимся на этих горах, где и для нас нашлось пристанище.

– После того как мы расстались с вами, – начал свой рассказ Сун Цзян, обращаясь к Чао Гаю, – я убил одну распутную женщину и ушел к вольным удальцам. Я скитался полтора года и уже собирался уйти к вам в горы, но однажды в одном сельском кабаке встретил Ши Юна, у которого было для меня письмо из дома. В этом письме сообщалось, что мой отец умер. Я поспешно вернулся домой. Однако, как оказалось, письмо написано самим отцом, который боялся, что я присоединюсь к разбойникам и пойду против законов. Я попал под суд, но приговор не был суровым благодаря тому, что многие чиновники из управления хорошо относились ко мне. Меня приговорили к ссылке в Цзянчжоу – это не такое уж плохое место. А в дороге я встретился с вашими людьми, и они сказали, что вы ждете меня. Я не посмел отказаться и явился сюда; рад, что повидал вас. Однако срок моей ссылки уже наступает, и я не могу здесь долго задерживаться. Разрешите с вами распрощаться.

– Вам не следует так спешить, – сказал Чао Гай. – Прошу вас, побудьте с нами немного.

И они сели посредине зала. Сун Цзян приказал своим стражникам занять места позади его кресла и не отходить ни на шаг. Чао Гай пригласил всех удальцов чествовать Сун Цзяна; они уселись в ряд по обе стороны от него. Те, которые были ниже по положению, разливали вино. Сначала они поднесли чашу Чао Гаю, затем военным советникам У Юну и Гун-Сунь Шэну, а потом всем остальным, кончая Бай-шэном. Когда чаша с вином обошла несколько кругов, Сун Цзян поднялся и, выражая благодарность присутствующим, сказал:

– Прием, который вы оказали мне, свидетельствует о вашем хорошем отношении ко мне. Но я всего лишь человек, совершивший преступление, и потому не могу долго задерживаться здесь. Я должен распрощаться с вами.

– Почему вы обижаете нас, дорогой брат наш? – спросил Чао Гай. – Я понимаю, вы великодушны и не хотите, чтобы вашей страже причинили какой-нибудь вред. Но мы можем одарить их деньгами и с миром отпустить домой. А там они скажут, что на них напали разбойники из стана Ляншаньбо и увели вас в горы. Никакого наказания им за это не будет.

– Дорогой брат, не стоит говорить об этом, – заявил Сун Цзян. – То, что вы предлагаете, пойдет мне не на пользу, а во вред. Да к тому же у меня дома остался старый отец. Еще не было случая, чтобы я был непочтителен к родителям. Я и сейчас не могу нарушить волю отца и навлечь на него беду. Было время, когда я тешил себя мыслью, что мне удастся соединиться с вами. Но небу было угодно, чтобы я встретился в деревенском кабаке с Ши Юном и вернулся домой. Отец пожелал, чтобы я отдался в руки правосудия, и ускорил решение моего дела. Он постоянно наставлял меня и перед отправкой в ссылку еще раз строго-настрого наказывал не поступать легкомысленно ради своего удовольствия, не накликав беду на нашу семью и не причинять ему на старости лет лишних хлопот. Как же могу я послушаться его? Если я соглашусь на ваше предложение, то нарушу законы неба и пойду против воли отца. Я окажусь человеком, не только нарушившим верность императору, но и не почитающим родителей. И если я, по вашему настоянию, даже останусь здесь жить, какая от этого будет польза? Лучше уж мне принять смерть от вашей руки!

Сказав это, Сун Цзян горько заплакал и низко поклонился. Тут Чао Гай, У Юн и Гун-Сунь Шэн бросились поднимать его, говоря:

– Раз вы, почтенный брат наш, твердо решили идти в Цзянчжоу, то мы просим вас сделать милость и провести с нами хотя бы сегодняшний день, а завтра мы проводим вас в путь.

Они несколько раз принимались уговаривать Сун Цзяна, пока, наконец, он согласился остаться до утра. Весь день в стане пировали. Но Сун Цзян ни за что не позволил снять с себя кангу и ни на шаг не отпускал сопровождавших его стражников. Так они провели в стане день и ночь, а на следующее утро Сун Цзян решительно заявил, что он отправляется в путь.

– Дорогой друг наш, – сказал тогда У Юн. – У меня есть в Цзянчжоу очень хороший знакомый по имени Дай Цзун; он служит там начальником тюрьмы. Я обучил его искусству проходить в день по восемьсот ли. Народ прозвал его «Волшебным скороходом». Это человек совершенно бескорыстный и справедливый. Я написал ему письмо, которое и хочу вручить вам, уважаемый брат. Прибыв на место, вы сможете познакомиться с этим человеком и передать ему мое письмо. Если что-нибудь с вами случится, он даст нам об этом знать.

Затем Сун Цзяну устроили торжественные проводы и преподнесли ему блюдо серебра. Двадцать лян серебра подарили его охране. Провожать Сун Цзяна пошли все. Вещи его несли разбойники. На склоне горы все стали прощаться, но У Юн и Хуа Юн переправились с Сун Цзяном на другой берег и прошли с ним по тракту еще двадцать ли, после чего наконец вернулись обратно.

Расскажем теперь о том, как Сун Цзян с двумя охранниками отправился дальше по дороге в Цзянчжоу. Стражники видели, как много вольных удалцов и коней в разбойном стане, видели и то, с каким почтением относились к Сун Цзяну вожаки этих разбойников, подарившие им изрядное количество серебра. Поэтому они старались во всем угождать Сун Цзяну. В пути прошло уже более полумесяца, когда наконец они дошли до того места, откуда был виден высокий горный хребет.

– Ну, вот и хорошо! – сказали охранники. – Перевалим через горы Цзянлин, а там река Сюньянцзян. До Цзянчжоу поедем водой. Теперь недалеко!

– Время хотя и позднее, – сказал Сун Цзян, – но мы должны успеть пройти перевал и поискать там ночлег.

– Вы совершенно правы, господин писарь, – отвечали стражники.

Идти пришлось долго, но когда они перевалили хребет, то сразу увидели кабачок, который прилепился на краю огромной отвесной скалы. Недалеко от ворот росло какое-то странное дерево, вокруг были разбросаны крытые соломой хижины. В тени деревьев висела вывеска кабачка. Увидев этот кабачок, Сун Цзян очень обрадовался и сказал своим сопровождающим:

– А мы ведь, пожалуй, проголодались. Хорошо, что на этой горе кабачок есть. Может быть, выпьем по чашечке вина, а потом двинемся дальше?

Они вошли в кабачок. Стражники сняли узлы с вещами, а посохи прислонили к стене. Сун Цзян пригласил их занять почетные места за столом, сам сел ниже. Они долго сидели в ожидании, но никто к ним не выходил.

– Что же это хозяев не видно? – окликнул Сун Цзян.

– Иду! Иду! – отозвался кто-то, и тут же из боковой комнатки ввалился огромный детина. У него была рыжая борода и сверкающие, как у тигра, глаза. На голове его была дырявая повязка, одет он был в безрукавку, из которой торчали его длинные руки. Он был подпоясан холщовым полотенцем. Увидев посетителей, детина поклонился им и спросил:

– Сколько прикажете подать вина, уважаемые гости?

– Мы проголодались с дороги. Не подашь ли ты нам какого-нибудь мяса?

– У нас есть только вареная говядина и простое местное вино, – отвечал детина.

– Ну, вот и замечательно, – сказал Сун Цзян. – Ты для начала дай нам два цзиня говядины и рог вина.

– Вы уж извините меня, уважаемые гости, – ухмыльнулся детина. – У нас здесь, в горах, за еду и вино платят вперед.

– Ну что ж, раз так, то и мы уплатим тебе вперед, – сказал Сун Цзян, – и даже с большим удовольствием. Подожди, я сейчас достану деньги и отдам тебе.

Он взял свой узел, развязал его и вынул немного мелочи.

Рыжебородый детина, стоя сбоку, тайком наблюдал за ним и, увидев, что в тяжелом узле много добра, очень обрадовался, хотя и не подал вида. Получив от Сун Цзяна деньги, он ушел во внутреннее помещение, зачерпнул меру вина, нарезал блюдо мяса и принес посетителям. Затем он поставил перед посетителями три чашки, положил три пары палочек для еды и разлил вино.

Путники принялись за еду и завели разговор о том, что ходят слухи, будто сейчас на белом свете развелось много дурных людей, и есть даже такие, что подсыпают путникам в еду и вино дурман и яд и потом пускают мертвые тела на мясо и делают из него пирожки. «Однако не верится, чтобы это действительно было правда», – говорили они между собой. А рыжебородый кабатчик, слушая их, сказал, ухмыляясь:

– Ну, уж если вы начали такой разговор, вы не должны сейчас ни пить, ни есть. Ведь к еде и вину, которые я вам подал, подмешан дурман.

– Вот видите, – рассмеялся Сун Цзян, – хозяин услышал, что мы говорим о дурмане, и решил подшутить над нами.

– Хорошо бы подогретого вина выпить, – сказали стражники.

– Я вам сейчас подогрею, – сказал кабатчик и, взяв вино, вышел. Вскоре он принес теплое вино и налил три чашки.

Трое путников были очень голодны. Как же им было не отведать вкусного мяса и горячего вина! Но после первой же чашки у стражников глаза полезли на лоб, и изо рта потекла слюна. Хватаясь друг за друга, они повалились навзничь. Сун Цзян, вскочив с места, закричал:

– Да что это с вами случилось? Неужели вы опьянели от одной чашки вина?

Он бросился поднимать их, но тут же почувствовал, что у него все поплыло перед глазами, и тоже упал. Глаза его были открыты, и он отчетливо видел все, что происходило, хотя тело его одеревенело и он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. А хозяин кабачка сказал:

– Черт возьми! Давненько у меня не было удачи. Зато сегодня небо послало мне целых три скотинки.

С этими словами он поднял Сун Цзяна, отнес его в помещение, где производилась разделка туш, и положил на прилавок, а затем принес туда и стражников. Затем он перетащил во внутренние комнаты вещи Сун Цзяна и стражников. Развязав узел Сун Цзяна, он увидел там столько золота и серебра, что воскликнул:

– Сколько лет уже держу я этот кабачок, но до сих пор еще не видывал такого ссыльного! Чтобы у преступника было так много добра! Вот уж действительно, само небо послало мне такое богатство.

Рассмотрев все, что было в узле, он снова завязал его и пошел за ворота позвать работника, чтобы тот разрубил тела пойманных жертв. Стоя у ворот, он смотрел по сторонам, но работника поблизости не было. Вдруг он заметил, что по склону горы взбираются три человека. Узнав их, хозяин кабачка поспешил им навстречу со словами:

– Почтенный брат мой! Куда это вы путь держите?

Тот, к кому он обращался, – парень огромного роста – ответил:

– А мы специально пришли на эту гору, чтобы встретить здесь одного человека. Он должен был пройти по этой дороге, и уже время ему быть здесь. Мы несколько дней ждали его внизу под горой. Прямо ума не приложу, где он мог задержаться?

– А кого же вы все-таки ждете? – спросил кабатчик.

– Ждем одного замечательного человека.

– А какого же это замечательного человека вы ждете?

– Господина Сун Цзяна, писаря из уезда Юньчэн, области Цзичжоу. Ты, конечно, слышал о нем.

– Уж не тот ли это «Благодатный дождь» из Шаньдуна, господин Сун, о котором говорит вся вольница? – спросил кабатчик.

– Он самый.

– А почему он должен проходить здесь?

– Да я и сам толком не знаю, – отвечал парень. – На днях у меня был один знакомый из Цзичжоу и рассказал мне, что писарь Юньчэнского уездного управления Сун Цзян за какое-то дело был осужден в областном суде в Цзичжоу и приговорен к ссылке в Цзянчжоу. Вот я и подумал, что он обязательно должен пройти здесь, ведь другой дороги-то нет. Когда Сун жил еще в Юньчэне, я все собирался повидаться с ним. И раз он должен проходить здесь, такого случая упустить нельзя. Вот уже пять дней подряд я выхожу встречать его, но не видел за это время ни одного ссыльного. Сегодня решил с братьями взобраться на гору да заодно заглянуть к тебе выпить чашку вина. Как идут твои дела?

– Обманывать вас, дорогой брат, мне не приходится. Вот уже несколько месяцев, как дела идут неважно. Только сегодня, благодарение небу, попались три скотинки с кое-какими пожитками.

– А какие они из себя, эти люди? – быстро осведомился огромный парень.

– Один из них преступник, двое других его сопровождают.

– Этот преступник темнолицый, низкого роста? – испуганно спросил пришедший.

– Да, он не очень-то высокий, и лицо у него темное.

– Что же, он уже лежит без памяти?

– Я только что перетащил его в кухню и жду, когда вернется работник. Я еще не начинал разделять тушу.

– Ну-ка, дай я на него посмотрю! – сказал пришедший.

Все четверо вошли в комнату, где лежали одурманенные путники. Там на прилавке они увидели Сун Цзяна и двух охранников, которые были брошены как попало – головы их свисали вниз. Парень посмотрел на Сун Цзяна, на клеймо на его лице, но не узнал его и остановился в нерешительности. Вдруг он вспомнил о чем-то и сказал:

– Принесите-ка узлы стражников; там ведь должна быть сопроводительная бумага, и мы можем все узнать.

– Совершенно правильно, – сказал кабатчик и тотчас же принес узлы.

В узлах оказались слитки серебра и немного мелочи, а также сверток с бумагами. Когда они прочитали бумаги, всем им стало страшно.

– Само небо сегодня надоумило меня взобраться на гору, – сказал пришедший. – Ведь Сун Цзян давно уже потерял сознание. Еще немного, и погиб бы мой почтенный брат! – Он приказал кабатчику быстро принести противоядие и в первую очередь спасти Сун Цзяна. Но кабатчик и сам уже торопился. Он тут же принес снадобье, вместе с пришедшими снял с Сун Цзяна кангу и, приподняв его, влил ему в рот противоядие. Потом они вчетвером вынесли его и усадили на почетное место гостя.

Пришедший детина поддерживал Сун Цзяна, пока тот постепенно приходил в себя. Открыв глаза, Сун Цзян посмотрел на стоявших вокруг него людей, но никого не узнал. Тогда человек, поддерживавший Суна, поставил около него своих братьев, а сам почтительно приветствовал его низким поклоном.

– Кто вы? – удивленно спросил Сун Цзян. – Уж не во сне ли все это? Тут он заметил кабатчика, который тоже почтительно кланялся ему. – Да где же это я нахожусь? – продолжал расспрашивать Сун Цзян. – Могу ли я узнать, как вас зовут?

– Ли Цзюнь, – отвечал прибывший мужчина. – Сам я из Лучжоу. Сейчас служу перевозчиком на Янцзы, привык к воде и чувствую себя на реке как дома. Народ прозвал меня Ли Цзюнь – Дракон, пенящий воды. А вот это хозяин кабачка. Он здешний человек, живет в Цзэялине, занимается кое-какой торговлей. Народ дал ему прозвище Ли Ли Каратель. А эти двое

живут у реки Сюньянцзян и занимаются контрабандой соли. Они привезли сюда свой товар и остановились у меня в доме. Эти парни плавают на лодках и могут скрываться в воде. Они – братья. Одного зовут Тун Вэй Дракон, вышедший из пещеры, другого – Тун Мэн Устрица, переворачивающая реку.

Братья также отвесили Сун Цзяну четыре поклона.

– Что же это? Меня как будто опоили дурманом? – спросил Сун Цзян. – А как вы узнали, кто я такой?

Ли и Цзюнь отвечал:

– Один мой знакомый ездил по своим торговым делам в Цзичжоу и недавно возвратился обратно. Он рассказал мне, что вы, почтенный брат, судились за какое-то дело и приговорены к ссылке в лагерь в Цзянчжоу. Я давно мечтал о том, чтобы съездить к вам на родину и побрататься с вами, но мне не везло – я так и не мог выполнить своего желания. И вот теперь, когда я узнал, что вы направляетесь в Цзянчжоу, решил, что вы непременно пройдете по этой дороге, и уже несколько дней подряд выхожу к горе встречать вас. Само небо надоумило меня подняться сегодня на гору. Я уж и не думал встретить вас, а только хотел выпить со своими друзьями по чашке вина. Я разговорился с Ли Ли, и разговор этот меня сильно обеспокоил. Я поспешил на кухню, но узнать вас не мог. Тут мне пришла в голову мысль заглянуть в ваши бумаги, и только тогда мы установили, что это действительно вы. Разрешите спросить вас, уважаемый брат, за что вас сослали в Цзянчжоу? Ведь мы слышали, что вы служите писарем в Юньчэнском уездном управлении.

Тогда Сун Цзян рассказал им подробно всю свою историю: как он убил Янь По-си, как через Ши Юна получил письмо о смерти отца и вернулся домой и как его судили и сослали в Цзянчжоу. Его слушатели сочувственно вздыхали. А когда Сун Цзян закончил свой рассказ, Ли Ли произнес:

– Дорогой брат мой, почему бы вам не остаться здесь? Незачем идти в Цзянчжоу и терпеть там всякие беды.

На это Сун Цзян ответил:

– Я отказался остаться у моих друзей в Ляншаньбо, несмотря на все их уговоры, потому что боялся навлечь беду на отца и мою родню. Как же могу я остаться жить здесь?

– Наш почтенный брат – человек очень справедливый, – заметил Ли Цзюнь, – и, конечно, не станет действовать необдуманно. Надо сейчас же привести в чувство сопровождающих его стражников.

Тут Ли Ли сразу же позвал работников, стражников перенесли в комнату и дали им противоядие. Вскоре оба стражника очнулись и, оглядевшись вокруг, сказали:

– Видно, мы сильно устали в дороге, иначе не опьянели бы так быстро.

Все невольно рассмеялись. В этот вечер Ли Ли устроил пирушку в честь своих гостей. Они веселились всю ночь. На следующий день Ли Ли снова угощал их, вернул Сун Цзяну его узел, а сопровождающим – их вещи, и на этом они расстались.

Сун Цзян, Ли Цзюнь, Тун Вэй и Тун Мэн вместе с двумя стражниками спустились с горы и пошли прямо в дом Ли Цзюня, где остановились отдохнуть. Ли Цзюнь устроил гостю торжественное угощение и старался выказать ему всяческое внимание. Он почтительно попросил Сун Цзяна побрататься с ним и считать его своим младшим братом. Но на все просьбы Ли Цзюня пожить у него хоть несколько дней. Сун Цзян отвечал, что он не может больше задерживаться. Тогда Ли Цзюнь принес немного серебра и отдал его сопровождающим Сун Цзяна стражникам. Путники уложили свои вещи, и Сун Цзян надел кангу. Распрощавшись с Ли Цзюнем, Тун Вэем и Тун Мэном, они спустились с Цзюялинских гор и отправились дальше, по направлению к Цзянчжоу.

Они шли довольно долго, и было уже за полдень, когда они приблизились к какому-то маленькому городку. На одной из улиц они увидели толпу, глазевшую на что-то. Сун Цзян

протиснулся вперед и увидел бродячего торговца лекарствами, который показывал народу различные приемы фехтования, чтобы привлечь покупателей. Сун Цзян со своей стражей остановился посмотреть, как торговец действует пикой и палицей. Закончив упражнения, мастер фехтования отложил оружие и показал еще несколько приемов борьбы на кулаках. Сун Цзян не удержался и громко выразил свое одобрение. Тут торговец взял блюдо и, обращаясь к зрителям, сказал:

– Я пришел сюда издалека в надежде на то, что в вашем почтенном селении хоть что-нибудь заработаю. Никакими особенными талантами я не обладаю, но из уважения к милостивым зрителям постарался показать свое ничтожное искусство. Я слышал похвальные возгласы, а теперь прошу что-нибудь купить у меня. Кому нужен хороший пластырь, тот может приобрести его. Если же вам и не нужны никакие лекарства, прошу не пожалеть несколько медяков, чтобы мой труд не пропал даром.

Торговец пошел с блюдом по кругу, но никто не бросил ему ни монетки. Тогда он еще раз сказал:

– Почтенные зрители, прошу вас, проявите вашу щедрость!

Но толпа только смотрела на торговца, и никто даже не пошевелился, чтобы пожертвовать ему что-нибудь. Увидев, что мастер фехтования понапрасну обошел круг два раза, Сун Цзян расстроился и, обратившись к своей страже, попросил достать из узла пять лян серебра. Затем он обернулся к торговцу лекарствами и сказал:

– Уважаемый наставник! Я всего лишь человек, совершивший преступление, и потому у меня нет ничего такого, что было бы достойно вас. Но вот, не побрезгуйте, возьмите пять лян серебра как скромный знак моего уважения к вам.

Получив серебро, продавец лекарств обратился к толпе с такими словами:

– Как же это так? В таком известном городе как Цзеян-чжэнь не нашлось ни одного достойного человека, который поддержал бы славу своего города! Хорошо еще, что здесь оказался этот милостивый господин, с виду чиновник. Он хоть и случайный прохожий, а все же пожертвовал пять лян серебра. Вот уж поистине:

Над гулякою Чжэн Юань-хэем
издевалось немало народа:
День и ночь по притонам ходил он,
слушал песни и споры невежд.
Ведь привычки людей не зависят
ни от знатности, ни от дохода,
Как и их красота не зависит
от количества пышных одежд.

– Эти пять лян серебра дороже иных пятидесяти. Я приношу вам, милостивый господин, свою глубокую благодарность и уважение. Разрешите узнать ваше почтенное имя, дабы я мог прославить его по всей Поднебесной.

– Ну что вы, учитель! – запротестовал Сун Цзян. – Стоит ли так много говорить о каком-то пустяке?

В этот момент сквозь толпу к ним протиснулся какой-то здоровенный детина, выкрикивая громко на ходу:

– Эй ты, дубина! Кто ты такой? Откуда здесь взялся какой-то преступник, который осмеливается марать честь нашего города Цзеянчжэня?

Размахивая кулаками, он наступал на Сун Цзяна с явным намерением завязать драку. Не случись этого,

К побережью реки Сюньянцзян
не приплыло бы в гневе великом
Столько грозных драконов речных,
поднимающих пену и тину.
И к мятежникам в стан Ляншаньбо
не сбежалось бы с яростным рыком
Столько сумрачных тигров лесных,
забирающихся на вершины.

Кто был этот детина и почему он вздумал драться с Сун Цзяном, вы, читатель, узнаете из следующей главы.

Глава тридцать седьмая
Му Хун Неудержимый преследует Сун Цзяна.
Лодочник буянит ночью на реке Сюньянцзян

Итак, когда Сун Цзян опрометчиво вознаградил торговца лекарствами пятью лянми серебра, через толпу к нему тут же протиснулся огромный детина и, вытаращив глаза, заорал:

– Где этот прохвост учился фехтовать пикой и палицей? И как он смеет ставить себя выше жителей нашего города? Я уже говорил вам, чтобы вы не обращали на него внимания, – обратился он к толпе, а затем, повернувшись к Сун Цзяну, рявкнул: – А ты что за богач такой, что раздаешь здесь награды и пятнаешь честь нашего города?

– Да что тебе до того, как я распоряжаюсь своими деньгами? Почему ты лезешь не в свое дело? – возразил Сун Цзян.

– Ах ты, тварь преступная! – завопил тот и схватил Сун Цзяна за грудь. – Как смеешь ты так со мной разговаривать?

– А почему же это я не должен возражать тебе? – спросил Сун Цзян.

Тогда парень замахнулся кулаком, намереваясь ударить Сун Цзяна в лицо, но тот вовремя увернулся. Парень замахнулся вторично. Сун Цзян приготовился к драке, но в это время мастер фехтования подскочил к нахалу сзади и, схватив его одной рукой за голову, а другой – за поясницу, так двинул под ребра, что тот кувырком полетел на землю. Парень попытался подняться на ноги, однако торговец лекарствами пинком ноги снова повалил его. И лишь после того как стражники удержали торговца, побеж денный поднялся с земли, посмотрел на Сун Цзяна, затем на мастера фехтования и сказал:

– Хорошо же! Как бы там ни было, а я вас еще проучу, можете не сомневаться, – и пошел прочь.

Тогда Сун Цзян спросил, как зовут мастера фехтования и откуда он родом. Тот отвечал:

– Я родом из Лояна, провинции Хэнань. Зовут меня Сюэ Юн. Дед мой служил командиром в пограничном управлении под началом старого Чжуна. Дед был очень груб со своими сослуживцами и поэтому никак не мог продвинуться по службе. И вот мы – его дети и внуки – живем тем, что занимаемся фехтованием и продажей лекарств. Среди вольного люда я известен еще под именем Сюэ Юн Злой тигр. Не могу ли я в свою очередь узнать ваше почтенное имя?

Когда же Сун Цзян назвал себя и сказал откуда он родом, Сюэ Юн спросил:

– Уж не тот ли вы шаньдунский господин Сун, который известен под прозвищем Благодарный дождь?

Сун Цзян подтвердил, что это он и есть; тогда Сюэ Юн поспешно склонился перед ним в глубоком поклоне. Сун Цзян помог ему подняться и пригласил побеседовать за чашкой вина.

– Очень рад! – согласился Сюэ Юн. – Я давно хотел навестить вас и познакомиться с вами, но не имел счастья встретить вас раньше. – Он поспешно собрал свое оружие и лекарства и отправился с Сун Цзяном в ближайший кабачок. Однако неожиданно для них содержатель кабачка заявил:

– И вино и мясо у меня есть, но, к сожалению, я ничего не могу вам подать.

– Это почему же ты не можешь подать вина? – удивился Сун Цзян.

– А потому, – отвечал хозяин, – что тот, кто сейчас с вами дрался, прислал человека сказать, что если я подам вам хоть что-нибудь, то он вдребезги разнесет мой кабачок. Я не смею нарушить его приказ. Да кто же посмеет послушаться его? Ведь он – хозяин в Цзянчжэне.

– Ну, раз такое дело, – сказал Сун Цзян, – так нам лучше уйти отсюда. Этот парень, конечно, придет скандалить и сюда.

– Тогда я пойду в свою гостиницу и расплачусь там за комнату. Через день-два я тоже буду в Цзянчжоу, там мы и встретимся, – сказал Сюэ Юн. – А вы, дорогой брат, отправляйтесь вперед.

Сун Цзян достал еще двадцать лян серебра и дал их Сюэ Юну. Распростившись, они разошлись в разные стороны. Выйдя из кабачка, Сун Цзян со своей стражей пошел искать другое место, где можно было бы подкрепиться. Но и во втором кабачке произошло то же самое.

– Наш господин, – сказал хозяин, – запретил подавать вам еду и питье. Разве я осмелюсь нарушить его приказ? Вы напрасно ходите и тратите свои силы. Никто здесь вам не поможет.

На это Сун Цзян и его стражники ничего не могли сказать. Они заходили еще в несколько мест, но везде им говорили одно и то же. Наконец они вышли на окраину города и увидели несколько небольших постоялых дворов. Однако попытка остановиться на ночлег кончилась неудачей: им везде отвечали отказом. На вопрос Сун Цзяна, что же это значит, ему только повторяли, что господин распорядился ни в коем случае не впускать их. Видя, что положение безнадежно, они снова пустились в путь.

Красный диск солнца спускался за горы. Наступили сумерки. Сун Цзяну и его провожатым стало не по себе, но делать было нечего. Ясно, что негодяй, избитый Сюэ Юном, наводил страх на всех трактирщиков и содержателей постоялых дворов, и ночлега в этом городе Сун

Цзяну не найти. Впереди по дороге не было никаких селений, и они уже совсем было отчаялись, когда вдруг увидели перед собой небольшую тропинку, которая уходила в глубь леса. Вдали между деревьями мерцал огонек. Сун Цзян воскликнул:

– Раз светится огонек, значит, есть и люди! Теперь нам нечего беспокоиться. Остановимся на ночь там, а завтра снова двинемся в путь.

– Огонек светится не на дороге, – присмотревшись, сказали стражники.

– Не важно, – сказал Сун Цзян. – Пусть даже и не на дороге. Завтра придется пройти лишних два-три ли, что за беда.

И они пошли по тропинке. Не прошли они и двух ли, как из-за леса перед ними выросла большая усадьба. Подойдя к воротам, они постучались. На стук вышел работник.

– Что вы за люди? – спросил он. – Уже ночь на дворе, а вы стучитесь в ворота!

– Я ссыльный и иду со своей стражей в Цзянчжоу, – вежливо сказал Сун Цзян. – Но мы по ошибке прошли стоянку, и теперь нам негде остановиться на ночлег. Мы просим приютить нас на одну ночь в вашем уважаемом поместье, а завтра мы, как полагается, расплатимся с вами за постой.

– Хорошо, подождите здесь немного, я пойду доложу хозяину. Если он разрешит, тогда я вас введу, – сказал работник и ушел доложить о прибывших.

Вскоре он вернулся и сказал:

– Хозяин просит вас войти.

Сун Цзян со своими стражниками вошел в дом и приветствовал хозяина. Хозяин приказал работнику провести путников в помещение у ворот и дать им поужинать. В помещении работник зажег лампу и предложил гостям устраиваться, после чего принес три чашки супу и овощных закусок. После ужина работник убрал посуду и ушел в дом.

Тогда стражники сказали Сун Цзяну:

– Господин писарь, сейчас здесь нет посторонних. Давайте снимем вашу кангу, и вам будет удобнее спать. А завтра утром снова двинемся в путь.

– И то правда, – отвечал Сун Цзян и снял с шеи кангу.

Перед тем как улечься, они втроем вышли на двор справить нужду. Небо было усыпано звездами. Сун Цзян приметил, что от помещения, стоящего в стороне от гумна, идет узкая тропинка. Вернувшись в помещение, стражники закрыли двери и легли спать. Сун Цзян сказал стражникам:

– А все же повезло нам, что хозяин усадьбы оставил нас ночевать.

Тут они услышали, что кто-то вышел из дому и ходит по двору. Сун Цзян выглянул в щелку двери и увидел хозяина в сопровождении троих работников. Светя факелами, они что-то осматривали кругом.

– Этот хозяин совсем как мой отец, – сказал Сун Цзян. – Все ему надо посмотреть самому. Не пойдет спать до тех пор, пока все не проверит.

Неожиданно Сун Цзян и стражники услышали, что к усадьбе подошли какие-то люди и приказали открыть им.

Работники поспешили открыть ворота. В усадьбу вошло человек семь. Тот, что шел впереди, держал в руке меч, остальные были вооружены рогатинами и кольями. При свете факела Сун Цзян узнал человека с мечом. Это был тот самый нахал, с которым у него произошла стычка в Цзянчжэне! Затем Сун Цзян услышал, как хозяин усадьбы спросил:

– Откуда это ты, сынок, явился и с кем собираешься драться? На дворе уже ночь, а ты все ходишь вооруженный...

– Это ты, отец? А где старший брат?

– Он напился и спит в беседке за домом. – Пойду разбужу его. Мы отправимся в погоню за одним человеком.

– С кем же это ты опять повздорил? – спросил хозяин. – Не вздумай будить брата, вряд ли он сейчас встанет. Расскажи-ка лучше мне, что там у тебя случилось?

– Да ты и не знаешь, отец, что произошло! Сегодня в город пришел какой-то фехтовальщик – продавец лекарств. И этот парень, черт бы его подрал, никого не спросясь, собрал на улице народ и устроил представление. Я запретил горожанам давать ему деньги. Тут откуда ни возьмись появился какой-то ссыльный преступник. Желая показать, что он лучше других, он дал торговцу пять лян серебра и запятнал честь нашего города. Но едва я собрался проучить этого бездельника, как дьявол-торгаш схватил меня за голову и одним ударом сбил с ног. И потом напуддал мне пинком под ребра. У меня и сейчас еще болит поясница. Прежде всего я решил оставить этих людей без ночлега и разослал своих людей по всем кабачкам и постоянным дворам предупредить, чтобы им не давали ни еды, ни приюта. Затем я пошел в игорный притон, собрал там удальцов, и мы отправились на постоянный двор, где захватили торговца лекарствами и вздули его как следует. Сейчас мы его подвесили в доме дутсу¹, а завтра потащим на берег реки, свяжем и бросим в воду. Хоть на нем сорву свою злость! Но ссыльного преступника с его стражниками захватить пока не удалось. И где они могли остановиться на ночлег? Ведь впереди нет никаких постоянных дворов! Вот я и хотел разбудить брата, чтобы пуститься вдогонку по двум направлениям и поймать этого стервеца.

– Сын мой, – сказал старик, – нельзя так относиться к человеческой жизни. У ссыльного были деньги, и он пожелал вознаградить фехтовальщика. А тебе-то какое дело до этого? За что ты собираешься расправиться с ним? Правда, тебя побили, но не так уж крепко. Ты лучше послушайся меня и ничего не говори об этом брату. Вряд ли он станет вмешиваться в это дело. А если и станет, так это значит, что опять кто-то должен погибнуть. Мой совет тебе идти спать. Уже давно за полночь, не ходи ты по домам и не стучись. Не тревожь честных людей. И тебе самому будет лучше.

Но нахальный молодчик больше не стал слушать старика и, не выпуская меч из рук, пошел в усадьбу. Старик отец последовал за ним. Услышав этот разговор, Сун Цзян сказал стражникам:

– Плохо наше дело! И надо же было так случиться, что мы остановились в его доме. Что нам теперь делать? Лучше всего, пожалуй, уйти отсюда. Если этот парень узнает, что мы здесь, он, конечно, покончит с нами. Хорошо еще, что старик не сказал ему о нас, но разве работники посмеют скрыть это?

– Да, вы правы, – согласились стражники. – Дело очень опасное! Надо поскорее отсюда выбираться.

– Через ворота нам выходить нельзя, – сказал Сун Цзян. – Придется проломить в стене дыру и уйти лесом.

Так они и сделали. Захватив свои узлы и кангу, они выбрались наружу и при свете звезд по тропинке углубились в лес. Они так торопились, что шли не разбирая дороги. Часа через два они увидели, что перед ними расстилаются большие заросли камыша, а далее – могучая река бурливо катит свои воды. Вдруг позади раздались крики и свист, засверкали пылающие факелы. Это была погоня.

– Беда! – крикнул Сун Цзян. – Придется нам, пожалуй, укрыться в камышах. – И они втроем бросились в заросли. Но, оглянувшись, увидели, что факелы уже недалеко, и совсем пали духом. Ноги их подгибались. В камышах они натыкались друг на друга. Впереди не было пути, там бурлила большая река. Взглянув на небо, Сун Цзян горестно вздохнул и промолвил:

– Если бы я знал, что попаду здесь в беду, то лучше остался бы жить в Ляншаньбо. Кто мог думать, что мне суждено погибнуть в таком месте?

¹ Начальник местной охраны.

И вот, когда Сун Цзян уже совсем отчаялся, из камышей вдруг беззвучно выплыла лодка. Увидев ее, Сун Цзян закричал:

– Эй, лодочник! Помоги нам выбраться отсюда, мы тебе за это заплатим!

– А кто вы такие? – крикнул тот. – И как очутились здесь?

– За нами гонятся лихие люди, они хотят ограбить нас, – отвечал Сун Цзян. – Мы хотели спастись здесь. Пожалуйста, поскорее перевези нас. А мы хорошо отблагодарим тебя.

Услышав, что ему обещают хорошее вознаграждение, лодочник подъехал к ним, и все трое быстро вскочили в лодку. Один стражник бросил на дно лодки узлы с вещами, другой взял шест и стал отталкиваться от берега, а лодочник помогал веслом. Думая о том, что зазвенело в узлах, когда они ударились о дно, он был очень доволен и продолжал грести. Скоро лодка очутилась на середине реки.

Тем временем на берегу показалась толпа людей с факелами. Впереди шли два молодца, вооруженные мечами, а за ними следовало еще десятка два парней с копьями и дубинами. Все они в один голос орали, требуя, чтобы лодочник возвратился и пристал к берегу. А Сун Цзян и стражники лежали на дне лодки и уговаривали лодочника:

– Не слушай их, мы как следует отблагодарим тебя!

Лодочник кивнул, и, ничего не отвечая тем, кто звал его с берега, продолжал грести вперед. Стоявшие на берегу продолжали окликать лодочника и грозились расправиться с ним, если он не вернется. В ответ на это лодочник только сердито усмехался. Из толпы на берегу заорали:

– Да ты кто такой, что осмеливаешься не подавать нам лодки?

– Меня зовут лодочник Чжан, – отвечал тот злобно усмехаясь. – А вы перестаньте бранить меня!

Тогда огромный детина, освещенный факелами, закричал:

– Так это ты, почтенный Чжан? Разве ты не видишь, что это мы – братья?

– Не слепой! Вижу! – отвечал лодочник.

– Ну а раз видишь, так давай поскорее сюда лодку. У нас есть к тебе разговор.

– Поговорить можно и завтра утром. Мои пассажиры очень торопятся.

– Да нам как раз и нужны те трое, которые находятся в твоей лодке!

– Эти пассажиры – самые близкие мне люди, – отвечал лодочник, – они помогают мне заработать на жизнь.

– А ты подъезжай сюда, мы с тобой поговорим, – настаивал детина.

– Чтобы вы отняли у меня кусок хлеба? – отвечал лодочник. – Небольшое удовольствие!

– Дорогой Чжан, ты не так меня понял! Нам надо поймать преступника. Ты лучше вернись сюда.

– Нет, я давно поджидал таких пассажиров, – прокричал лодочник, продолжая грести. – А вы уж не обижайтесь на меня, уступить их я вам никак не могу. Мы встретимся с вами в другой раз.

Сун Цзян не понял, какой намек таится в словах лодочника. Лежа на дне лодки, он потихоньку переговаривался со своими стражниками.

– Этот лодочник спас нам жизнь, – сказал он. – Смотрите, когда будете с ним разговаривать, не забывайте, что он оказал нам великую милость. Если бы он не согласился перевезти нас – нам не удалось бы бежать.

Между тем лодочник продолжал грести и отъехал от берега уже далеко. Приподнявшись в лодке, Сун Цзян и стражники посмотрели на берег и увидели, что огни факелов удаляются, мелькая среди камышей.

– Ну, наконец-то! Какое счастье, что нам удалось повстречать хорошего человека и избавиться от злых преследователей, – сказал Сун Цзян. – Ведь мы избежали нависшей над нами беды.

В это время он услышал, как лодочник, не переставая грести, затянул хучжоускую песенку:

На реке я родился
У крутых берегов.
Не боюсь ни начальства,
Ни чертей, ни богов.
А сегодняшней ночью
Повезло мне, друзья:
Слиток золота, видно,
Заработаю я!

Услышав эту песню, Сун Цзян и его спутники похолодели от страха. «Может быть, он просто шутит?» – подумал Сун Цзян. Но не успели они перемолвиться словом, как лодочник положил весло и, обращаясь к ним, сказал:

– Вы, чертовы стражники! Только и знаете, что притеснять мирных контрабандистов. Ну, теперь вы, все трое, попали в мои руки! Говорите, что выбираете – рубленую лапшу или же суп с клецками?

– Хозяин, брось шутить над нами! Говори прямо, что такое лапша и что такое суп с клецками? – спросил Сун Цзян.

– Какие там к дьяволу шутки! – закричал лодочник, вытаращив яростно глаза. – Хотите рубленую лапшу, так я могу без труда покончить с вами. Один взмах, и вы все будете в воде. У меня здесь в лодке есть такой нож, что им можно ветер разрезать. А если предпочитаете клецки, тогда живо сбрасывайте с себя одежду и прыгайте в воду. Кончайте с собой сами!

Услышав эти слова, Сун Цзян воскликнул:

– Какое несчастье! Поистине, беда не приходит одна.

– Ну, думайте, думайте скорее да говорите, что вы решили! – прикрикнул лодочник.

– Тебе, уважаемый, наверное, известно, что мы и так находимся в безвыходном положении, – сказал Сун Цзян. – Я за преступление сослан в Цзянчжоу. Сжалился бы ты над нами.

– Да что вы глупости мелете! – рявкнул лодочник. – Я и полчеловека не помилую, не то что вас троих. Недаром меня прозвали Чжан «Собачья морда». Я не признаю ничего святого. Заткните свои поганые глотки и живо прыгайте в воду!

– У нас в узлах есть золото и серебро, шелка и одежда, – продолжал упрашивать Сун Цзян. – Все бери, только оставь нам жизнь!

Но лодочник нагнулся, поднял свой сверкающий меч и громко закричал:

– Чего же вы еще ждете?

Тогда Сун Цзян, глядя на небо и тяжело вздыхая, сказал своей охране:

– Видно, я нарушил волю неба, был непочтителен к своим родителям и совершил преступление. А теперь по моей вине приходится погибать и вам.

– Не говорите так, господин писарь, – произнесли стражники, поддерживая Сун Цзяна. – Ведь мы умираем все вместе. – Ну, ну, живее раздевайтесь, – опять закричал лодочник. – Да прыгайте в воду! А сами не прыгнете, так я вас сейчас изрублю и выброшу.

Сун Цзян и его спутники сидели, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели в воду. Вдруг они слышали позади скрип весел. Лодочник оглянулся. Их нагоняла летящая, как стрела, лодка. В ней было три человека: один здоровый парень с рогатиной в руках стоял на носу, а двое его помощников изо всех сил налегали на весла. Брызги воды сверкали при свете звезд. Вскоре лодка приблизилась, и стоявший на носу человек, взяв рогатину наизготовку, крикнул:

– Эй, чья это лодка? Кто осмелился промышлять в этих водах? Добычу пополам!

– Никак это почтенный брат Ли? – воскликнул лодочник. – А я-то думал, кто же это такой? Ты что, тоже на работу выехал? А где твой брат?

– Так это ты, брат Чжан? – откликнулся другой. – Значит, опять здесь промышляешь? Велик ли улов?

– Узнаешь, что тут у меня, так нахохочешься, – отвечал лодочник. – Мне в последнее время не везло, да еще я проигрался в пух и прах! Вот сидел я на отмели и раздумывал над своей судьбой, как вдруг на берегу показалась толпа людей. Они гнались за тремя, которые сами прибежали ко мне в лодку. Двое из этих мерзавцев – стражники, а третий – низкорослый, темнолицый преступник. Но кто он и откуда, я не знаю. Сам он говорит, что его сослали в Цзянчжоу, однако канги у него на шее нет. Гнались за ними братья Му из города Цзаянчжэнь. Они хотели поймать его, да я понял, что тут есть чем поживиться, и не выдал их.

– Постой! – вскрикнул тот. – Может быть, у тебя в лодке почтенный брат Сун Гун-мин?

Сун Цзяну показалось, что голос этот ему знаком, и он закричал, приподнявшись в лодке:

– Добрый человек, не спасете ли вы Сун Цзяна?

– Да это действительно почтенный брат Сун! – испуганно сказал Ли. – Хорошо, что я не опоздал!

При свете звезд Сун Цзян увидел, что на носу второй лодки стоял не кто иной, как Ли Цзюнь Дракон, пенящий воды. А гребцами были Тун Вэй и Тун Мэн. Узнав Сун Цзяна, Ли Цзюнь сейчас же прыгнул к нему в лодку и голосом, полным участия, сказал:

– Какого же вы натерпелись страху, уважаемый брат! Опоздай я немного, и вас могли бы по ошибке лишиться жизни. Какое-то беспокойство грызло меня сегодня, и я решил выехать на лодке за добычей. Вот уж никак не думал, что найду вас, дорогой брат, в таком опасном положении.

А лодочник, казалось, потерял дар речи и только после долгого молчания решился наконец спросить:

– Почтенный господин Ли Цзюнь, неужели этот темнолицый человек и есть шаньдунский Сун Гун-мин, по прозвищу Благодатный дождь?

– Как видишь! – отвечал Ли Цзюнь.

Тогда лодочник отвесил Сун Цзяну глубокий поклон и сказал:

– Почтенный отец! Что же вы раньше не назвали своего имени? Ведь я мог совершить злое дело! Я едва не погубил вашу жизнь.

Тогда Сун Цзян, обращаясь к Ли Цзюню, спросил, кто этот человек и как его зовут.

– Вы, конечно, не могли знать, что это мой названный младший брат. Зовут его Чжан Хэн, по прозвищу Лодочный фонарь. Живет он здесь на реке и занимается такими вот добрыми делами.

Тут Сун Цзян и стражники рассмеялись. Затем лодки направились к берегу. Чжан Хэн и Ли Цзюнь помогли Сун Цзяну и стражникам выйти на отмель. Там Ли Цзюнь сказал Чжан Хэну:

– Ну, брат, сегодня тебе представился случай познакомиться с самым справедливым человеком в Поднебесной, господином Сун Цзяном, писарем Юньчэнского уездного управления, о котором я так много тебе говорил.

Чжан Хэн выбил огонь из кремня, зажег фонарь и, осветив лицо Сун Цзяна, тут же упал ему в ноги прямо на песок.

– Дорогой брат! – взмолился он. – Прошу вас простить мне мою вину.

Только закончив церемонию с поклонами, Чжан Хэн спросил:

– Могу ли я узнать, почтенный брат, за что же вас сослали в эти места?

Ли Цзюнь рассказал ему историю Сун Цзяна. Выслушав весь рассказ, Чжан Хэн произнес:

– Я должен сказать вам, дорогой брат, что нас в семье два брата. Я – старший. У моего младшего брата отменное здоровье и белое, как снег, тело. Он может проплыть под водой пятьдесят ли и прожить под водой семь дней и семь ночей. А когда он плышет, то кажется, что в воде тянется сплошная белая полоса. Народ дал ему прозвище Чжан Шунь Белая лента в воде. К тому же он искусен в военном деле. Прежде мы жили с ним вместе на берегу Янцзы и промышляли честным трудом.

– А что же потом случилось? – спросил Сун Цзян.

– Потом мы оба проигрались, и я стал заниматься перевозкой контрабандистов. Некоторые спешили, другие были не прочь избежать уплаты пошлин. Однажды, когда в лодке все места были заняты, я шепнул своему брату Чжан Шуню, чтобы он нарядился торговцем и тоже сел с узлом в мою лодку. На середине реки я остановился, бросил якорь и, схватив нож, потребовал деньги за перевоз. По уговору мне должны были заплатить до пятисот монет с человека, а я требовал по три тысячи. Начал я со своего брата – мы условились, что он откажется платить такие деньги. Тогда я вступил с ним в драку. Одной рукой я схватил его за голову, другой – за ноги и швырнул в воду. После этого я обратился к остальным – они сидели, оцепенев от страха, и никто из них не подумал возражать. Напротив, каждый старался уплатить требуемую сумму как можно скорее. Затем я завез их в укромное место и высадил. А мой брат тем временем переплыл под водой на противоположный берег. Мы поделили с ним выручку и отправились играть в карты. Вот так мы и промышляли с моим младшим братом.

– А здесь много бывает торговцев, которые обращаются к вам с просьбой переправить их через реку? – спросил Сун Цзян.

Услышав это, Ли Цзюнь и остальные рассмеялись, а Чжан Хэн сказал:

– Ну, сейчас-то мы с братом занимаемся другим делом. Я здесь – на Сюньянцзяне – сам понемногу занимаюсь контрабандой. А Чжан Шунь служит в Цзянчжоу инспектором рыбной торговли. Раз уж вы, почтенный брат, едете туда, то разрешите послать с вами брату письмо. Вот беда только – неграмотный я, сам написать не умею.

– Мы пойдем в деревню, – сказал на это Ли Цзюнь, – и попросим написать господина писаря. А Тун Вэй и Тун Мэн останутся здесь присматривать за лодками.

Так они и сделали. Впереди шагали Ли Цзюнь и Чжан Хэн. Последний нес фонарь. Не прошли они и одного ли, как заметили впереди огни факелов.

– А что, братья еще не ушли отсюда? – сказал Чжан Хэн.

– Какие братья? – спросил Ли Цзюнь.

– Из семьи Му, они живут здесь в городке, – ответил тот.

– А вот мы сейчас заставим их подойти и поклониться нашему почтенному брату, – произнес Ли Цзюнь.

– Это невозможно, что вы, что вы! – поспешно воскликнул Сун Цзян. – Ведь они только что гнались за мной!

– Не беспокойтесь, почтенный брат наш, – сказал Ли Цзюнь. – Они ведь не знали, кто вы такой. Это парни из нашей компании.

Ли Цзюнь, подняв руку, пронзительно свистнул. Люди с факелами тотчас же бросились к нему. Подбежав, они увидели, что Ли Цзюнь и Чжан Хэн почтительно склонились перед Сун Цзяном. Братья Му были ошеломлены. Наконец они спросили, обращаясь к Ли Цзюню и Чжан Хэну:

– Разве, дорогие братья, вы знакомы с этими людьми?

– А как вы думаете, кто он такой? – смеясь, спросил Ли Цзюнь, показывая на Сун Цзяна.

– Нам неизвестно, кто он, – отвечали братья. – Только мы видели, что он в нашем городе вынул деньги и вознаградил фехтовальщика. Этим он уронил честь нашего города. За это мы и хотели наказать его.

– А ведь это господин Сун Гун-мин, тот самый писарь Юньчэнского уездного управления, о котором мы с вами так часто говорили, – произнес Ли Цзюнь. – Что же вы медлите и не воздадите ему почести?

Услышав слова Ли Цзюня, оба брата Му отбросили в сторону свои мечи и упали в ноги Сун Цзяну.

– Мы уже давно слышали ваше славное имя, и вот наконец нам удалось увидеть вас. Но мы нанесли вам оскорбление и совершили против вас тяжелый проступок. С надеждой умоляем вас простить нам эту вину.

Помогая им подняться, Сун Цзян сказал:

– Разрешите мне узнать ваши имена, почтенные люди.

– Это отпрыски местной богатой семьи, – ответил за них Ли Цзюнь. – Старшего зовут Му Хун, по прозвищу Неудержимый, а младшего – Му Чунь, по прозвищу Младший неудержимый. Городок Цзеянчжэнь полностью находится в их руках. У нас здесь есть три владения; вы, почтенный брат, человек новый в наших местах, и разрешите вас ознакомить с нашими порядками. Местность, расположенная у подножья горы Цзеянчжэнь, считается другим владением, там распоряжаемся я и Ли Ли. А третье владение – река Сюньянцзян, на ней хозяйничают Чжан Хэн и Чжан Шунь.

– Да, всего этого мы не знали, – сказал Сун Цзян. – Но раз здесь все свои люди, так разрешите вас попросить освободить также и Сюэ Юна.

– Ах, этого фехтовальщика, – рассмеялся Му Хун. – Ну, на этот счет вы, уважаемый брат, можете быть совершенно спокойны. Му Чунь! – обратился он к младшему брату. – Пойди-ка за фехтовальщиком, а мы пока попросим почтенного гостя к нам в усадьбу и воздадим ему должные почести, чтобы искупить нашу вину.

– Вот это хорошо! – воскликнул Ли Цзюнь. – Мы пойдем прямо к вам в усадьбу.

Му Хун распорядился, чтобы два работника пошли сторожить лодки, и пригласил Тун Вэя и Тун Мэна в усадьбу вместе со всеми и послал туда гонца предупредить, чтоб там готовились к пиршеству, закололи баранов, свиней и приготовили вина. Дождавшись Тун Вэя и Тун Мэна, вся компания двинулась к усадьбе. Было уже время пятой стражи.

Придя в усадьбу, братья вызвали отца – старого Му и представили его гостям. Затем все прошли в зал и расселись за столом, заняв места, положенные для гостей и хозяев. Сун Цзян и старый Му сели друг против друга. Когда завязался разговор, уже рассвело. В это время пришел Му Чунь с Сюэ Юном и познакомил его со всеми присутствующими.

Радушию Му Хуна не было конца. Он угощал Сун Цзяна и других гостей с раннего утра и до самого вечера; на ночь все остались в усадьбе.

На другой день Сун Цзян собрался было уходить, но Му Хун не согласился отпустить его. Оставил он у себя также и всех остальных. Сун Цзяна повели прогуляться и показали достопримечательности города.

Так они прожили три дня, и наконец Сун Цзян, обеспокоенный тем, что назначенный срок явки к месту ссылки истекает, решительно заявил, что больше не может оставаться в усадьбе. Никакие уговоры Му Хуна и других не помогали, и тогда Сун Цзяну был устроен прощальный обед.

На следующий день, рано утром, Сун Цзян простился с хозяином усадьбы старым Му и со всеми удалцами. А Сюэ Юну он посоветовал пожить еще некоторое время в доме Му Хуна и потом приехать к нему в Цзянчжоу. – Почтенный брат, вы можете быть совершенно спокойны, – уверил его Му Хун. – Я сам позабочусь о Сюэ Юне.

Он взял блюдо с золотом и серебром и преподнес Сун Цзяну. Кроме того, он щедро наградил и его стражу. Тем временем Чжан Хэн нашел в поместье Му Хуна человека, который написал для него письмо, и попросил Сун Цзяна передать это письмо Чжан Шуню. Сун Цзян спрятал письмо в свой узел. Все пошли провожать Сун Цзяна к берегу реки Сюньян. В лодку

сложили узлы, кангу и провизию. Затем, выпив и закусив на дорогу, все со слезами на глазах стали прощаться. Не будем описывать, как возвращались обратно Ли Цзюнь, Чжан Хэн, Му Хун, Му Чунь, Сюэ Юн, Тун Вэй и Тун Мэн.

Поговорим лучше о том, как Сун Цзян и его стражники поплыли в лодке к Цзянчжоу. На этот раз у них был другой лодочник. Он поднял паруса, лодка неслась быстро, и вскоре путники высадились на берег в Цзянчжоу. Здесь Сун Цзян снова надел свою кангу, а стражники приготовили бумаги. Захватив вещи, они двинулись к областному управлению. Когда они пришли туда, начальник области уже приступил к делам. Это был Цай Дэ-чжан, девятый сын советника императора Цай Тай-ши, поэтому народ в Цзянчжоу называл его еще «Цай девятый». Это был жадный, корыстолюбивый, заносчивый и распутный человек. Советник императора назначил его начальником этой области, так как это было богатое и доходное место с многочисленным населением.

Войдя в управление, стражники подвели Сун Цзяна к начальнику и представили бумаги. Цай Дэ-чжан по одному виду Сун Цзяна понял, что это человек необыкновенный, и обратился к нему с вопросом:

– Почему на твоей канге нет печати Цзичжоуской области?

– Мы попали по дороге под проливной дождь, и вода смыла все печати, – отвечали стражники.

Тогда начальник области отдал распоряжение написать препроводительную бумагу и отправить Сун Цзяна в лагерь для ссыльных, находящийся за городом. Затем он добавил, что Сун Цзяна в лагерь доставит служащий управления. Два стражника, сопровождавшие Сун Цзяна, пошли проводить его в лагерь. Получив бумагу, служащий управления вышел вместе с прибывшими, и все они прежде всего направились в кабачок, напротив управления. Там Сун Цзян вынул три лян серебра и, передавая их служащему Цзянчжоуского областного управления, попросил его замолвить слово перед начальником лагеря, чтобы тот поместил его в одиночную камеру.

Когда они прибыли на место, служащий областного управления вошел в канцелярию лагеря и попросил, чтобы к Сун Цзяну относились получше. А стражники вручили Сун Цзяну вещи и, горячо поблагодарив, распрощались с ним.

– Хотя мы и натерпелись много страху, – говорили они, уходя, – но зато и заработали немало. – Получив в областном управлении соответствующую бумагу, охранники отправились в обратный путь в Цзичжоу.

Дальше речь пойдет только о Сун Цзяне. За предоставление одиночной камеры Сун Цзяну пришлось дать надзирателю десять лян серебра. Кроме того, ему еще пришлось удвоить эту сумму и отдать двадцать лян серебра начальнику лагеря, а также сделать мелкие подарки остальным тюремным служащим. Так Сун Цзян завоевал всеобщее расположение.

Спустя некоторое время надзиратель повел Сун Цзяна в канцелярию. Здесь с него сняли кангу и привели к начальнику лагеря, которому Сун Цзян уже заранее дал взятку. Начальник обратился к нему с такими словами:

– Вновь прибывшему ссыльному Сун Цзяну объявляется следующее: по уложению, изданному родоначальником Сунской династии императором У Дэ, каждый новый ссыльный подлежит предварительному наказанию – ста палочным ударам, дабы выбить из него всяческую спесь! Эй, взять и связать его, – распорядился он.

– Я простудился по дороге, – скромно доложил Сун Цзян, – и заболел. До сих пор я еще не оправился от болезни.

– Действительно, этот парень как будто не совсем здоров, – заметил начальник лагеря. – По одному его истощенному виду и желтизне лица можно сказать, что он болен. Ну что ж! В таком случае наказание можно пока отложить. А поскольку ссыльный уже служил в уездном

управлении, то его следует направить в канцелярию лагеря, где он и будет работать писцом. – И он тут же написал бумагу о назначении Сун Цзяна и приказал ему идти в канцелярию.

Поблагодарив начальника, Сун Цзян пошел в одиночную камеру, взял свои вещи и, придя в канцелярию, устроился там. Другие заключенные, видя, что Сун Цзян занял видное положение, купили вина и пригласили Сун Цзяна, желая поздравить его. А на другой день Сун Цзян в свою очередь приготовил вина и закусок, чтобы ответить на любезность заключенных. После этого он часто приглашал выпивать надзирателей и постоянно преподносил подарки начальнику лагеря. Денег и всякого добра у него было достаточно, и он тратил все это только на подарки.

Прошло полмесяца, и во всем лагере не было ни одного человека, который не полюбил бы Сун Цзяна. Однако старая пословица гласит: отношения с людьми складываются от умения подойти к ним. Достоинство же людей оценивается по тому, как они себя держат. Однажды, когда Сун Цзян распивал в канцелярии вино с надзирателем, последний сказал:

– Почтенный брат мой! Почему вы до сих пор не послали подарка начальнику тюрьмы? Ведь это полагается по обычаю. Я напоминал вам об этом. А сейчас уже прошло более десяти дней. Завтра он приедет сюда, и тогда получится не совсем хорошо.

– Это пустяки! – сказал Сун Цзян. – Если даже этот человек и попросит у меня деньги, я не дам их ему. Если бы эти деньги попросили у меня вы, дорогой брат, я дал бы вам их без всяких разговоров. Если же их будет требовать начальник тюрьмы, он не получит от меня и медяка. Пусть он приходит, я знаю что ему сказать.

– Не забудьте, господин писарь, – сказал надзиратель, – что это очень жестокий человек, да к тому же он очень силен. Если вы скажете что-нибудь не так, он может оскорбить вас да будет еще говорить, что я не дал вам своевременной острастки. – Дорогой мой! – сказал на это Сун Цзян. – Пусть он делает, что ему вздумается. А вы не беспокойтесь. Я с этим делом справлюсь. Может быть, я ему кое-что и дам, но это еще неизвестно. А может быть, он и сам не осмелится требовать у меня что-нибудь.

Едва он успел договорить это, как вошел младший надзиратель, который сообщил, что в лагерь прибыл начальник тюрьмы. И в этот момент они услышали шум и ругань. Начальник тюрьмы кричал:

– Почему этот новый ссыльный до сих пор не послал мне положенные по обычаю деньги?!

– Ну, что я говорил? – воскликнул надзиратель. – Вот видите, он сам пожаловал сюда.

– Вы уж извините меня, дорогой брат, что я сейчас не могу больше беседовать с вами, – сказал, улыбаясь, Сун Цзян надзирателю. – Мы закончим нашу беседу как-нибудь в другой раз. А сейчас мне надо поговорить с ним.

– Лучше нам расстаться, – сказал, поднимаясь, надзиратель. Простившись с надзирателем, Сун Цзян пошел из канцелярии в контору, где был начальник тюрьмы. Не встретив Сун Цзяна этого человека,

Городок Цзянчжоу не превратился бы
В логовище тигров разъяренных,
В грозное убежище волков,
И, наверно, не были бы улицы
Залиты кровавыми ручьями
И покрыты трупами врагов.

Поистине:

Он сетей небесных избежал
И в глубоких заводях укрылся,

Он земные сети разорвал
И героем в Ляншаньбо явился.

О том, чем кончилась встреча Сун Цзяна с начальником тюрьмы, рассказывает следующая глава.

Глава тридцать восьмая
Сун Цзян встречается с Волшебным скороходом. Ли Куй Черный вихрь сражается в воде с Белой лентой

Итак, Сун Цзян расстался с надзирателем и вышел в приемную. Здесь он увидел начальника тюрьмы, который сидел на скамейке у входа и громко кричал:

– Кто здесь новый ссыльный?

– Вот он! – сказал стражник, указывая на Сун Цзяна. Начальник принялся браниться:

– Ах ты, черномазый низкорослый разбойник! Где положенные мне по обычаю деньги? Или ты надеешься увильнуть от подношения?

– Знаки внимания оказываются по доброй воле, – отвечал Сун Цзян, – а вы хотите силой заставить людей присылать вам деньги. Вы поступаете неправильно.

Все, кто присутствовал при этом разговоре, даже вспотели от страха. Разъяренный начальник заорал:

– Мерзавец! Преступная тварь! Как ты смеешь так разговаривать со мной? Как смеешь судить о моих поступках? Эй, стражники! Всыпать ему сотню палок!

Следует сказать, что лагерные охранники хорошо относились к Сун Цзяну, и едва они услышали приказание начальника, как сразу все исчезли, словно их ветром сдуло. В приемной остались только начальник тюрьмы и Сун Цзян. Увидев, что исполнять его приказание некому, начальник расшвырянул еще больше и, схватив дубинку, бросился на Сун Цзяна.

– Вы собираетесь меня бить, господин начальник? – осведомился Сун Цзян. – Но какое же преступление я совершил?

– Ты сосланный преступник и находишься в моих руках, – заревел тот. – Если ты хотя бы кашлянешь в моем присутствии, то и это уже преступление!

– Не настолько велика моя вина, – заметил Сун Цзян, – чтобы я заслужил смертную казнь.

– Это ты думаешь, что не заслужил смерти. А мне ничего не стоит прикончить тебя. Мне это все равно, что муху раздавить!

– И я должен умереть только потому, что не послал вам положенных по обычаю денег? – насмешливо сказал Сун Цзян. – А как бы вы поступили с тем, кто ведет знакомство с У Юном из стана Ляншаньбо?

Начальник тюрьмы опешил и выронил палку. Он быстро спросил:

– Что ты сказал?

– Да это я сам с собой говорю о друзьях военного советника У Юна, – отвечал Сун Цзян. – А в чем дело?

Тогда начальник поспешно оттащил Сун Цзяна в сторону и спросил:

– Кто же вы такой в действительности? И откуда вам все известно?

– Я – Сун Цзян из уезда Юньчэн, провинции Шаньдун, – произнес Сун Цзян.

Услышав это, начальник тюрьмы окончательно растерялся и, почтительно кланяясь Сун Цзяну, забормотал:

– Так это вы – Сун Гун-мин «Благодатный дождь»!

– Да, но не будем об этом говорить, – сказал Сун Цзян.

– Почтенный брат мой, – продолжал начальник тюрьмы. – Здесь нам неудобно разговаривать, и я даже не могу приветствовать вас полагающимися поклонами. Прошу вас, уважаемый брат мой, пойти со мной в город, там мы и побеседуем.

– Хорошо, – согласился Сун Цзян. – Прошу вас обождать меня немного, господин начальник, я запру комнату и тотчас же вернусь.

Сун Цзян быстро пошел к себе и, взяв письмо У Юна и деньги, закрыл помещение, приказав стражнику охранять его. Затем в сопровождении начальника тюрьмы он вышел из лагеря и направился в город Цзянчжоу. На одной из тихих улиц они нашли кабачок и, поднявшись на верхний этаж, уселись. Тогда начальник тюрьмы спросил:

– А где же вы встретились с У Юном, уважаемый брат мой?

В ответ на это Сун Цзян вынул из-за пазухи письмо и передал его своему собеседнику. Тот разорвал конверт, прочитал письмо и спрятал его в рукав. После этого он встал и до земли поклонился Сун Цзяну. Сун Цзян не замедлил ответить на этот поклон и сказал:

– Не сердитесь на меня за то, что я позволил себе непочтительно разговаривать с вами.

– Я ведь ничего не знал, кроме того, что в лагерь прислан какой-то человек по фамилии Сун, – сказал на это начальник. – А тут уж так установлено, что каждый вновь прибывший ссыльный присылает мне пять лян серебра. Со дня вашего приезда прошло уже более десяти дней, но денег я так и не дождался. Пользуясь тем, что у меня сегодня свободный день, я решил сам пойти за деньгами. Разумеется, я никак не ожидал, что это окажетесь вы, почтенный брат мой. Извините меня за мою грубость!

– Надзиратель часто напоминал мне о вас, – сказал на это Сун Цзян, – но мне самому хотелось познакомиться с вами. К сожалению, я не знал, где вы живете, и не мог прийти к вам. Мне не оставалось ничего другого, как ждать вашего прихода. Поэтому я и не торопился посылать вам деньги. Не подумайте, что я сделал это из жадности, жалея какие-то пять лян

серебра! Я просто ждал, что вы, уважаемый брат, обязательно придете сами. И вот сегодня я счастлив, что мы встретились с вами. Желание моей жизни наконец-то исполнилось!

Может быть, читателю интересно будет узнать, с кем беседовал Сун Цзян. Это был не кто иной, как начальник двух тюрем в Цзянчжоу по имени Дай Цзун, о котором У Юн говорил Сун Цзяну.

Надо заметить, что в эпоху Сунской династии все начальники тюрем в районе Нанкина назывались «цзянчжан», а в провинции Хунань – «юаньчжан»². Про этого начальника тюрьмы следует еще сказать, что он владел поразительным искусством, заимствованным от даосских монахов. Искусство это состояло в том, что когда его отправляли куда-нибудь со срочным поручением – доставить военные или другие важные сведения, он подвязывал к ногам две бумажных полоски с изображением богов и тогда мог пройти пятьсот ли в один день; если же он подвязывал к ногам четыре таких бумажных полоски, то проходил и восемьсот ли в день. За это его прозвали «Волшебный скороход».

После душевной беседы Дай Цзун и Сун Цзян очень понравились друг другу. Они подозвали слугу и заказали вина, закусок и фруктов. Все это было подано, и они долго сидели в кабачке, распивая вино.

Сун Цзян рассказывал о том, каких удалцов он встречал по дороге и какие происшествия с ним приключались. Дай Цзун в свою очередь высказал все, что у него было на душе, и рассказал о том, как он познакомился с У Юном. Вдруг в самый разгар дружеской беседы снизу донесся шум скандала. В комнату вбежал слуга и, обращаясь к Дай Цзуну, взмолился:

– Этого человека можете унять только вы, юаньчжан. Я вынужден побеспокоить вас и просить спуститься вниз, надо как-нибудь утихомирить его.

– Да кто это там скандалит? – спросил Дай Цзун.

– Все тот же Ли, по прозвищу Те-ню Железный бык. Он ведь всегда ходит с вами, юаньчжан! – отвечал слуга. – Сейчас он требует, чтобы хозяин дал ему займы денег.

– Опять этот парень бесчинствует, – рассмеялся Дай Цзун. – А я думаю: кто же это так разошелся? Вы посидите здесь немного, – сказал он, обращаясь к Сун Цзяну, – а я пойду и приведу этого молодца сюда.

Дай Цзун встал и сошел вниз. Через некоторое время он возвратился, ведя за собой огромного, нескладного черного детину. При виде незнакомца Сун Цзян был поражен его наружностью и, обращаясь к Дай Цзуну, спросил:

– Кто он, этот молодец?

– Это мой постоянный спутник, один из стражников нашей тюрьмы, – отвечал тот. – Зовут его Ли Куй. Сам он из деревни Байчжанцунь, уезда Ишуй, округа Ичжоу. У него странное имя – Ли Куй – Черный вихрь. Но в деревне его все звали Ли Те-ню – Ли Железный бык. Случилось так, что он убил человека и бежал. Впоследствии было объявлено о помиловании преступников, но он не поехал на родину, а перебрался на жительство в Цзянчжоу. В пьяном виде он страшно свиреп, поэтому все боятся его. Он может сражаться сразу двумя топорами, хорошо владеет и палицей. А сейчас служит у меня в тюрьме.

Тем временем Ли Куй, рассматривая Сун Цзяна, обратился к Дай Цзуну с вопросом:

– Брат мой, скажите, кто этот чумазый удалец?

– Ну вот, вы сами видите, господин писарь, до чего этот парень невежествен, – сказал, улыбаясь, Дай Цзун. – У него нет никакого понятия об учтивости.

– Я ведь только спросил вас, почтенный брат, почему же вы называете меня неучтивым? – удивленно проговорил Ли Куй.

– На это Дай Цзун отвечал:

² Цзянчжан, юаньчжан, —отец, батюшка.

– Брат мой, ты должен был иначе спросить. Сказал бы: «Кто этот почтенный чиновник?» – и тогда все было бы в порядке. А то: «Кто этот чумазный удалец?» В этом и заключается твоя неучтивость. Ну а теперь я открою тебе, кто это такой! Это тот самый справедливый и уважаемый человек в Поднебесной, к которому ты все время собираешься идти.

– Неужели это «Благодатный дождь» из Шаньдуна – черный Сун Цзян? – воскликнул Ли Куй.

– Вот черт! – закричал Дай Цзун. – Ну, разве можно быть до такой степени невежливым и прямо так называть человека? Ты совершенно не умеешь вести себя! Чего же ты еще ждешь? Сейчас же приветствуй поклонами старшего брата!

– Если это действительно Сун Гун-мин, так я поклонюсь ему, – сказал Ли Куй. – А если это какой-нибудь бездельник, то какого черта я буду ему кланяться? Вы, почтенный начальник, не дурачьте меня понапрасну и не заставляйте зря бить поклоны. – Я действительно черный Сун Цзян из Шаньдуна, – заметил Сун Цзян.

– О, дорогой отец мой! – воскликнул Ли Куй. – Почему же вы молчали до сих пор и не обрадовали меня раньше? – И, как того требовала церемония, он сложил руки и, упав на колени, поклонился Сун Цзяну.

Сун Цзян в свою очередь учтиво поклонился ему и сказал:

– Прошу вас, отважный брат, присядьте с нами!

– Друг мой, – добавил Дай Цзун, обращаясь к Ли Кую, – садись рядом со мной и пей вино.

– Я не хочу утруждать себя и пить вино такими маленькими чашечками, – сказал Ли Куй. – Дайте мне большую чашку! – Кто это вас рассердил там внизу? – спросил Сун Цзян.

– У меня был слиток серебра, – отвечал Ли Куй, – но я заложил его за десять лян, так как мне нужны были деньги. И вот сейчас я попросил хозяина этого кабачка одолжить мне десять лян, чтобы я мог выкупить свой слиток. Тогда я вернул бы ему деньги и у меня еще осталось бы на расходы. Но он отказался дать мне займы, и я уже хотел как следует проучить этого мерзавца – разнести все его хозяйство вдребезги, а тут как раз вышел почтенный брат и позвал меня сюда.

– Но ведь, кроме десяти лян, за выкуп нужно заплатить и проценты, – заметил Сун Цзян.

– На это у меня есть деньги, – ответил Ли Куй, – мне не хватает лишь десяти лян, которые я получил под залог.

Сун Цзян полез в карман, достал десять лян серебра и, протянув их Ли Кую, сказал:

– Дорогой друг, возьмите эти деньги и выкупите ваше серебро.

Дай Цзун хотел было удержать Сун Цзяна, но тот уже передал деньги Ли Кую.

– Вот это хорошо! – воскликнул Ли Куй. – Подождите меня здесь, я только выкуплю серебро и сейчас же приду обратно и верну вам деньги, а после этого мы прогуляемся за город, уважаемый брат Сун Цзян, и выпьем там вина.

– А вы не спешите, посидите и выпейте с нами еще несколько чашек, – предложил Сун Цзян.

– Нет, я пойду и скоро вернусь, – сказал Ли Куй и, откинув дверную занавеску, вышел из комнаты и спустился вниз.

– Лучше бы не давать ему денег, – промолвил Дай Цзун. – Я хотел удержать вас, да не успел.

– Но почему же? – спросил Сун Цзян.

– Этот парень, хотя и честный малый, – отвечал Дай Цзун, но большой охотник до вина и азартных игр. Интересно, откуда мог взяться у него слиток серебра, который он мог бы заложить? Вы просто попались на удочку. А заметили вы, как он спешил уйти? Ему не терпелось поскорей попасть в игорный дом. Если он выиграет, то, пожалуй, вернет вам деньги. Ну а если проиграет, то откуда он возьмет их? Мне очень неловко перед вами.

– Дорогой мой брат, – рассмеявшись, сказал Сун Цзян. – Не считайте меня чужим человеком. Стоит ли говорить о таких пустяках. Ну и пусть себе проигрывает. По-моему, он честный и надежный малый.

– Этот парень не без способностей, – сказал Дай Цзун, – но совсем неотесан и уж очень отчаянный. Вот и здесь, в тюрьме, когда напьется, то никого из заключенных не трогает, зато лезет в драку с самыми свирепыми надзирателями. У меня из-за него столько неприятностей. Стоит ему увидеть какую-нибудь несправедливость, как он обязательно полезет в драку с виновным. Недаром в Цзянчжоу все боятся его.

– Давайте выпьем еще по две чашки и пройдемся за город. Там мы погуляем и отдохнем немного, – предложил Сун Цзян.

– Да, да, я совсем забыл, почтенный брат мой, пригласить вас полюбоваться нашей рекой, – сказал Дай Цзун.

– Вот и замечательно, – обрадовался Сун Цзян. – Мне и самому хотелось полюбоваться видами реки Цзянчжоу.

Но оставим пока Сун Цзяна и начальника за их беседой и расскажем о Ли Куе. Как только Сун Цзян дал ему деньги, Ли Куй задумался: «Редко встретишь такого человека, как Сун Цзян. Ведь мы с ним не близкие друзья, а он одолжил мне десять лян серебра. Поистине, не зря назвали его справедливым и бескорыстным. И вот теперь, когда я встретил его, мне, как на грех, не везет. В последние дни я все время проигрывал, и сейчас у меня не осталось ни полушки. Я не могу, как полагается порядочному человеку, пригласить и угостить его. Ну, ничего, сейчас у меня есть десять лян серебра. Пойду-ка я играть, и если выиграю несколько связок монет, то угощу его, и все будет хорошо».

С этим мыслями Ли Куй поспешил за город в игорный дом маленького Чжан И. Здесь он прошел прямо в комнату, где шла игра в кости, и, бросив свои десять лян серебра на стол, крикнул:

– Ставлю на главный выигрыш!

Маленький Чжан И всегда знал Ли Куя как честного, соблюдающего правила игрока и, обращаясь к нему, сказал:

– Дорогой брат, вы немножко отдохните, а потом поставите на другой кон.

– Нет, я хочу играть сейчас, – сказал Ли Куй.

– Ну, тогда вы можете мазать со стороны, это тоже неплохо, – сказал маленький Чжан И.

– Не буду мазать! – отказался Ли Куй. – Я хочу играть по крупной! Ставлю на кон пять лян серебра.

Игроки хотели было продолжать свою игру, но Ли Куй отодвинул в сторону их ставки и спросил:

– Ну, кто со мной играет?

– Что ж, в таком случае ставлю пять лян против, – сказал маленький Чжан И.

– Идет! – крикнул Ли Куй.

Стукнули брошенные кости, и Ли Куй проиграл. Маленький Чжан И придвинул деньги к себе.

– У меня было десять лян серебра, – сказал тогда Ли Куй.

– Ну что ж, ставь еще пять лян, – предложил маленький Чжан И. – И я тоже поставлю пять. Выиграешь – я верну тебе деньги.

Ли Куй сделал новую ставку и крикнул:

– Играю!

Снова стукнули кости, и снова Ли Куй проиграл. Тогда маленький Чжан И сказал, смеясь:

– Ведь говорил же я тебе, что не надо перебивать игру! Лучше бы ты немного переждал.

Не послушался меня, – вот и проиграл два раза подряд.

– Это не мои деньги, – сказал Ли Куй.

– Да чьи бы они ни были, теперь уж ничего не сделаешь, – заметил маленький Чжан И. – Раз проиграл, так и говорить не о чем.

– Но у меня безвыходное положение, – отвечал Ли Куй. – Одолжи мне эти деньги, завтра я верну их тебе.

– Что зря болтать! – воскликнул маленький Чжан И. – Еще в древности говорили, что для всех игроков правила одинаковы. Ты сейчас честно проиграл мне, так зачем же затеваешь спор?

Тогда Ли Куй подоткнул полы своей длинной куртки и, выступив вперед, рявкнул:

– Вернешь ты мне деньги или нет?

– Дорогой брат Ли, – сказал маленький Чжан И, – ты всегда играл правильно и честно, что же с тобой сейчас случилось? Ни слова не говоря, Ли Куй схватил с кона проигранные деньги, прихватив при этом более десяти лян, принадлежащих другим игрокам, и, сунув их в карман своего халата, заорал, вытаращив глаза:

– Верно, я всегда играл честно и справедливо, а вот сегодня приходится быть нечестным!

Тут маленький Чжан И вместе с остальными тринадцатью игроками бросились на него, чтобы отнять свои деньги. Но Ли Куй, нанося удары направо и налево, разогнал наседавших на него противников и бросился к двери.

– Уважаемый брат! Куда вы бежите? – попробовал было остановить его привратник.

Но Ли Куй, с силой оттолкнув его в сторону, пинком ноги вышиб двери и побежал прочь. Игроки, выбежав вслед за ним из дома, остановились у ворот и кричали:

– Уважаемый брат Ли, разве можно так нечестно поступать? Вы украли все наши деньги!

Но они только кричали ему вслед, не решаясь бежать за ним. И в этот момент кто-то схватил Ли Куя за плечо и сказал:

– Ах ты, мошенник этакий! Да как ты смеешь отнимать то, что принадлежит другим?

– А тебе какое до этого дело? – огрызнулся Ли Куй, но, оглянувшись, увидел перед собой Дай Цзуна, а позади него Сун Цзяна. Ли Куй опешил и забормотал:

– Уважаемый брат! Не сердитесь на меня. Я всегда играл по-честному, но сегодня неожиданно для себя проиграл деньги почтенного брата Сун Цзяна. Мне не на что было угостить его, и, оказавшись в столь затруднительном положении, я поступил нечестно.

Выслушав его, Сун Цзян рассмеялся и сказал:

– Дорогой брат, когда вам понадобятся на что-нибудь деньги, скажите мне об этом. А чужие деньги верните немедленно.

Ли Кую оставалось только полезть в карман, достать все деньги и передать их Сун Цзяну. Сун Цзян подозвал маленького Чжан И и отдал деньги ему. А тот, обращаясь к Сун Цзяну и Дай Цзуну, сказал:

– Почтенные господа! Я возьму только свои деньги. Мне не нужны те десять лян, которые уважаемый Ли проиграл мне. Я не возьму их, чтобы не портить наши хорошие отношения и избежать всякой неприязни между нами.

– Нет, вы уж берите все и ни о чем не беспокойтесь, – сказал Сун Цзян.

Однако маленький Чжан И продолжал отказываться. Тогда Сун Цзян спросил его:

– А он никого не побил?

– Да он всех пораскидал, и тех, кто прислуживает, и привратника, – отвечал Чжан И.

– Тогда возьмите эти деньги, – сказал Сун Цзян, – и раздайте их пострадавшим. А если вам самому неудобно это сделать, так я пошлю его.

Только после этого маленький Чжан И решил взять деньги и, низко поклонившись Сун Цзяну в знак благодарности, ушел.

– Ну вот, а теперь мы можем пойти с уважаемым братом Ли выпить чашки по три, – сказал Сун Цзян.

– У реки есть ресторан под названием «Павильон Лютни». Это памятник старины времен Танской династии. В этом павильоне бывал Бо Цзюй-и³, – сказал Дай Цзун. – Пойдемте туда, выпьем в беседке несколько чашечек вина и полюбуемся рекой. Что вы на это скажете?

– А не купить ли нам раньше каких-нибудь закусок? – предложил Сун Цзян.

– Нет, это лишнее, – ответил Дай Цзун. – Там продают все, что надо.

– В таком случае пойдемте, – согласился Сун Цзян.

И они втроем направились к «Павильону Лютни». Там они поднялись наверх и, оглядевшись, увидели, что по одну сторону ресторана раскинулась река Сюньянцзян, а по другую стоит дом хозяина ресторана.

Наверху было расставлено более десяти столиков.

Дай Цзун выбрал самый чистый и попросил Сун Цзяна занять почетное место. Сам он сел напротив, Ли Куя посадил рядом с собой. Затем они заказали вина, закусок, фруктов и все, что полагается к выпивке.

Слуга принес им два кувшина лучшего вина, которое называлось «Юйхучунь» – «Весна в яшмовом кувшине», – этим вином славился Цзянчжоу. Вынув глиняную пробку, Ли Куй сказал слуге:

– Ты принеси большие чашки. Из маленьких и пить не стоит.

– Какая же ты деревенщина, дорогой мой! – воскликнул Дай Цзун. – Ты бы уж лучше молчал! Пей вино и молчи.

Но Сун Цзян приказал слуге:

– Нам двоим ты подай маленькие чашечки, а этому почтенному брату – большую.

Слуга послушно выполнил его распоряжение, принес Ли Куя большую чашку и, расставив перед гостями закуски, налил им вина.

– Сразу видно, уважаемый брат Сун, что вы настоящий человек, – сказал, смеясь, Ли Куй. – Правильно о вас люди говорят. Вы мигом поняли, каков я! Большая честь побрататься с таким человеком, как вы.

Время шло, и слуга уже несколько раз подливал гостям вина. Глядя на своих приятелей, Сун Цзян радовался. Когда выпили еще по несколько чашечек, ему вдруг пришло в голову, что не плохо было бы поесть рыбного супа с острой приправой.

– Можно здесь достать хорошей свежей рыбы? – спросил он Дай Цзуна.

– Разве вы не видите, уважаемый друг мой, что на реке полно рыбацких лодок? – отвечал тот. – В этих местах ловят рыбу и разводят рис. Где еще водиться свежей рыбе, как не здесь?

– А ведь после вина лучше всего поесть немного рыбного супу, – сказал Сун Цзян.

Дай Цзун подозвал слугу и приказал ему приготовить на троих рыбного супу, хорошо сдобрив его красным перцем. Суп быстро приготовили. Когда его подали на стол, Сун Цзян сказал:

– Как суп ни хорош, а посуда еще лучше. Ресторанчик небольшой, а посуда у них, по совести сказать, замечательная.

Он взял палочки и пригласил Дай Цзуна и Ли Куя есть рыбу. Сун Цзян поел немного и отхлебнул несколько глотков супу. А что касается Ли Куя, то он не счел нужным пользоваться палочками и, вылавливая куски из чашки прямо пальцами, жевал рыбу вместе с костями.

Глядя на него, Сун Цзян не мог сдержать улыбки. Он сделал еще несколько глотков и отложил палочки в сторону.

– Дорогой брат! Вам, наверно, не нравится эта рыба, потому что она соленая, – заметил Дай Цзун.

– Да, по-моему, эта рыба не совсем подходит к выпивке, – отвечал Сун Цзян. – Я люблю суп из свежей рыбы, а эта не очень хороша.

³ Бо Цзюй-и – знаменитый поэт времен Танской династии (772—846).

– И я тоже не могу ее есть, – согласился Дай Цзун. – Соленая и невкусная.

Ли Куй тем временем покончил со своей чашкой и сказал:

– Если вы, уважаемые братья, не хотите рыбы, так я съем ее за вас. – С этими словами он протянул руку и выловил рыбу сначала в чашке Сун Цзяна, а потом и Дай Цзуна и все съел. Сделал он это так неосторожно, что залил супом весь стол.

Наблюдая, как Ли Куй поглощает суп и рыбу вместе с костями, Сун Цзян подозвал слугу и сказал:

– Этот почтенный человек, очевидно, проголодался. Вы нарежьте цзиня два мяса и подайте ему. А потом мы за все расплатимся с вами.

– Я должен предупредить вас, – сказал на это слуга, – что у нас есть только баранина, – говядины мы не держим. Зато жирной баранины сколько угодно.

Услышав это, Ли Куй швырнул слуге в лицо остатки супа и залил его с головы до ног.

– Что же это ты опять вытворяешь? – закричал Дай Цзун.

– Да как же можно терпеть бесцеремонность этого негодяя? – возмущенно воскликнул Ли Куй. – Уж не думает ли он, что я ем только говядину и откажусь от баранины?

– Я жду ваших приказаний и ничего особенного не сказал, – заметил слуга.

– Хорошо, иди и нарежь мяса, – сказал Сун Цзян. – А потом мы расплатимся за все.

Сдерживая гнев, слуга пошел, нарезал два цзиня баранины и подал ее на стол на блюде. При виде мяса Ли Куй, не ожидая приглашения, принялся уплетать его полными пригоршнями. В один миг все два цзиня мяса были уничтожены.

– Вот это молодец! Вот это настоящий мужчина! – воскликнул Сун Цзян.

Обращаясь к нему, Ли Куй сказал:

– Ну, уважаемый брат Сун Цзян, вы хорошо угадываете мои желания. Конечно, мясо куда сытнее рыбы!

Дай Цзун подозвал слугу и сказал:

– Суп ты нам подал в очень хорошей посуде, но рыба была соленая и нам не понравилась. Если у вас есть свежая рыба, так приготовь другой суп для этого почтенного господина.

– Не хочу обманывать вас, господин начальник, – сказал слуга, – эта рыба действительно была вчерашнего улова. А свежая все еще находится в лодках. Рыбаки не осмеливаются про-давать ее, пока не придет инспектор. Поэтому у нас нет свежей рыбы.

Услышав это, Ли Куй вскочил и сказал:

– Я сам пойду и достану две живых рыбы, чтобы угостить моего уважаемого брата!

– Нет, ты не пойдешь, – возразил Дай Цзун. – Мы попросим достать рыбу слугу.

– Я сам пойду, – настаивал Ли Куй. – Рыбаки не посмеют мне отказать. – С этими словами он исчез, и Дай Цзун не успел его задержать.

– Не сердитесь на меня, уважаемый брат, что я привел этого человека и познакомил его с вами, – сказал Дай Цзун, обращаясь к Сун Цзяну. – От его бесцеремонности и грубости можно сгореть со стыда.

– Такова его натура, – промолвил Сун Цзян. – Ведь его уже не переделаешь. Но что мне очень нравится в нем, так это его прямота и честность.

Так беседуя, они продолжали сидеть в «Павильоне Лютня».

Однако вернемся к Ли Кую. Подойдя к берегу, он увидел около сотни рыбацких лодок, привязанных в ряд к ивам, которые росли у самой воды. Многие рыбаки в лодках спали, другие, сидя на носу, вязали сети, а некоторые – купались.

Была середина пятого месяца; красный диск солнца уже склонялся к западу, а инспектор все не показывался. Подойдя к одной лодке, Ли Куй окликнул:

– Эй вы, там! Уступите-ка мне парочку живых рыб!

– Да вот никак не можем дождаться инспектора, а без него мы не смеем начинать торговлю, – отвечали из лодки. – Посмотри, сколько на берегу торговцев. Все ждут.

– Какого там еще черта ждать инспектора! – заорал Ли Куй. – Две-три рыбы можете отпустить мне и без него!

– Мы еще не совершали обряда возжигания, – сказал один из рыбаков. – Как же мы можем открыть наши лодки и начать торговлю?

Ли Куй понял, что рыбаки не хотят продавать ему рыбы, и тут же прыгнул в одну из лодок. Конечно, никто не мог остановить его.

Надо сказать, что Ли Куй не знал устройства рыбацких лодок и потому решил, что следует вытащить бамбуковый заслон на корме. Рыбаки с берега увидели это и подняли крик:

– Что он делает?

– Ну, все пропало!

А Ли Куй, сунув руки под доски, прикрывавшие дно лодки, стал шарить там в поисках рыбы, но, конечно, ничего не нашел.

Дело в том, что у рыбацких лодок на больших реках на корме устроена щель, прикрытая заслоном. Через эту щель речная вода свободно проникает в ту часть лодки, где хранится улов. Бамбуковый заслон как раз и предназначается для того, чтобы прикрывать эту щель и не давать рыбе возможности уйти обратно в реку и в то же время постоянно держать ее в свежей проточной воде. Цзянчжоу славится свежей рыбой.

А Ли Куй по своему неведению прежде всего вытащил бамбуковый заслон, и вся рыба из лодки ушла в реку. Тогда он перепрыгнул на вторую лодку и там тоже ухватился за бамбуковый заслон.

Придя в себя, все рыбаки кинулись к своим лодкам и, схватив бамбуковые шесты, бросились на Ли Куя. Ли Куй рассвирепел. Он сбросил халат, под которым носил только пестрое полотенце, повязанное на бедрах, и ринулся на своих противников. Оружия у него не было. Схватив человек шесть, он стал вертеть их так, как вертят лук, когда хотят оторвать головку. Это так напугало рыбаков, что они поспешили отвязать свои лодки и отплыть на середину реки. А разъяренный Ли Куй, совершенно голый, схватил поломанный шест, прыгнул на берег и бросился избивать торговцев рыбой. Те, подхватив свои коромысла, разбежались кто куда.

В разгар этой свалки на тропинке показался какой-то человек. Узнав его, все закричали:

– Вон инспектор идет! Инспектор, этот чумазый отбирает у нас рыбу! Он разогнал все рыбацьи лодки!

– Что за чумазый? – спросил пришедший. – Как он смеет чинить здесь безобразия?

– Вон он там, на берегу, ищет с кем бы подраться, – отвечали торговцы, указывая на Ли Куя.

– Если бы ты даже съел сердце барса и печень тигра, то и тогда не должен был бы стоять на моем пути! – закричал инспектор, обращаясь к Ли Кую.

Взглянув на него, Ли Куй увидел перед собой человека лет тридцати трех, ростом выше шести чи, в белой рубашке, подпоясанной шелковым поясом. Усы и борода его спускались вниз в виде трезубца. На голове была повязка из черного шелка с торчащими вперед узелками. В собранных волосах виднелся красный нарост. На ногах его были соломенные туфли, в руках он держал весы.

Пришел он сюда для того, чтобы разрешить рыбакам продавать рыбу, но, увидев, как буйнит Ли Куй, передал весы стоявшему поблизости торговцу и подбежал к Ли Кую:

– Кого это ты, мерзавец, собираешься бить? – гневно спросил он.

Ни слова не говоря, Ли Куй повернулся и с шестом в руках ринулся на говорившего. Однако тот не растерялся и выхватил у него шест. Тогда Ли Куй схватил инспектора за волосы, а инспектор старался поймать Ли Куя за ноги, чтобы повалить его. Но разве мог он справиться с Ли Куем, который был силен как буйвол? Ли Куй отшвырнул его от себя, и инспектор больше не осмеливался схватиться с ним вплотную. Правда, он еще пытался нанести Ли Кую несколько ударов кулаком под ребра, но Ли Куй даже не почувствовал этого. Попробовал инспектор пнуть

Ли Куя ногой, но Ли Куй только опустил голову, взмахнул своим огромным, как железный молот, кулаком и с треском опустил его на спину противника. После этого инспектор уже не мог больше сопротивляться.

Ли Куй собирался добить инспектора, но вдруг почувствовал, как кто-то сзади обхватил его руками за поясицу. В тот же момент его схватили за руки, и он услышал:

– Нельзя так, нельзя!

Оглянувшись, Ли Куй увидел Сун Цзяна и Дай Цзун. Он отпустил противника, и инспектор сразу исчез.

– Ведь я же говорил тебе, чтобы ты не ходил за рыбой, – стал отчитывать провинившегося Ли Куя Дай Цзун. – А ты опять затеял драку. Ведь если бы ты убил кулаком человека, то попал бы в тюрьму и заплатил за это своей жизнью.

– Вы боитесь, что я впутаю вас в это дело? – спросил Ли Куй. – Если бы я и убил кого-нибудь, то сам бы и отвечал за это!

– Не надо препираться, – сказал Сун Цзян. – Оденься, и вернемся в ресторан.

Ли Куй взял лежавший под ивой халат и, напяливая его на плечи, отправился вслед за Сун Цзяном и Дай Цзуном. Но не прошли они и десяти шагов, как услышали позади брань:

– Куда же ты уходишь, черномазый разбойник? Я хочу по-настоящему помериться силами с тобой.

Оглянувшись, Ли Куй увидел, что это кричит его противник. Теперь на инспекторе были только короткие штаны, в каких работают в воде, тело его отливало сверкающей белизной. Он снял повязку, и на голове его открылся красный нарост. Он стоял на рыбацком челноке, подгребал к берегу и кричал:

– Тебя мало разрезать на десять тысяч кусков, черномазый разбойник! А ты решил, дурак, что я испугался тебя? Не будь я удалцом, если это так! Жалок тот, кто уходит из драки.

Услышав такие слова, Ли Куй зарычал от гнева. Сбросив свой халат, он побежал обратно к реке. А его противник подъехал к берегу и шестом остановил лодку, не переставая браниться.

– Если ты считаешь себя удалцом, так выходи на сушу, – крикнул Ли Куй.

В ответ на это ему под ноги полетел шест. Ли Куй окончательно рассвирепел и одним прыжком вскочил в лодку инспектора.

События развертывались, конечно, гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать. Противник Ли Куя только и ждал этого момента, и едва Ли Куй прыгнул в лодку, он моментально, упершись ногами в дно, изо всей силы оттолкнул лодку шестом от берега, и она как стрела вылетела на середину реки.

Надо сказать, что Ли Куй хотя и умел плавать, но чувствовал себя на воде не очень уверенно. И потому, неожиданно очутившись на середине реки, он растерялся. А инспектор перестал ругаться и, отбросив шест, сказал:

– Вот сейчас мы увидим, чья возьмет. – И, ухватив Ли Куя за плечо, он закончил: – Пока я бить тебя не стану, а прежде напою водой из этой реки.

Тут он широко расставил ноги и так раскачал лодку, что она перевернулась вверх дном, и оба удалца кувырком полетели в воду. Подбежавшие к берегу Сун Цзян и Дай Цзун видели, как перевернулась лодка, и только горестно охали.

Между тем на берегу собралась толпа человек в триста – пятьсот и, расположившись под деревьями, наблюдала за тем, что происходит на реке. То и дело слышались возгласы:

– Этот черномазый сегодня попал в беду. Если ему и удастся выйти живым, то уж воды-то он наглохотается вдосталь.

Итак, в прозрачных водах реки два человека схватились друг с другом: один – загорелый до черноты, другой – с белой, как сверкающий иней, кожей. В схватке они сплетались в один клубок. В толпе зрителей то и дело слышались возгласы одобрения.

Сун Цзян и Дай Цзун видели, как человек с белой кожей то подымал Ли Куя над водой, то снова погружал в воду и держал его под водой до тех пор, пока у Ли Куя не закатывались глаза. По всему было видно, что положение Ли Куя очень тяжелое. Тогда Сун Цзян сказал Дай Цзуну, что Ли Куя надо помочь. Обращаясь к толпе, Дай Цзун спросил:

– Кто этот человек с белой кожей?

– Это инспектор рыбной торговли, – отвечал кто-то из толпы. – Зовут его Чжан Шунь.

Услышав это, Сун Цзян быстро спросил:

– А не тот ли это Чжан Шунь, которого прозвали «Белая лента в воде»?

– Да, да, это он и есть, – отозвалось несколько голосов.

– Я должен передать ему письмо от его старшего брата Чжан Хэна, – сказал Сун Цзян, обращаясь к Дай Цзуну. – Только оно осталось в лагере.

Дай Цзун закричал:

– Уважаемый брат Чжан Шунь! Обождите немного! У нас есть письмо от вашего старшего брата Чжан Хэна. А этот темнолицый парень наш друг. Вы уж простите его и выходите на берег. Мы здесь поговорим.

Чжан Шунь, услышав, что его зовут, взглянул на берег и узнал Дай Цзуна, который был хорошо ему известен. Он тотчас же отпустил Ли Куя и поплыл к берегу. Выбравшись на сушу и почтительно приветствуя Дай Цзуна, он сказал:

– Извините меня, юаньчжан, за мое недостойное поведение.

– Я убедительно прошу вас, почтенный, ради меня помочь нашему другу выбраться из воды. А потом я вас познакомлю с одним человеком.

В ответ на эти слова Чжан Шунь снова прыгнул в воду и поплыл на середину реки, где Ли Куя барахтался, пытаясь плыть к берегу. Голова его то скрывалась, то снова показывалась над водой.

Чжан Шунь быстро подплыл к нему и, взяв за руку, направился к берегу, шагая по воде так, словно шел по суше. Вода была ему по пояс; он размахивал свободной рукой, а другой тащил Ли Куя и вместе с ним приближался к берегу. При виде этого зрелища толпа восторженно завопила.

Сун Цзян замер от изумления и долго стоял, не двигаясь с места.

Когда Чжан Шунь и Ли Куя выбрались на берег, Ли Куи глубоко вздохнул, и изо рта у него хлынула вода.

– Разрешите пригласить вас в «Павильон Лютни», там мы и потолкуем, – сказал Дай Цзун.

Чжан Шунь нашел свою одежду и оделся. Натянул свой халат и Ли Куя. Затем они вчетвером направились в «Павильон Лютни». – А вы, уважаемый брат, знаете меня? – спросил Дай Цзун, обращаясь к Чжан Шуню.

– Конечно, знаю, – отвечал тот. – К сожалению, до сих пор у меня не было случая встретиться с вами.

– А его тоже знаете? – спросил Дай Цзун, показывая на Ли Куя. – Или сегодня впервые схватились с ним?

– Да как же я мог не знать уважаемого брата Ли? – воскликнул Чжан Шунь. – Только раньше нам не приходилось с ним схватываться.

– Ну, ты здорово искупал меня! – сказал Ли Куя.

– Да и ты порядком меня поколотил, – ответил на это Чжан Шунь.

– А теперь вы должны побрататься, – сказал Дай Цзун. – Не зря пословица говорит: «Пока не подерешься, не узнаешь друг друга».

– Только на суше ты впредь все же меня не задевай! – промолвил Ли Куя.

– Хорошо, я буду поджидать тебя на воде, – сказал на это Чжан Шунь, и все четверо рассмеялись.

После этого они совершили положенную при знакомстве церемонию поклонов. Затем Дай Цзун, указывая на Сун Цзяна, спросил Чжан Шуня:

– Уважаемый брат, знаете ли вы этого почтенного человека?

– Нет, не знаю, – отвечал Чжан Шунь. – Нам не приходилось встречаться.

– Почтенный брат, ведь это же смуглолицый Сун Цзян! – воскликнул Ли Куй.

– Уж не тот ли писарь Сун из Юньчэнского уездного управления, которого прозвали «Благодатный дождь» из Шаньдуна? – спросил Чжан Шунь.

– Да, это почтенный брат Сун Гун-мин, – подтвердил Дай Цзун.

Услышав это, Чжан Шунь низко поклонился Сун Цзяну и сказал:

– Давно я слышал ваше славное имя, но никак не думал, что сегодня мне представится случай встретиться с вами! Среди вольного люда многие рассказывали мне о вашей, уважаемый брат, высокой добродетели, и о том, что вы всегда помогаете несчастным и обездоленным, защищаете справедливость и презираете богатство.

– Да что вы, стоит ли много говорить о таком маленьком человеке, как я? – запротестовал Сун Цзян. – По пути в Цзянчжоу я прожил несколько дней у Ли Цзюня в Цзюяньлине. А затем на реке Сюньянцзян познакомился с Му Хуном и повстречался с вашим братом Чжан Хэном. Он написал письмо и просил меня передать вам, только письма при мне нет, оно осталось в лагере. Мы с начальником Дай Цзуном и братом Ли Куем пошли в «Павильон Лютни», чтобы выпить вина и полюбоваться рекой. Здесь мне пришлось в голову поесть супу из свежей рыбы: такой суп освежает после вина. Брат Ли Куй вздумал пойти и достать свежую рыбу. Мы вдвоем не смогли удержать его и вскоре услышали шум на берегу. Мы попросили слугу узнать, в чем дело, и он сказал, что наш удалец с кем-то дерется. Тут мы бросились на берег, чтобы прекратить драку, и я никак не думал, что мне удастся познакомиться с таким героем, как вы. Сегодня у меня счастливый день – я нахожусь среди трех доблестных удалцов. Поэтому разрешите пригласить вас выпить со мной вина. – И подозвав слугу, он приказал снова накрыть стол, принести вина и закусок.

– Если вы, почтенный брат, любите свежую рыбу, так разрешите мне пойти и принести несколько штук, – сказал тут Чжан Шунь.

– Вот и прекрасно! – воскликнул довольный Сун Цзян.

– Я тоже пойду, – предложил Ли Куй.

– Опять за свое! – сказал Дай Цзун. – Мало воды наглотался, что ли?

Но Чжан Шунь рассмеялся и, взяв Ли Куя за руку, сказал:

– Ничего, сейчас я пойду вместе с тобой, посмотрим, как нас встретят.

Они спустились вниз и пошли к реке. Чжан Шунь тихонько свистнул, и все лодки на реке сразу же подплыли к берегу.

– У кого есть золотой карп?

– Сюда, ко мне идите!

– У меня тоже есть! – разом отвечали из нескольких лодок, и быстро набрали десяток золотых карпов.

Чжан Шунь выбрал четыре самых крупных рыбы, потом отломил ветку ивы и нанизал этих карпов на нее. Отдав их Ли Кую, он сказал, чтобы тот возвращался в «Павильон Лютни» и заказал там суп. Сам же Чжан Шунь остался, чтобы распределить рыбу по сортам и открыть торговлю; у весов стояли его подчиненные и взвешивали рыбу. Затем Чжан Шунь тоже вернулся в «Павильон Лютни», чтобы провести время в обществе Сун Цзяна.

Сун Цзян поблагодарил Чжан Шуня за рыбу и сказал:

– Зачем вы принесли так много? Вполне достаточно было бы и одной.

– Не стоит и говорить о таких пустяках, – возразил тот.

– Не сможете съесть сейчас, возьмете с собой и съедите после.

Ли Куй и Чжан Шунь заняли места за столом по старшинству. Ли Куй сказал, что он старше, и занял третье место, а Чжан Шунь сел на четвертое.

Слуге приказали принести кувшин лучшего вина «Весна в яшмовом кувшине», а также морских деликатесов, фруктов и прочих закусок. Чжан Шунь сказал слуге, чтобы из одной рыбы сварили суп, сдобренный перцем, а другую, нарезав мелко, приготовили на винном пару.

И вот когда они вчетвером сидели и выпивали, поверяя друг другу свои самые сокровенные мысли, в комнату вдруг вошла девушка лет шестнадцати, в легком летнем одеянии и, почтительно отвесив им четыре глубоких поклона, запела песню.

Этим она прервала рассказ Ли Куя о его бесчисленных героических делах. Остальные трое стали слушать ее.

Ли Куй вспыхнул и, вскочив на ноги, двумя пальцами толкнул девушку в лоб. Девушка вскрикнула и упала на пол. Все бросились к ней и увидели, что ее розовые, как персик, щеки приняли землистый оттенок, а маленький рот умолк. Тут слуги «Павильона Лютни» выступили вперед и преградили дорогу четверем приятелям, чтобы задержать их и заявить о них властям.

Поистине:

Девушку прелестную обидеть,
Девушку изящную ударить —
Это все равно, что лютню сжечь,
Чтобы цаплю на обед зажарить.

О том, как Сун Цзян и его друзья избежали неприятностей в «Павильоне Лютни», рассказывает следующая глава.

Глава тридцать девятая
Сун Цзян пишет мятежные стихи в
ресторане Сюньянлоу. Дай Цзун приносит
поддельное письмо из Ляншаньбо

Итак, Ли Куй толкнул двумя пальцами девушку, и та упала замертво. Приятелей задержали, и хозяин, обращаясь к ним, спросил:

– Как же теперь быть, почтенные господа?

Видно было, что он совсем растерялся. Затем он приказал слугам оказать девушке помощь. Лицо ее смочили водой, и вскоре она пришла в себя. Ей помогли подняться. Тут все заметили, что у нее на лбу сорван кусочек кожи – это и было причиной обморока.

Все очень обрадовались, когда девушка очнулась. Но ее родители, услышав, что дочь толкнул «Черный вихрь», до того испугались, что долго не могли двинуться с места и уж, конечно, не осмеливались сказать обидчику ни единого слова. Понемногу девушка оправилась и заговорила. Мать привела в порядок ее прическу и украшения, потом взяла платок и повязала голову дочери.

– Как вас зовут и откуда вы пришли? – спросил их Сун Цзян.

– Мы скажем вам всю правду, уважаемый господин, – отвечала на это старуха. – Наша фамилия Сун, и когда-то мы жили в столице. Эта девушка – наша единственная дочь, зовут ее Юй-лянь. Отец обучил ее нескольким песенкам и кое-как устроил сюда, в «Павильон Лютни», чтобы она пением зарабатывала на жизнь. Да вот беда, она у нас слишком опрометчива и иногда делает глупости. Вот и сейчас не посмотрела на то, что вы тут беседуете, вошла и сразу же запела. Сама виновата. Уважаемый господин по неосторожности поранил ее немножко, но не стоит, конечно, обращаться к властям и впутывать вас в это дело, уважаемые господа.

Видя, что женщина рассуждает довольно разумно, Сун Цзян сказал ей:

– Не могли бы вы послать со мной кого-нибудь в лагерь? Я дам вам двадцать лян серебра, чтобы ваша дочь могла хорошо отдохнуть. А потом вы выдадите ее замуж за доброго человека, и ей больше не придется петь песенки в таких местах.

Почтительно кланяясь Сун Цзяну, родители девушки твердили:

– Как можем мы рассчитывать на такую милость?

– Это мое решение, – сказал Сун Цзян. – Слов на ветер не бросаю. Пусть ваш муж идет со мной, и я дам ему деньги.

Родители девушки продолжали кланяться Сун Цзяну:

– Примите нашу глубокую благодарность за вашу милость.

– Ну, что ты за негодяй такой! – ругал в это время Дай Цзун Ли Куя. – С кем ни встретишься, сразу же затеваешь ссору и заставляешь нашего почтенного брата расплачиваться за твои выходки. Слишком дорого ему это обходится!

– Но ведь я только прикоснулся к ней, а она возьми да повались, – оправдывался Ли Куй. – Никогда еще не встречал такой неженки, как эта чертова девка! Меня вот хоть сто раз бей, все равно ничего мне не сделается.

При этих словах все рассмеялись.

– Скажи хозяину, что деньги за вино и угощение заплачу я, – сказал Чжан Шунь слуге.

– Ничего, ничего, не беспокойтесь, идите, – отвечал слуга. Услышав это, Сун Цзян, обращаясь к Чжан Шуню, решительно запротестовал:

– Да разве можно, дорогой друг! Я пригласил друзей выпить вина, а вы будете за это платить?

– Я почитаю это за счастье. Уж очень долго я ждал встречи с вами, – сказал Чжан Шунь. – Когда вы жили в Шаньдуне, я со своим старшим братом все собирался навестить вас. А сегодня само небо послало мне счастливый случай. Разрешите оказать вам хотя бы этот скромный знак внимания и не придавайте этому особенного значения.

– Господин Сун Цзян, – сказал Дай Цзун, – ведь наш брат Чжан Шунь хочет выразить вам свое чувство уважения, и вы не должны возражать.

– Хорошо, дорогой друг, – отвечал Сун Цзян. – Но если вы заплатите сейчас, то разрешите мне пригласить вас как-нибудь еще раз.

Чжан Шунь остался очень доволен и, захватив с собой две рыбы, вышел из «Павильона Лютни» вместе с Дай Цзуном, Ли Куем и стариком Суном. Все они отправились провожать Сун Цзяна в лагерь. Сун Цзян привел их к себе в канцелярию и усадил там. Затем Сун Цзян принес два слитка серебра по десять лян каждый и отдал старику Суну. Тот горячо поблагодарил его и ушел, и говорить об этом мы больше не будем.

Время было позднее, Чжан Шунь отдал принесенную им рыбу Сун Цзяну, а Сун Цзян передал ему письмо от Чжан Хэна. После того как Чжан Шунь распростился и ушел, Сун Цзян вытащил слиток серебра весом в пятьдесят лян и, передав его Ли Кую, сказал:

– Возьмите его, дорогой друг, на расходы.

Они распрощались, и Дай Цзун с Ли Куем поспешили в город. Что касается Сун Цзяна, то одну из полученных рыб он подарил тюремной страже, а вторую оставил для себя. Сун Цзян

был большим любителем свежей рыбы и немного пожадничал. А под утро, во время четвертой стражи, он вдруг почувствовал сильную резь в желудке. К рассвету его прослабило больше двадцати раз; он до того ослаб, что у него закружилась голова, и, повалившись на пол, он так и заснул.

Сун Цзян был очень хорошим человеком, и тюремная стража усердно заботилась о нем, готовила ему кашу и кипятила воду. Между тем Чжан Шунь, памятуя, что Сун Цзян любил рыбу, достал еще два больших золотых карпа и принес ему в благодарность за то, что тот доставил письмо брата. Но войдя в помещение, он увидел, что Сун Цзян болен и лежит в кровати, а вокруг него хлопочут другие заключенные. Чжан Шунь решил сейчас же пойти за врачом, но Сун Цзян стал возражать:

– Я просто испортил себе желудок тем, что пожадничал и съел слишком много свежей рыбы. Будьте добры, купите мне закрепляющей настойки из шести трав, и все будет в порядке. – Затем он попросил отдать одну рыбу начальнику лагеря Вану, а вторую – надзирателю Чжао. Чжан Шунь исполнил его просьбу и пошел за настойкой. Принеся настойку, он вернулся домой, и о нем мы пока говорить не будем.

Заключенные дали Сун Цзяну выпить лекарство и продолжали ухаживать за ним. На следующий день к нему в гости пришел Дай Цзун и принес вина и мяса. Вместе с ним явился и Ли Куй. Войдя в канцелярию, они узнали, что Сун Цзян перенес тяжелую болезнь и еще не может ни есть, ни пить. Тогда они сами закус или и, пробыв у него до самого вечера, распрощались и пошли домой. Но об этом тоже говорить нечего.

Пролежав несколько дней, Сун Цзян почувствовал себя здоровым и окрепшим. Тут ему в голову пришла мысль отправиться в город и разыскать Дай Цзуна. Он подождал еще день, никто его не навестил, и на следующее утро, после завтрака, захватив с собой немного денег и закрыв комнату, Сун Цзян беспечно зашагал по городу. Не доходя до областного управления, он спросил у прохожих, где проживает начальник тюрем Дай Цзун.

– У него нет никакой семьи, – отвечали ему, – и живет он в кумирне Гуаньинь⁴, рядом с кумирней Чэнхуанмяо⁵.

Услышав это, Сун Цзян направился в кумирню Гуаньинь, но дверь ее оказалась закрытой – Дай Цзун куда-то ушел. Тогда он стал разыскивать Ли Куя. На все его расспросы ему отвечали: «У этого парня нет ни кола, ни двора. Есть у него какое-то жилище при тюрьме, но где его самого искать – сказать трудно. Он обретается то тут, то там, а как его найти, никто не знает».

После этого Сун Цзян решил найти Чжан Шуня. Но ему сказали, что инспектор рыбной торговли живет в деревне за городом и появляется на берегу реки только в те дни, когда торговцы скупают улов у рыбаков. В городе же он бывает лишь тогда, когда ему нужно собирать долги.

Выслушав все это, Сун Цзян решил прогуляться по предместьям города. Он чувствовал себя очень одиноким, и ему было грустно. Бездумно шагая, он вскоре вышел на берег реки, и перед ним открылись такие красивые места, что он смотрел и не мог насмотреться.

Так он шел, пока не остановился у харчевни. Подняв голову, он увидел высокий шест, на котором висела надпись: «Сокровищница реки Сюньян». Кроме того, под карнизом дома была еще одна вывеска, на которой в стиле Су Дун-по⁶ были выгравированы «Сюньянлоу» – «Терем Сюньян». Тут Сун Цзян вспомнил, что еще в Юньчэне ему приходилось слышать о прекрасной харчевне «Сюньянлоу» в Цзянчжоу. «Вот это она и есть, – подумал Сун Цзян. – Пусть я один, но мне следует зайти и посидеть в этой харчевне. Подымусь-ка я наверх и немного отдохну».

⁴ Гуаньинь—богиня милосердия.

⁵ Чэнхуанмяо—бог, покровитель города.

⁶ Су Дун-по—псевдоним знаменитого поэта Сунской эпохи Су Ши (1036—1101).

По обе стороны входа стояли столбы, выкрашенные в красный цвет. На каждом столбе было прибито по белой дощечке с надписью из пяти иероглифов. Одна надпись гласила: «Здесь лучшее в Поднебесной вино», а другая – «Наша харчевня – лучшее место в Поднебесной».

Поднявшись наверх и подойдя к столику, откуда была видна река, Сун Цзян облокотился на перила и не мог оторвать глаз от раскрывшейся перед ним картины. Он выражал свое восхищение громкими возгласами. Тут к нему подошел слуга и спросил:

– Разрешите узнать, уважаемый господин, ожидаете ли вы кого-нибудь, или же думаете посидеть у нас в одиночестве?

– Я поджидаю двух друзей, – ответил на это Сун Цзян, – но они еще не пришли. Ты пока принеси мне кувшин хорошего вина. Ну и к нему каких-нибудь закусок, мяса, фруктов. Не подавай только рыбы.

Слуга спустился вниз и через некоторое время принес поднос с закусками и кувшин прекрасного вина сорта «Ланьцяо фыньюэ». Поставив кувшин и поднос на стол, он налил вина, а затем расставил закуски: жирную баранину, молодых цыплят, гуся, приготовленного в вине, и лучшую говядину. Все это было разложено на ярко-красных тарелочках.

Сун Цзян остался очень доволен и с одобрением думал: «Какие изысканные яства и какая замечательная посуда! Нет, Цзянчжоу действительно хороший город! Правда, я попал сюда в ссылку, но все же повидал много прекраснейших мест. В наших краях тоже есть и горы, и старинные памятники, но разве можно их сравнить с такой красотой, как здесь!»

Так, сидя в одиночестве, облокотившись на перила, Сун Цзян наслаждался вином, выпивая чашку за чашкой, и не заметил, как быстро захмелел. В голове у него стали бродить разные мысли, и он подумал: «Родился я в Шаньдуне, вырос в Юньчэне. Сам я человек с образованием, у меня много друзей среди вольных удальцов, и я как будто завоевал себе некоторую известность. Но мне уже за тридцать лет, а у меня нет ни славы, ни богатства! Напротив, на моей щеке клеймо, я ссыльный, и даже не знаю, увижу ли когда-нибудь отца и брата!»

Прохладный ветерок и красивые пейзажи навяли на Сун Цзяна грусть, и у него из глаз полились слезы, и вдруг у него сами собой неожиданно сложились стихи на народный мотив «Луна над Западной рекой». Подозвав слугу, он попросил принести кисточку и тушницу, а сам тем временем встал и, осмотревшись вокруг, увидел, что на белой стене еще до него кто-то писал стихи и эпиграммы. «Почему бы и мне не написать здесь? Может быть, мне когда-нибудь удастся прославить свое имя. Я буду прое жжать эти места и прочту свои стихи – они напомнят мне о трудных временах».

Итак, находясь под воздействием винных паров, Сун Цзян растер тушь, взял кисточку и, обмакнув ее, подошел к стене и написал:

С юных лет изучал я премудрые книги,
Изучал я события прежних веков,
А когда возмужал, стал о будущем думать
И душой был к великим деяньям готов.

Был в те годы похож я на грозного тигра,
Что лежит на холме, озирая пески,
Лютый гнев затаив, поджидал я добычу,
Подобрав свои когти и спрятав клыки.

А теперь на меня навалилось несчастье,
Словно вор, опозорен я и заклеюмен,
Нелегко оставаться мне ссыльным в Цзянчжоу,
Но дожидаться надеюсь я лучших времен.

О, тогда за себя отомстить я сумею,
Дайте только избавиться мне от оков,
И Сюньян голубую до самого устья
Обагрю я горячею кровью врагов!

Прочитав написанное, Сун Цзян пришел в восторг и засмеялся весьма довольный собой. Он выпил еще несколько чашек вина и совсем развеселился. Размахивая руками и притопывая ногами, он взял кисть и приписал еще четыре строчки, которые гласили:

Я душою в Шаньдуне, а телом – в Цзянчжоу,
По морям и по рекам ношусь я с тоской.
Если ж цели своей я достигнуть сумею,
Не сравнится и сам Хуан Чао со мной!

В конце стихотворения Сун Цзян поставил пять больших иероглифов: «Написал Сун Цзян из Юньчэна». Затем он бросил кисть на стол, запел и выпил еще несколько чашек вина. Незаметно он напился допьяна и уже не мог владеть собой. Подозвав слугу, он попросил подать счет и расплатился, оставив сдачу на чай. После этого, размахивая рукавами, он спустился с лестницы и, пошатываясь, побрел обратно к лагерю.

Придя к себе, он повалился на кровать и проспал до пятой стражи. Наутро он совершенно забыл о том, что накануне писал стихи на стене харчевни «Сюньянлоу». Страдая от похмелья, он лежал в своей комнате один, но об этом мы не будем рассказывать.

Теперь речь пойдет о том, что на другом берегу реки Сюнь-янцзян находился городок Увэйцзюнь. Это было довольно заброшенное место. Там проживал бывший тунпань – помощник начальника области, по имени Хуан Вэнь-бин, который временно находился не у дел. И хотя человек он был довольно образованный, но по натуре своей – льстивый и завистливый, с очень ограниченными интересами. Он завидовал тем, кто был достойнее и способнее его, и всегда старался причинить им вред. Над теми же, кто был ниже его, он злобно издевался. Излюбленным его занятием было отравлять людям жизнь.

Разузнав, что теперешний правитель области Цай Цзю является девятым сыном советника императора, Хуан Вэнь-бин всеми силами старался добиться его расположения и частенько переправлялся через реку, чтобы навестить его и преподнести ему какие-нибудь подарки. Все это делалось в расчете на то, что тот замолвит за него словечко перед советником императора, и тогда ему, Хуан Вэнь-бину, дадут какую-нибудь должность.

И надо же было Сун Цзяну столкнуться с этим человеком и претерпеть из-за него новые бедствия! В тот день Хуан Вэнь-бину наскучило сидеть дома. Не зная, как развлечься, он вышел в сопровождении двух слуг, купил подарки и в небольшой быстроходной лодке переправился через реку на другой берег, а там пошел в областное управление навестить начальника Цай Цзю. Но ему не повезло – начальник принимал гостей, и Хуан Вэнь-бин не решился войти. Он возвратился к реке. Оказалось, что слуги привязали его лодку у самой харчевни «Сюньянлоу». А так как погода была жаркая, то Хуан Вэнь-бин решил зайти туда и немного отдохнуть. Войдя в помещение, он огляделся и поднялся вверх. Здесь он подошел к перилам и, облокотившись на них, стал любоваться окрестностями. Затем он заметил стихи, написанные на стене, и, чтобы скоротать время, стал их читать. Некоторые стихотворения были хороши, другие – несуразны. Читая, Хуан Вэнь-бин иронически улыбался. Но вот ему на глаза попались четверостишия Сун Цзяна на стене о «Луне над Западной рекой». Хуан Вэнь-бин пришел в смятение и воскликнул:

– Да ведь это мятежные стихи! Кто мог написать их?

Взглянув на подпись, он узнал, что эти четверостишия «написал Сун Цзян из Юньчэна». Тогда Хуан Вэнь-бин решил еще раз внимательно перечитать их.

С юных лет изучал я премудрые книги,
Изучал я события прежних веков,
А когда возмужал, стал о будущем думать
И душой был к великим деяньям готов.

Хуан Вэнь-бин усмехнулся и подумал: «Однако этот человек высокого о себе мнения». И продолжал читать:

Был в те годы похож я на грозного тигра,
Что лежит на холме, озирая пески,
Лютый гнев затаив, поджидал я добычу,
Подобрав свои когти и спрятав клыки.

Хуан Вэнь-бин, склонив набок голову, размышлял: «Видно, этот парень не доволен своей судьбой». Дальше в стихах говорилось:

А теперь на меня навалилось несчастье,
Словно вор, опозорен я и заклемен,
Нелегко оставаться мне ссыльным в Цзянчжоу,
Но дожждаться надеюсь я лучших времен.

Снова улыбнувшись, Хуан Вэнь-бин сказал себе: «Да к тому же он и не благороден – просто какой-то ссыльный военный».

О, тогда за себя отомстить я сумею,
Дайте только избавиться мне от оков,
И Сюньян голубую до самого устья
Обагрю я горячею кровью врагов! —

прочитал Хуан Вэнь-бин и, покачав головой, подумал: «Кому же это ты, негодяй, собираешься мстить? Задумал учинить здесь беспорядки? Но что ты можешь сделать, раз ты всего-навсего ссыльный?»

Я душою в Шаньдуне, а телом – в Цзянчжоу,
По морям и по рекам ношусь я с тоской.

«Ну, эти две строчки тебе еще можно простить», – пробормотал Хуан Вэнь-бин и продолжал читать:

Если ж цели своей я достигнуть сумею,
Не сравнится и сам Хуан Чао со мной!

Тут Хуан Вэнь-бин даже язык высунул от изумления и, качая головой, сказал себе: – Этот мерзавец – настоящий бандит. Он хочет превзойти в жестокости самого Хуан Чао! Да это же самый настоящий мятеж!

Прочитав еще раз подпись: «Написал Сун Цзян из Юньчэна», Хуан Вэнь-бин подумал: «Я часто слышал это имя; наверное, какой-нибудь мелкий чиновник». И, подзвав слугу, он спросил:

– Кто написал эти стихи?

– Вчера вечером приходил какой-то человек, – отвечал слуга. – Он сидел один, выпил кувшин вина, а потом написал стихи.

– Каков он из себя? – продолжал расспрашивать Хуан Вэнь-бин.

– На щеке у него клеймо, – сказал слуга. – Наверное, ссыльный из лагеря. Он низкого роста, смуглолицый и полный. – Так, так, – произнес Хуан Вэнь-бин и попросил слугу принести кисточку, тушь и бумагу. Он списал стихи Сун Цзяна и, спрятав их, приказал слуге, чтобы написанное на стене не стирали. Затем он спустился вниз и пошел к своей лодке, где и провел эту ночь.

На следующий день после завтрака Хуан Вэнь-бин отправился к начальнику области в сопровождении слуги, несшего корзинку с подарками. Начальник только что закончил утренний прием в управлении и возвратился домой. Хуан Вэнь-бин попросил слугу, который впустил его, доложить о нем начальнику. Прошло довольно много времени, прежде чем слуга пригласил Хуан Вэнь-бина пройти во внутренние комнаты. Здесь его встретил сам Цай Цзю, и после обычных приветствий Хуан Вэнь-бин преподнес начальнику области свои дары. Затем они уселись на местах, предназначенных для хозяина и гостя, и Хуан Вэнь-бин сказал:

– Я приходил к вам, господин начальник, еще вчера. Но в вашем доме было много гостей, и я не решился беспокоить вас. А сегодня опять пришел засвидетельствовать вам свое почтение. – Помилуйте, мы же с вами близкие друзья, – укоризненно промолвил Цай Цзю. – Вам ничто не мешало пройти прямо к нам. Конечно, моя вина в том, что я не встретил вас.

В это время слуги подали чай. За чаем Хуан Вэнь-бин обратился к хозяину дома:

– Разрешите спросить, ваша милость, не получали ли вы за последнее время известий от вашего уважаемого батюшки – советника императора?

– Только позавчера получил от него письмо, – последовал ответ.

– Разрешите полюбопытствовать, что нового в столице?

– Мой батюшка написал о том, что историк-астроном доложил императору о результатах наблюдения за небесными явлениями. Установлено, что свет созвездия Большой Медведицы падает на южные владения княжеств У и Чу. Это – знамение, что там могут появиться лихие люди. В этих местах необходимо установить строжайшее наблюдение и уничтожать мятежников. Вдобавок, ребятишки на улицах распевают какие-то подозрительные песенки.

Знайте: дом и дерево —
Для всей страны беда.
А глава разбойников —
Работа и вода.
Тридцать шесть неистовых
Могучих храбрецов
Города шаньдунские
Зажгут со всех концов!

В связи с этим мой отец приказывает мне быть особенно осторожным в моей области.

Выслушав это, Хуан Вэнь-бин долго сидел задумавшись, а затем с улыбкой сказал:

– Ваша милость, это дело не простая случайность. – С этими словами он вынул из рукава стихи, которые списал со стены в харчевне «Сюньянлоу». Передавая листок начальнику Цай Цзю, он добавил:

– Я не думал, что этот человек находится здесь.

– Да ведь это же мятежные стихи! – воскликнул Цай Цю. – Где вы их раздобыли, господин тунпань?

– Вчера вечером, – отвечал Хуан Вэнь-бин, – не осмелившись войти в ваш дом, я возвратился на берег реки и, не зная, как убить время, зашел в харчевню «Сюньянлоу». Там я стал читать стихи, написанные на стене праздными гуляками, и среди них нашел вот эти.

– Но кто же мог их написать? – удивленно спросил начальник области.

– Тут точно указано имя этого человека, – сказал Хуан Вэнь-бин. – Под стихами стоит подпись: «Написал Сун Цзян из Юньчэна».

– А кто он, этот Сун Цзян? – спросил начальник.

– Он сам об этом ясно пишет, – сказал Хуан Вэнь-бин, – Прочтите слова:

А теперь на меня навалилось несчастье,
Словно вор, опозорен я и заклеюмен,
Нелегко оставаться мне ссыльным в Цзянчжоу,
Но дождаться надеюсь я лучших времен.

Нет никаких сомнений, что это какой-то ссыльный, один из заключенных в военном лагере.

– Но что может сделать какой-то ссыльный преступник? – удивился начальник Цай Цю.

– Нет, ваша милость, – возразил Хуан Вэнь-бин, – этой угрозой пренебрегать нельзя. Ведь подозрительные песенки, которые мальчишки распевают на улицах, и сообщение вашего почтенного батюшки имеют прямое отношение к этому человеку.

– Откуда это видно? – с недоумением спросил начальник области.

– Подумайте сами, – отвечал Хуан Вэнь-бин. – В уличной песенке говорится о доме и дереве. Это означает, что человек, который собирается разорить страну, носит фамилию Сун, иероглиф которой состоит из двух знаков: ключевого знака «дом» и знака «дерево». Теперь дальше, вторая строчка связывает главаря разбойников с водой и работой. Это говорит о том, что имя человека, который подымет народ на мятеж, включает знаки «вода» и «работа», которые составляют иероглиф «Цзян». Имя автора этих мятежных стихов как раз и состоит из иероглифов Сун и Цзян. Само небо предопределило, чтобы это дело попало к вам в руки. Вы спасете страну!

– А что же тогда значат слова: «Тридцать шесть неистовых, могучих храбрецов города шаньдунские зажгут со всех концов»? – спросил начальник области.

– Число может означать либо годы, либо количество участников, – отвечал Хуан Вэнь-бин. – А что касается слов: «города шаньдунские зажгут со всех концов», так ведь уезд Юньчэн и находится в Шаньдуне. Здесь уже полное совпадение.

– А точно ли, что этот человек находится здесь? – спросил начальник области.

– Слуга в харчевне «Сюньянлоу» сказал мне, что какой-то человек написал эти стихи позавчера, – произнес Хуан Вэнь-бин. – Да ведь не так уж трудно установить, кто он такой. Стоит вам только просмотреть списки заключенных, и вы сразу узнаете – есть здесь такой человек или нет.

– Вы очень умны и дальновидны, господин тунпань, – похвалил его Цай Цю и тут же приказал принести из канцелярии списки заключенных.

Вскоре посланный вернулся со списками, и начальник области принялся просматривать их. Действительно, в конце списка он нашел запись о том, что в пятом месяце в лагерь прибыл новый ссыльный Сун Цзян из уезда Юньчэн. Увидев эту запись, Хуан Вэнь-бин сказал:

– Вот он, тот самый человек, о котором распространяются слухи. Это дело не шуточное. Медлить нельзя! А то об этом могут проведать те, кому не следует. Необходимо срочно арестовать его и посадить в городскую тюрьму. А там уже можно будет подумать, что делать дальше.

– Вы совершенно правы, – согласился начальник области. Он тотчас пошел в управление, приказал вызвать главного начальника тюрем Дай Цзуна и, когда тот, кланяясь, явился, немедленно отдал приказание:

– Сейчас же отправляйтесь в лагерь для ссыльных и возьмите под стражу преступника Сун Цзяна из уезда Юньчэн, написавшего мятежные стихи в харчевне «Сюньянлоу». Выполняйте без задержки.

Выслушав это распоряжение, Дай Цзун пришел в ужас. Но делать было нечего. Он вернулся в тюрьму, отобрал несколько надзирателей и дал им такое наставление:

– Идите сейчас же к себе домой и захватите свое оружие, а потом собирайтесь в кумирне Чэнхуанмяо, что рядом с моим домом.

Когда надзиратели отправились по домам, Дай Цзун, прибегнув к волшебству, в один миг очутился в лагере. Здесь он сразу же прошел в канцелярию к Сун Цзяну, а тот, поспешно поднявшись навстречу и приветствуя его, сказал:

– Позавчера я был в городе и повсюду искал вас, уважаемый друг, но так и не смог найти. Мне было тоскливо одному, я отправился в харчевню «Сюньянлоу» и выпил там целый кувшин вина. И вот уже второй день, как у меня шумит в голове, никак не могу прийти в себя после этой выпивки.

– Дорогой брат, – сказал Дай Цзун, – что вы написали там на стене?

– Да кто же помнит, что ему приходит в голову во хмелю? – удивился Сун Цзян.

– Так вот, – сказал Дай Цзун, – меня только что вызывал к себе начальник области и приказал доставить к нему в управление преступника Сун Цзяна из Юньчэна, написавшего мятежные стихи в «Сюньянлоу». Когда я услышал об этом, мне стало страшно за вас. Я должен явиться сюда со стражниками, но пока сказал им, чтобы они собрались около кумирни Чэнхуанмяо, а сам пришел к вам, чтобы предупредить об опасности, дорогой брат. Что же теперь делать? Чем можно помочь вам?

Сун Цзян почесал затылок и тяжело вздохнул.

– Ну, теперь я погиб!

– Я хотел бы, дорогой брат, посоветовать вам, как спастись, – сказал Дай Цзун. – Не знаю только, как вы на это посмотрите. Сейчас мне нельзя здесь задерживаться. Я должен прийти сюда с людьми, чтобы взять вас под стражу. Вам же я советую растрепать волосы, помочиться прямо на пол, лечь в эту лужу и притвориться сумасшедшим. А когда я приду сюда со стражниками, несите несусветную чушь и прикидывайтесь круглым идиотом. Тогда я вернусь к начальнику области и доложу ему об этом.

– Я очень признателен вам, дорогой друг, за этот совет, – сказал растроганный Сун Цзян. – Разрешите надеяться, что вы не оставите меня своей помощью и в дальнейшем.

Дай Цзун простился с Сун Цзяном и сразу же оказался в городе возле кумирни Чэнхуанмяо, где его ожидали стражники. Отсюда он поспешил с ними обратно в лагерь. У ворот Дай Цзун нарочито громко закричал:

– Кто здесь недавно прибывший преступник Сун Цзян?

Дежурный надзиратель провел всех их в канцелярию. Тут они увидели Сун Цзяна, который с растрепанными волосами сидел прямо на полу в луже собственной мочи. Дай Цзуна со стражниками он встретил такими словами:

– Это еще что за чертовы люди?

– Схватить этого мерзавца! – заорал Дай Цзун.

Сун Цзян, вытаращив глаза, полез в драку и в то же время выкрикивал все, что ему приходило в голову.

– Я зять императора – Сын Неба! – кричал он. – Мой тесть послал меня сюда во главе сотысячного войска, чтобы я истребил всех вас в Цзянчжоу! Впереди нас идет сам владыка преисподней – великий князь Янь-ло, а за нами следует князь зла полководец У-дао! Сын Неба

передал мне золотую печать, которая весит более восьмисот цзиней! Эта печать дает мне право перебить всех вас чертей!

– Да он сумасшедший, – в один голос сказали стражники. – Куда мы потащим такого?

– Правильно говорите, – согласился с ними Дай Цзун. – Надо раньше доложить начальнику, ну а если он потребует, тогда мы придем опять и заберем этого сумасшедшего.

И все они отправились в областное управление, где их ожидал начальник Цай Цю. Дай Цзун доложил ему:

– Сун Цзян умалишенный! Он ходит под себя и не обращает на это никакого внимания. Он весь вымазлся в нечистотах, так что и смотреть тошно, и несет всякий вздор. Поэтому мы и не решились вести его сюда.

В тот момент, когда Цай Цю хотел расспросить Дай Цзуна подробнее, поспешно вошел Хуан Вэнь-бин, до того сидевший за ширмами, и, обращаясь к начальнику области, сказал:

– Не верьте этим словам! Стихи Сун Цзяна и манера его письма свидетельствуют о том, что он совсем не сумасшедший. Тут какая-то хитрость. И чтобы там ни было, прежде всего его надо доставить сюда. Если он сам не может идти, его надо принести!

– Вы совершенно правы, господин тунпань, – сказал начальник области и, обращаясь к Дай Цзуну, приказал: – Что бы с ним ни было, доставьте его сюда!

С болью в сердце Дай Цзун снова отправился со стражниками в лагерь. Там он сказал Сун Цзяну:

– Дорогой брат, нас постигла неудача. Вам придется пойти с нами.

Посадив Сун Цзяна в бамбуковую клетку, они понесли его в город. Придя в областное управление, они поставили клетку перед начальником.

– Подведите этого мерзавца сюда! – приказал тот.

Стражники исполнили приказание и сказали Сун Цзяну, чтобы он встал перед начальником на колени. Но где там! Сун Цзян и не подумал повиноваться. Свирепо тараща глаза, он закричал, показывая пальцем на Цай Цю:

– Это еще что за мерзкая тварь? Да как он смеет задавать мне вопросы? Я зять самого Нефритового императора! Тесть послал меня во главе стотысячного войска перебить всех в Цзянчжоу! Впереди идет сам властелин преисподней, а за мной следует князь зла У-дао. У меня золотая печать весом в восемьсот с лишним цзиней! Если хочешь избежать смерти, так прячься скорее, а то я сейчас всех вас прикончу!

Начальник области смотрел на Сун Цзяна и не знал, что делать. Тогда Хуан Вэнь-бин, обращаясь к нему, сказал:

– Вызовите из лагеря надзирателей и стражников и спросите, был ли этот человек сумасшедшим уже тогда, когда прибыл в лагерь, или же он сошел с ума на этих днях. Если он был ненормальным, когда его доставили в лагерь, тогда можно поверить, что это действительно так. Если же его сумасшествие началось недавно, то это уловка.

– Вы совершенно правы, – обрадовался начальник области и тотчас же послал в лагерь.

Надзирателей и стражников долго допрашивали, и они, не осмелившись лгать, показали все, как было.

– Когда этот человек пришел в лагерь, он был здоров и сошел с ума только сегодня, – говорили они.

Услышав это, начальник области сильно разгневался и, подозвав тюремных стражников, приказал им связать Сун Цзяна и дать ему пятьдесят ударов палками. Сун Цзян был избит до полусмерти, кожа его во многих местах была содрана, и кровь текла ручьями. Дай Цзун тяжело переживал это зрелище, но ничего не мог сделать, чтобы помочь своему другу.

Вначале Сун Цзян продолжал еще нести какую-то несурязицу, но затем боль, причиняемая ударами палок, стала невыносимой, и он признался:

– Я виновен в том, что в состоянии опьянения необдуманно написал мятежные строки. Никаких других намерений у меня не было.

Начальник области приказал тщательно записать показание Сун Цзяна, надеть на него кангу весом в двадцать пять цзиней, какую обычно надевают на приговоренных к смерти, и бросить его в тюрьму. Сун Цзян был до того избит, что не мог передвигать ногами. Его заковали и препроводили в тюрьму, где поместили в камеру смертников.

Дай Цзун старался помочь своему другу всем, чем только мог, и приказал тюремным стражникам бережно относиться к Сун Цзяну. Он сам готовил и приносил ему пищу, однако все это к нашему рассказу уже не относится.

Далее речь пойдет о том, как начальник области пригласил Хуан Вэнь-бина к себе домой и, пройдя с ним во внутренние покои, еще раз выразил ему свою благодарность.

– Если бы не ваш высокий ум и проницательность, господин тунпань, – сказал он, – то этот мерзавец обманул бы меня.

– Ваша милость, вы не должны медлить с этим делом, – настаивал Хуан Вэнь-бин. – Напишите письмо и сейчас же отправьте его в столицу вашему уважаемому отцу. Это серьезное государственное дело. И кстати, спросите, не доставить ли этого преступника живым в столицу. В этом случае они должны будут прислать за ним тюремную повозку. Если же из опасения, что преступник может сбежать по дороге, его не затребуют, вы казните его здесь и этим предотвратите большие бедствия в будущем. Несомненно, сам император обрадуется, когда узнает об этом.

– Все, что вы говорите, господин тунпань, очень разумно, – сказал на это начальник Цай. – Я немедленно отправлю к батюшке гонца с письмом и кстати пошлю кой-какие подарки. Я напишу также о ваших, господин тунпань, заслугах и попрошу отца, чтобы он лично доложил о вас императору. Тогда вы в самом недалеком будущем получите высокое и почетное назначение и сможете наслаждаться славой и почестями.

– Моя судьба в ваших руках, ваша милость, – сказал, низко кланяясь, Хуан Вэнь-бин. – За вашу доброту я буду вечно обязан вам.

Затем Хуан Вэнь-бин напомнил начальнику области о необходимости написать письмо и приложить печать, а потом спросил:

– С кем же вы пошлете это письмо? Есть ли у вас доверенный человек?

– Я пошлю начальника тюрем Дай Цзуна, – сказал Цай Цю. – С помощью какого-то волшебства он может пройти в день восемьсот ли. Завтра же он отправится с письмом в столицу и проделает путь туда и обратно в каких-нибудь десять дней. – Если он сможет так быстро доставить это письмо, то лучшего, конечно, и желать нельзя, – ответил на это Хуан Вэнь-бин.

В этот день начальник Цай Цю устроил во внутренних покоях угощение в честь Хуан Вэнь-бина, и лишь на другой день тот распрощался с начальником и вернулся к себе в Увэйцзюнь.

Далее следует сказать о том, что начальник области Цай Цю уложил драгоценные украшения в две корзинки и опечатал их. На следующее утро он вызвал к себе Дай Цзуна и сказал:

– Я приготовил подарки и письмо, которые хочу отправить в Восточную столицу советнику императора – моему отцу. Пятнадцатого числа шестого месяца день его рождения. Времени осталось мало, и только ты один можешь доставить посылку к сроку. Так что будь любезен, не откажи взять на себя этот труд. Дождись ответа и сейчас же возвращайся обратно. Я щедро награжу тебя. По дороге нигде не задерживайся, чтобы не вышло каких-нибудь неприятностей.

Дай Цзун не мог отказаться от этого поручения. Ему оставалось только взять письмо и посылки. Поклонившись начальнику области, он пошел домой и, приготовившись в путь, заглянул в тюрьму попрощаться с Сун Цзяном и успокоить его.

– Дорогой брат, – сказал он, – начальник области посылает меня в столицу, но через десять дней я вернусь обратно. В доме советника императора я постараюсь познакомиться с нужными людьми, чтобы спасти вас от беды. В мое отсутствие у вас не будет недостатка в пище, так как я велел Ли Куя готовить и приносить вам еду. Потерпите несколько дней.

– Я не теряю надежды, дорогой брат, что вы спасете меня, – сказал Сун Цзян.

Дай Цзун вызвал Ли Куя и в присутствии Сун Цзяна обратился к нему с такими словами:

– Наш уважаемый брат по неосторожности написал мятежные стихи, и за это его заключили в тюрьму. Чем все это кончится, еще неизвестно. Сейчас меня посылают в Восточную столицу, но я скоро вернусь. А пока поручаю тебе каждый день приносить еду нашему почтенному брату.

– А что особенного в том, что он написал мятежные стихи? – удивился Ли Куй. – Мало было случаев, когда мятежники становились сановниками! Будьте спокойны и отправляйтесь в Восточную столицу. И пусть только кто-нибудь попробует тронуть его здесь, в тюрьме! Будут к нему относиться хорошо – все будет в порядке, а если нет, я рассеку обидчика своим топором надвое.

– Смотри же, брат, будь осторожен, – повторил перед уходом Дай Цзун, наставляя Ли Куя. – Не пей лишнего и не забывай приносить еду нашему почтенному брату. Напьешься, так он у тебя тут будет голодать.

– Дорогой брат, – отвечал на это Ли Куй. – Вы можете идти со спокойной душой. Если же у вас есть сомнения на этот счет, то даю слово, что с сегодняшнего дня и до самого вашего возвращения я не возьму в рот ни капли. Потом уж наверстаю потерянное! Пока же буду неотлучно находиться при нашем уважаемом брате Сун Цзяне и прислуживать ему.

– Ну, дорогой друг, если ты так твердо решил заботиться о нашем почтенном брате, то я очень доволен, – сказал Дай Цзун и в тот же день отправился в путь.

А Ли Куй действительно совсем бросил пить и все время находился в тюрьме, ухаживал за Сун Цзяном и ни на шаг не отходил от него.

Однако говорить об этом мы пока больше не будем и расскажем лучше о Дай Цзуне. Вернувшись домой, он сменил обмотки на ногах, надел пеньковые туфли на восьми завязках и желтую, цвета абрикоса, рубашку. Затем подпоясался и вложил в пояс табличку с обозначением своей фамилии и должности. Надев на голову новую повязку, он спрятал в сумку письмо, взвалил на плечи корзинки с подарками и тронулся в путь. На дороге за городом он вынул четыре бумажки с волшебными письменами и привязал по две к каждой ноге, шепча при этом заклинания. Через миг он очутился далеко от Цзянчжоу.

Он шел безостановочно до самого вечера и заночевал на постоялом дворе. Здесь он снял с ног талисман, сжег жертвенные бумажные деньги в честь духов дорог и лег спать. На следующее утро он выпил, закусил и, покинув постоялый двор, снова подвязал к ногам бумажки с заклинаниями. Затем он подхватил корзиночки и пустился в дальнейший путь.

Дай Цзун шел так быстро, что в ушах у него свистел ветер и ноги едва касались земли. По дороге он поел немного овощей, а когда наступил вечер, снова заночевал на постоялом дворе. Поднявшись перед рассветом во время пятой стражи, он по холодку пошел дальше. Было уже часов десять утра, когда он прошел примерно триста ли, но ему так и не попался по дороге какой-нибудь чистый трактирчик. Было начало шестого месяца, и Дай Цзун весь обливался потом от жары. Он уже стал опасаться солнечного удара. К тому же он сильно проголодался, и его нестерпимо мучила жажда. Но тут он увидел трактирчик, расположенный на опушке леса недалеко от озера.

Дай Цзун поспешил туда; в трактирчике оказалось уютное и чистенькое помещение, где стояло два десятка красных столиков.

Дай Цзун вошел, опустил свою ношу на пол, распоясался, снял желтую, цвета абрикоса, рубашку, вспрыснул ее водой и повесил сушить на перила. Затем он расположился за столиком, и к нему подошел слуга.

– Сколько прикажете подать вина, господин служивый? И какого вы желаете мяса – свинину, баранину или говядину?

– Вина много не надо, – ответил Дай Цзун. – Принеси мне хорошую порцию риса.

– У нас есть и вино, и рис, и пампушки, а также лапша, – сказал слуга.

– Скоромного мне ничего не надо, – отказался Дай Цзун. – А вот если у вас есть какой-нибудь овощной суп, так подай.

– А не разрешите ли вы принести вам бобового сыру, заправленного маслом и перцем? – спросил слуга.

– Ну что ж, прекрасно! – сказал Дай Цзун.

Слуга ушел и вскоре принес миску с бобовым сыром и две тарелки с овощными закусками. Поставив все это на стол, он налил три больших чашки вина. Дай Цзун, голодный и измученный жаждой, одним духом проглотил и сыр и налитое вино. Но едва он хотел приняться за рис, как почувствовал, что у него все завертелось перед глазами и повалился на скамью.

– Готов! – закричал слуга. В тот же миг из внутреннего помещения вышел человек. Это был не кто иной, как Чжу Гуй, один из главарей стана Ляншаньбо.

– Отнеси корзинки в комнату, – сказал он слуге и обратился к двум своим помощникам. – А вы обыщите этого молодца.

Те поспешно бросились к Дай Цзуну и обыскали его, но в сумке нашли лишь бумажный сверток с письмом и передали его Чжу Гую.

Взглянув на конверт, Чжу Гуй увидел, что письмо семейное. На конверте было написано: «Письмо родным с пожеланием счастья и благополучия. Моему уважаемому отцу от почтительного и покорного сына Цай Дэ-чжана».

Чжу Гуй вскрыл письмо и прочитал: «Я сейчас задержал того человека, о котором у вас распевают песни, имя его Сун Цзян из Шаньдуна. Я посадил его в тюрьму и жду ваших распоряжений...»

Прочитав эти слова, Чжу Гуй до того растерялся, что оцепенел и потерял дар речи. Лишь когда его помощники подняли Дай Цзуна и потащили на кухню, где обычно свеживали туши, Чжу Гуй пришел в себя. Он огляделся и заметил свешивающийся со скамейки пояс, в который была вложена ярко-красная табличка. Взяв эту табличку, Чжу Гуй прочитал: «Дай Цзун, начальник двух тюрем в Цзянчжоу».

– Обождите-ка немного, – остановил он своих помощников, а про себя подумал: «Я часто слышал, как наш военный советник У Юн говорил о своем друге Дай Цзуне, волшебном скороходе из Цзянчжоу. Вероятно, это он и есть. Но почему он несет письмо, которое должно погубить Сун Цзяна? Само небо послало это письмо в мои руки». Он приказал:

– Дайте-ка противоядие, надо привести его в чувство и разузнать, в чем тут дело.

Один из помощников тут же приготовил настойку. Приподняв Дай Цзуна, они влили эту жидкость ему в рот. У Дай Цзуна сразу же дрогнули веки и раскрылись глаза, и он встал на ноги. Увидев в руках Чжу Гуя распечатанное письмо, Дай Цзун закричал:

– Ты кто такой? Как ты осмелился напоить меня дурманом и распечатать письмо, посланное советнику императора? Ты знаешь, какое за это полагается наказание?

Чжу Гуй рассмеялся:

– Стоит ли говорить о каком-то дурацком письме! Подумаешь, письмо какому-то советнику императора! Да будь здесь император великих Сунов собственной персоной, мы не побоимся бы выступить против него!

Услышав это, Дай Цзун даже испугался.

– Кто же вы, удалец? – спросил он. – Не откажитесь назвать свое имя.

– Я один из удальцов горного стана Ляншаньбо. Зовут меня Чжу Гуй, – ответил тот.
– Если вы один из вожаков Ляншаньбо, то должны, конечно, знать господина У Юна.
– Он военный советник у нас в лагере и ведаёт всеми военными делами, – сказал Чжу Гуй. – А вы откуда его знаете? – спросил он в свою очередь.

– Да мы с ним самые лучшие друзья, – воскликнул Дай Цзун.
– Значит, вы тот самый начальник тюрем Дай Цзун, волшебный скороход из Цзянчжоу, о котором так часто вспоминает военный советник У Юн? – спросил Чжу Гуй.

– Тот самый, – ответил Дай Цзун.
– А советник У Юн послал вам письмо с господином Сун Цзяном, когда тот проходил мимо нашего лагеря по дороге в Цзянчжоу. Так почему же вы теперь хотите погубить жизнь нашего уважаемого брата Суна?

– Что вы говорите! – воскликнул Дай Цзун. – Ведь мы с господином Сун Цзяном самые лучшие друзья и братья. А сейчас он попал в беду из-за того, что написал мятежные стихи. Пока я ничем не мог помочь ему, и вот сейчас спешу в столицу, чтобы найти там какую-нибудь возможность спасти его. Как же вы можете думать, что я хочу погубить его?

– Если вы мне не верите, – сказал Чжу Гуй, – тогда почитайте сами письмо начальника области Цай Цзю.

Прочитав письмо Дай Цзун был поражен. Он подробно рассказал Чжу Гую о том, как они встретились с Сун Цзяном, как тот передал ему письмо У Юна и как случилось, что Сун Цзян, изрядно подвыпив, необдуманно написал мятежные стихи на стене в харчевне «Сюньянлоу».

– Если дело обстоит так, – сказал Чжу Гуй, – то я попрошу вас, господин начальник, отправиться со мной в наш стан и там посоветоваться с главарями. Надо придумать, как спасти жизнь господина Сун Цзяна.

Чжу Гуй устроил угощение в честь Дай Цзуна, а затем пустил на противоположный берег сигнальную стрелу. Оттуда сразу же отчалила лодка, в которой на веслах сидело несколько удальцов.

Захватив с собой корзинки, Чжу Гуй и Дай Цзун прыгнули в лодку и вскоре прибыли в Цзиньшатань и оттуда отправились в лагерь. Советнику У Юну доложили, что в лагерь пришел начальник тюрем Дай Цзун, и тот поспешил навстречу гостю. После церемонии приветствия У Юн сказал:

– Давно расстались мы с вами, дорогой друг! Каким же это ветром занесло вас сюда? Прошу пройти в главное помещение.

Представив Дай Цзуна остальным главарям, Чжу Гуй рассказал все, что он узнал от начальника тюрем, и закончил такими словами:

– А сейчас господин Сун Цзян брошен в тюрьму.

Выслушав все это, Чао Гай попросил Дай Цзуна сесть и стал подробно расспрашивать о том, что случилось с Сун Цзяном. И Дай Цзун снова принялся рассказывать, как Сун Цзян написал мятежные стихи и что за этим последовало.

Чао Гай встревожился и решил немедля собрать на совет всех главарей; он задумал снарядить отряд удальцов в поход на Цзянчжоу, чтобы освободить Сун Цзяна и привести его в горный стан.

– Брат мой, – стал отговаривать его У Юн, – нельзя действовать так опрометчиво. Отсюда до Цзянчжоу очень далеко, и если мы пошлем туда наш отряд, то можем попасть в большую беду. Ведь мы, как говорится, прежде времени потревожим змею в тра ве и не только не спасем, но, наоборот, погубим Сун Цзяна. В этом деле силой не возьмешь, здесь надо действовать хитростью. Я человек хотя и без особых дарований, но придумал небольшой план, и если господин Дай Цзун возьмет на себя труд выполнить его, жизнь Сун Цзяна будет спасена.

– Говорите, господин советник, мы слушаем вас, – сказал Чао Гай.

– Сейчас мы знаем, – начал У Юн, – что начальник области Цай Цзю послал господина Дай Цзуна в Восточную столицу с письмом к советнику императора и теперь ждет его возвращения с ответом. Мы этим воспользуемся и сами ответим на письмо Цай Цзю, а господин Дай Цзун выдаст наш ответ за ответ советника императора. В нашем письме будет сказано: «Преступника Сун Цзяна ни в коем случае не казнить, а немедленно доставить его под стражей в столицу. После тщательного допроса он будет подвергнут публичной казни. Это положит конец всяким слухам и разговорам о нем». Можно написать еще что-нибудь в этом роде. А мы тем временем будем поджидать его здесь, и наши удалцы отобьют его у стражников. Как вы находите этот план?

– А если его повезут другой дорогой? – неуверенно сказал Чао Гай. – Не случится ли большей беды?

– Эту возможность легко предусмотреть, – заметил Гун-Сунь Шэн. – Мы вышлем разведчиков на ближние и дальние дороги и повсюду устроим засады. Тюремная телега не минует нас, и мы освободим Сун Цзяна. Но я опасуюсь другого – начальник области может и не послать его в столицу.

– Все это хорошо, – произнес Чао Гай. – Только у нас никто не сможет подделать почерк Цай Цзиня.

– Об этом я уже подумал, – сказал У Юн. – Сейчас в стране наиболее распространены четыре стили начертания иероглифов, а именно: стили Су Дун-по, Хуан Лу-чжи, Ми Юань-чжана и Цай Цзиня. Это четыре непревзойденных каллиграфа Сунской династии. В городе Цзичжоу у меня есть знакомый ученый по имени Сяо Жан. Он очень искусно подражает почеркам знаменитых каллиграфов, за что народ прозвал его «Чудесным писцом». Он умеет также владеть копьем, палицей, обоюдоострым мечом и саблей. Я знаю, что он отлично пишет стилем Цай Цзиня. Мы должны попросить господина Дай Цзуна немедленно отправиться к Сяо Жану и под тем предлогом, что в монастыре Тайаньчжоу нужно снять копию надписи на каменном памятнике, заманить каллиграфа сюда. Но для этого прежде всего надо преподнести ему пятьдесят лян серебра, чтобы он мог оставить их на расходы своей семье. А вслед за ним мы заманим в горы и всю его семью. Так мы заставим его остаться у нас. Как вы относитесь к этому? – Конечно, письмо он напишет, но где же взять печать? – спросил Чао Гай.

– И об этом я уже подумал, – отозвался У Юн. – Я знаю еще одного знаменитого человека. Он славится на весь Китай и живет сейчас тоже в Цзичжоу. Имя его Цзинь Да-цзянь. Это выдающийся резчик по камню и может хорошо вырезать печати. Кроме того, он прекрасно владеет оружием в бою и большой мастер борьбы. В народе его прозвали «Искусный резчик по нефриту». Ему тоже надо послать пятьдесят лян серебра и привести сюда якобы для того, чтобы соорудить памятник. Эти люди пригодятся в нашем стане.

– Вот это хорошо! – воскликнул Чао Гай.

В этот день они устроили в честь Дай Цзуна пиршество, а когда наступил вечер, разошлись отдыхать.

На следующее утро после завтрака Дай Цзун нарядили монахом и дали ему двести лян серебра; привязав к ногам свои магические бумажки с заклинаниями, он спустился с горы. От Цзиньшатаня его перевезли на лодке, а дальше он зашагал по направлению к Цзичжоу. Не прошло и двух страж, как он уже был в городе и сразу стал расспрашивать, где проживает знаменитый каллиграф Сяо Жан. Ему рассказали, что Сяо Жан живет восточнее управления округом, напротив храма Конфуция, и Дай Цзун поспешил туда.

Подойдя к дверям, он откашлялся и окликнул:

– Дома ли господин Сяо?

Ученый тотчас же вышел и, увидев незнакомого монаха, спросил:

– Откуда вы, отец, и по какому делу пожаловали ко мне?

Дай Цзун почтительно поклонился и ответил:

– Я монах из горного монастыря Тайаньчжоу и ведаю там хозяйственными делами. Сейчас мы отделяем в храме Зал Пяти священных гор, и именитые жители нашего города пожелали установить каменные плиты и вырезать на них надписи. Меня послали к вам, господин ученый, с просьбой прийти в наш монастырь и помочь нам в этом деле. Мне приказано передать вам на расходы для вашей семьи пятьдесят лян серебра. День для установки плит уже назначен, и я очень прошу вас, господин ученый, поспешить и отправиться вместе со мной.

– Но ведь я могу только писать иероглифы и переписывать книги, – сказал на это Сяо Жан. – А больше я ни к чему не пригоден. И если вы собираетесь устанавливать каменные плиты, то необходимо пригласить и резчика по камню.

– У меня есть еще пятьдесят лян серебра, – промолвил Дай Цзун, – и я должен пригласить в монастырь знаменитого резчика по камню господина Цзинь Да-цзяня. Не откажите в любезности указать мне, где он живет. Я найду его, и мы вместе отправимся в путь.

Получив пятьдесят лян серебра, Сяо Жан пошел с Дай Цзуном к резчику Цзинь Да-цзяню. Едва они миновали храм Конфуция, как Сяо Жан поднял руку и, указывая вперед, произнес:

– Вон как раз идет наш знаменитый резчик по камню, – и, окликнув Цзинь Да-цзяня, познакомил его с Дай Цзуном и рассказал, по какому делу пришел из монастыря Тайаньчжоу этот монах. – Этот почтенный отец, – закончил он, – принес нам по пятьдесят лян серебра и предлагает пойти вместе с ним, чтобы выполнить там необходимую работу.

Увидев серебро, Цзинь Да-цзянь очень обрадовался. Затем каллиграф и резчик пригласили Дай Цзуна в кабачок, чтобы угостить его вином и скромно закусить.

Передавая Цзинь Да-цзяню пятьдесят лян серебра на расходы для его семьи, Дай Цзун снова напомнил:

– Предсказатель уже выбрал счастливый день для начала работы, и я очень прошу вас, почтенные господа, сегодня же отправиться вместе со мной.

– Сегодня слишком жарко, – возразил на это Сяо Жан. – Мы все равно много не пройдем и вряд ли доберемся до ближайшего ночлега. Лучше завтра встать до рассвета во время пятой стражи и тронуться в путь, как только откроются городские ворота.

– Вот это правильно, – поддержал его Цзинь Да-цзянь.

Договорившись так, они разошлись по домам, чтобы подготовиться в дорогу. Сяо Жан оставил Дай Цзуна ночевать у себя.

На другой день во время пятой стражи Цзинь Да-цзянь с узелком в руке подошел к дому Сяо Жана, и они все втроем тронулись в путь и вышли из города. Пройдя десять ли, Дай Цзун сказал своим спутникам:

– Я не смею, почтенные господа, слишком торопить вас. Вы можете идти и не спеша. Но я должен предупредить именитых жителей нашего города, чтобы они приготовились достойно встретить вас.

С этими словами он ускоренным шагом двинулся вперед, а каллиграф и резчик со своими узелками продолжали путь не торопясь.

Так они прошли около восьмидесяти ли, как вдруг около полудня впереди послышался разбойничий свист, и со склона горы на них ринулась шайка удальцов. Разбойников было человек пятьдесят, и вел их Ван Коротколапый тигр, который орал на ходу:

– Кто вы такие? Куда идете? Ну-ка, удальцы, взять их! Выньте у них сердца и приготовьте закуску к выпивке.

– Мы идем в монастырь Тайаньчжоу, чтобы сделать там в храме каменные плиты. У нас нет с собой ни полушки. В узлах только по одной смене одежды, – сказал тогда Сяо Жан.

– А нам не нужно ни ваших денег, ни одежды, – отвечал Ван Коротколапый тигр. – Нам нужны сердца и печень таких умных людей, как вы, чтобы приготовить закуску к вину.

Тут Сяо Жан и Цзинь Да-цзянь рассердились, вспомнили свое искусство владеть оружием и с палицами в руках бросились на Коротколапого тигра. А тот в свою очередь, взмахнув мечом, бросился им навстречу. После семи жестоких схваток Ван бежал. Победители собрались было преследовать его, как вдруг с горы послышались удары гонга, и с левой стороны показался Сунь Вань Бог-хранитель, живущий в облаках, а справа – Ду Цянь Достигающий до небес. За ними следовал белолицый Чжэн Тянь-шоу. Каждый из них вел за собой отряд человек в тридцать, и они все разом бросились на Сяо Жана и Цзинь Да-цзяня. Захватив их в плен, они вернулись в лес и там сказали им:

– Вы, почтенные, можете не беспокоиться. Мы действуем по распоряжению нашего начальника Чао Гая. Он приказал нам встретить вас и просить присоединиться к нашему стану.

– А какая вам польза от нас? – спросил Сяо Жан. – Ведь наших способностей не хватит даже на то, чтобы связать курицу. Мы способны только есть.

На это Ду Цянь отвечал:

– Во-первых, наш военный советник господин У Юн хочет познакомиться с вами, а во-вторых, нам известно, что вы искусны в обращении с оружием. Поэтому к вам и послали Дай Цзуна, чтобы он пригласил вас.

Эти слова так изумили Сяо Жана и Цзинь Да-цзяня, что они только молча переглядывались. Тем временем все подошли к кабачку Чжу Гуя, и здесь в честь прибывших было устроено пиршество. Вскоре за ними пришла лодка, и они отплыли к горе, где находился стан разбойников.

В стане познакомились с Чао Гаем, У Юном и другими главарями; во время торжественного пира им сказали, что необходимо написать ответ начальнику области от имени его отца-сановника Цай Цзиня.

– Вот поэтому-то мы и решили просить вас, почтенные господа, присоединиться к нашему стану и вместе бороться за справедливое дело, – закончил У Юн.

Выслушав это, Сяо Жан и Цзинь Да-цзянь сказали:

– Мы не против того, чтобы быть с вами. Но беда в том, что дома у нас остались семьи, и им плохо придется, когда власти узнают, где мы находимся.

– Об этом, уважаемые братья, вы можете не беспокоиться. Завтра с рассветом все уладится.

Весь этот день они пировали. А на следующее утро пришли удалыцы и доложили, что все доставлены на место.

Тут У Юн, обращаясь к Сяо Жану и Цзинь Да-цзяню, сказал:

– Ну, почтенные господа, можете встречать ваши семьи.

Сяо Жан и Цзинь Да-цзянь ушам своим не поверили. Но они пошли вниз по склону и на полдороге увидели, что на нескольких носилках несут их жен и детей. В изумлении они стали расспрашивать своих, как все случилось, и услышали следующее:

– Вскоре после вашего ухода к нам пришли с носилками вот эти люди и сказали: «Ваши мужья сейчас лежат в гостинице за городом, так как их поразил солнечный удар. Они послали нас за вами, чтобы вы поскорей пришли к ним на помощь. Когда они вынесли нас из города, то больше не позволяли сходить с носилок и доставили прямо сюда.

Обе семьи говорили одно и то же. Сяо Жан и Цзинь Дацзянь не проронили в ответ ни единого слова. Теперь они потеряли всякую надежду возвратиться домой, и им оставалось только заняться устройством своих семей в горном стане.

Затем У Юн пригласил к себе Сяо Жана, чтобы обсудить с ним письмо, подделать почерк Цай Цзиня и тем спасти Сун Цзяна.

– Мне уже приходилось вырезать официальные и личные печати сановника Цай Цзиня, – сказал Цзинь Да-цзянь.

Они взялись за дело и работали до тех пор, пока письмо и печать не были готовы. Затем в стане устроили прощальное угощение Дай Цзуну и проводили его в путь. Внизу его переправили на лодке от Цзиньшатаня к кабачку Чжу Гуя; а там Дай Цзун подвязал к ногам четыре бумажки-талисманы, распростился с Чжу Гуем и двинулся в обратный путь.

Теперь следует рассказать о том, как, проводив Дай Цзуна к переправе, советник У Юн вместе с другими главарями вернулся в стан, где продолжался пир. И вот в самый разгар веселья У Юн вдруг вскрикнул: «Ой, какая беда!» Никто не понял, в чем дело, и все обратились к нему с просьбой рассказать, что произошло.

– Вы и не представляете себе, какая случилась беда, – отвечал У Юн. – Ведь письмо, которое я послал, поведет к гибели Дай Цзуна и Сун Цзяна!

Эти слова вызвали большое смятение среди главарей, и они принялись наперебой допытываться:

– Какая же ошибка допущена в вашем письме, господин советник?

– Я слишком спешил и в этой спешке думал лишь о том, что было, не думая о том, что будет. В этом письме допущена большая оплошность, – отвечал У Юн.

– Я ручаюсь, что никто не отличит моей руки от руки советника императора, – заметил Сяо Жан. – И ручаюсь, что ни в одном слове нет ошибки. Разрешите спросить вас, господин советник, о какой оплошности вы говорите?

– И я также ручаюсь, что печать сделана мной безукоризненно, – добавил Цзинь Дациань. – Поэтому и мне непонятно, в чем ошибка.

Тогда У Юн, подняв два пальца, рассказал им. И словно сама судьба предрешила, чтобы удалцы из Ляншаньбо

Устроили побоище в Цзянчжоу
Да так, что пыль взвилась до небосклона,
А после все вверх дном перевернули
В священном храме Белого дракона.

Поистине говорится:

Пройдя под градом вражьих стрел,
Спаслись герои-побратимы,
Пройдя сквозь лес мечей и пик,
Друзья остались невредимы.

Какую оплошность совершил У Юн, читатель узнает из следующей главы.

Глава сороковая

Герои Лянишаньбо устраивают побоище на месте казни. Малое собрание в храме Белого дракона

Итак, Чао Гай и остальные главари, выслушав военного советника У Юна, спросили, какую же ошибку он допустил в письме. И он отвечал:

– В письме, которое мы вручили сегодня утром начальнику тюрем Дай Цзуну, я по недосмотру допустил ошибку из-за написания древним стилем «сяочжуан» и вырезанных на печати четырех иероглифов «ханьлинь Цай Цзинь», которые значат ученый Цай Цзинь. Вот из-за этого-то Дай Цзуна привлекут к ответственности.

– Но я сам видел много писем и сочинений советника императора Цай Цзиня, и на всех этих документах была именно такая печать, – возразил Цзинь Да-цзянь. – Я сделал точную копию без малейшего отступления. О какой же ошибке идет речь?

– Никому из нас не пришло в голову, что теперешний начальник области Цзянчжоу господин Цай Цзю – сын императорского советника Цай Цзиня. Как же можно было на письме

отца к сыну ставить официальную печать? Вот в этом-то и состоит ошибка. А я не заметил ее! В Цзянчжоу сразу все обнаружат, и Дай Цзуну не миновать беды.

– Так надо поскорее догнать его и передать другое письмо, – воскликнул Чао Гай.

– Разве его догонишь? – сказал У Юн. – Ведь он же волшебный скороход и сейчас прошел уже не менее пятисот ли. Однако медлить нельзя, мы должны принять меры, чтобы спасти их обоих.

– Что же можно придумать? – спросил Чао Гай.

Тогда У Юн, наклонившись к нему, прошептал несколько слов и затем уже громко добавил:

– Вы наш начальник и должны тайно отдать приказ всем. Только так и можно сейчас действовать. Времени терять никак нельзя.

Но о том, что это был за приказ, кому было поручено его выполнить и как отряды тотчас же отправились с горы, мы пока говорить не будем.

Между тем Дай Цзун в назначенный срок возвратился в Цзянчжоу и, явившись в управление, вручил ответ начальнику Цай Цю. Тот был очень доволен, что Дай Цзун возвратился вовремя и, наградив его тремя чашками вина, спросил:

– А ты видел моего отца?

– Нет, я не видел вашего почтенного отца, потому что пробыл там всего одну ночь и сразу же отправился в обратный путь, – отвечал Дай Цзун.

Правитель области вскрыл конверт и в начале письма прочитал: «Письмо и посланные тобой многочисленные подарки я получил...» А далее говорилось: «Император выразил желание посмотреть на этого преступника Сун Цзяна, поэтому немедля прикажи сделать прочную тюремную повозку, в которой и отправь злодея под надежной стражей в столицу. Необходимо принять меры, чтобы преступник не сбежал в дороге». И в конце письма было сказано: «Что касается Хуан Вэнь-бина, то я доложу о нем императору, и он, несомненно, получит высокое назначение».

Дочитав письмо, начальник области не мог скрыть своей радости; он тут же приказал принести слиток чистого серебра в двадцать пять лян и дал его в награду Дай Цзуну. Затем Цай Цю приказал сделать крепкую тюремную повозку и устроил со своими чиновниками совещание, чтобы решить, кого послать в охрану и когда отправить преступника.

Нет надобности распространяться о том, как Дай Цзун, поблагодарив начальника области, отправился к себе домой, а потом, захватив с собой вина и мяса, пошел в тюрьму повидаться с Сун Цзяном.

Расскажем лучше о Цай Цю, который очень спешил отправить преступника в столицу и не мог дожидаться, когда будет готова тюремная повозка. И вот дня через два, когда все приготовления были закончены, к начальнику области вошел привратник и доложил о приезде Хуан Вэнь-бина из Увэйцзюня. Цай Цю приказал просить гостя во внутренние покои. Хуан Вэнь-бин, как обычно, привез подарки – вино и свежие фрукты.

– Вы постоянно оказываете мне такое большое внимание. Я, право, не достоин этого, – промолвил Цай Цю.

– Немного деревенских фруктов такой пустяк, о котором и говорить не стоит, – вежливо возразил Хуан Вэнь-бин.

– Могу поздравить вас, – сказал начальник области. – В скором времени вы, несомненно, получите назначение.

– А откуда вам это известно? – поинтересовался Хуан Вэнь-бин.

– На днях из столицы возвратился посланец с ответом на мое письмо, – сказал Цай Цю. – Преступника Сун Цзяна приказано отправить в столицу. О вас же скоро будет доложено императору, и вы получите высокое назначение. Об этом мне написал мой отец.

– Ну, если так, то я глубоко благодарен вам за вашу поддержку, – отвечал Хуан Вэнь-бин. – Однако этот ваш посланец действительно чудесный скороход!

– Если у вас есть какое-нибудь сомнение, – промолвил начальник области, – так я покажу вам письмо моего отца, и вы убедитесь, что я ничуть не ошибаюсь.

– Боюсь, что не совсем удобно читать семейное письмо, – усомнился Хуан Вэнь-бин. – Но если вы доверяете мне, то разрешите взглянуть на него.

– Что вы, что вы, господин тунпань, – запротестовал начальник области. – Ведь мы же с вами лучшие друзья, и нет ничего особенного в том, что вы прочтете это письмо. – И, приказав слуге принести письмо, Цай Цзю протянул его Хуан Вэнь-бину.

А тот внимательно прочитав его с начала до конца, повертел в руках и стал рассматривать конверт. Ему сразу же бросилось в глаза, что печать была слишком четкой и свежей, и, покачив головой, он проронил:

– Это письмо поддельное.

– Ну, тут уж вы ошибаетесь, господин тунпань, – уверенно возразил начальник области. – Это писал мой отец собственной рукой. Я знаю его почерк. Как же оно может быть поддельным?

– Разрешите спросить вас, господин начальник, – продолжал Хуан Вэнь-бин. – Такая ли была печать на письмах, которые вы получали раньше?

– А ведь правда, – воскликнул начальник области, – на других письмах вовсе никакой печати не было, там просто стояла подпись моего отца. Видно, на этот раз у него под рукой оказался ящичек с печатями, и он, случайно взяв ее, поставил на конверте.

– Милостивый господин начальник, простите меня за смелость, – настаивал на своем Хуан Вэнь-бин, – но это письмо фальшивое, кто-то хочет вас обмануть. Как вам известно, у нас в стране сейчас весьма распространены четыре стили начертания иероглифов, которые ввели знаменитые каллиграфы Су Дун-по, Хуан Лу-чжи, Ми Юань-чжан и Цай Цзинь. И совсем не трудно научиться подражать им. А этой печатью ваш уважаемый отец пользовался еще в те времена, когда получил ученую степень ханьлинь. И, конечно, многие видели эту печать на документах, которые были им написаны раньше. Но с какой стати станет ваш отец прикладывать печать с обозначением своей ученой степени после того, как стал советником императора? Тем более что в данном случае он писал сыну и не было никакой необходимости ставить официальную печать. Ваш уважаемый отец – человек высокопросвещенный и мудрый и, конечно, не мог допустить такой небрежности. Если же вы сомневаетесь в том, что я говорю, допросите вашего посланца, пусть он вам скажет, кого видел в доме вашего отца. Если он солжет, тогда ясно, что это письмо поддельное. Простите меня, господин начальник, за то, что я позволил себе быть столь многословным, но из чувства благодарности за все ваши милости я должен был все это вам высказать.

– Ну что ж, то, что вы предлагаете, очень легко сделать, – отвечал начальник области. – Сейчас мы проверим этого человека. Он прежде никогда не был в Восточной столице, и по его ответу на первый же вопрос сразу будет видно, правду он говорит или лжет.

Предложив Хуан Вэнь-бину остаться за ширмой, начальник области вышел в управление и распорядился немедленно привести к нему Дай Цзуна. Стражники тотчас же бросились разыскивать его.

Здесь надо напомнить, что в день своего возвращения Дай Цзун отправился в тюрьму повидаться с Сун Цзяном и там тихо рассказал ему обо всем. Новости эти очень обрадовали Сун Цзяна.

А на следующий день друзья пригласили Дай Цзуна на пирушку. И вот, когда он с приятелями сидел в кабачке и попивал вино, его разыскали посыльные и сообщили, что он должен сейчас же явиться к начальнику области. А тот встретил Дай Цзуна такими словами:

– Я заставил тебя потрудиться, и ты хорошо выполнил мое поручение, а я еще не вознаградил тебя за это как следует.

– Мой долг выполнять приказания вашей милости, – отвечал Дай Цзун, – и разве осмелится бы я отнестись без должного внимания к вашему поручению!

– Я был очень занят, – продолжал начальник области, – и не имел возможности поговорить с тобой. Ну-ка, расскажи, через какие ворота ты вошел в город?

– Я добрался до столицы поздним вечером и не знаю, как назывались ворота, – отвечал Дай Цзун.

– А кто встретил тебя в доме моего отца? – продолжал расспрашивать Цай Цзю. – И где тебя устроили на ночлег?

– Встретил меня привратник и, взяв письмо, ушел в дом, – спокойно рассказывал Дай Цзун. – Немного погодя он вернулся за посылкой и сказал мне, чтобы я шел в гостиницу и там переночевал. Ранним утром я снова постучался в дом вашего отца, вышел тот же привратник и вручил ответ на ваше письмо. Помня о том, что я должен выполнить поручение в срок, и боясь опоздать, я не стал ни о чем расспрашивать и поспешил в обратный путь.

– А сколько лет тому привратнику? И какой он из себя: худой или толстый, черный или белый, высокий или низкий, носит бороду или нет?

– Я пришел к дому вашего почтенного отца поздним вечером и в темноте не мог разглядеть привратника, – отвечал Дай Цзун. – А на следующий день я был там слишком рано и в предутренних сумерках тоже ничего не мог рассмотреть. Но мне кажется, он не особенно высок, а так – среднего роста, как будто немолод, с небольшой бородкой.

– Взять злодея! – в гневе закричал Цай Цзю.

С десяток стоявших здесь стражников подбежали к Дай Цзуну, крепко схватили и повалили его.

– Я же ни в чем не виновен! – взмолился тот.

– Казнить тебя мало! – продолжал кричать начальник области. – Старый привратник нашего дома Ван-гун умер уже несколько лет тому назад. Теперь привратником – молодой Ван, так как же ты смеешь говорить, что он пожилой и с бородкой? Да к тому же молодому Вану не дозволяется входить во внутренние покои моего отца. Все письма получает старший слуга Чжан, который передает их управляющему Ли, а уж тот доставляет во внутренние покои. Только после этого передаются подарки. И ответа на письмо приходится ждать дня три. Кроме того, как могло так получиться, что ты отдал две корзины с подарками, и никто даже не вышел и ни о чем не расспросил тебя? А я-то поддался на твой обман, негодяй! Ну, теперь выкладывай все начистоту – кто тебе дал это фальшивое письмо?

– Я сказал вам всю правду, – настаивал Дай Цзун. – Я очень волновался и спешил в обратный путь, поэтому ничего не разобрал.

– Врешь! – закричал начальник области. – Этого закоренелого разбойника надо бить, тогда он, может быть, и скажет правду. Эй вы, – крикнул он стражникам, – вздуть его как следует!

Тут тюремные стражники поняли, что дело серьезное – в такой обстановке не приходится считаться с тем, кто перед тобой, и, повалив связанного Дай Цзуна, принялись так избивать его, что срывали с него куски кожи и кровь лилась ручьями. Не будучи в силах дольше терпеть такую пытку, Дай Цзун вынужден был сознаться, что письмо фальшивое.

– Ах, мерзавец, откуда же ты достал его? – заорал начальник области.

– А вот как это было, – начал свой рассказ Дай Цзун.

– Когда я проходил мимо Ляншаньбо, на меня напала шайка разбойников, они схватили меня, связали и потащили в горы. Они хотели разрезать меня на куски и вынуть мое сердце. Но прежде чем резать, они обыскали меня и нашли письмо. Прочитав его, разбойники отобрали корзинки с подарками, но меня пощадили. А я, понимая, что теперь не могу к вам вернуться, умолял их, чтоб они там же, в горах, покончили со мной! Ну, тогда они и написали это

письмо, чтобы помочь мне избежать ответственности. Я же, опасаясь наказания за свершенное мной преступление, позволил себе обмануть вашу милость.

– Складно ты говоришь, – заметил начальник области, – только в твоих словах чувствуется какая-то фальшь. Ясно, что ты был в заговоре с разбойниками из Ляншаньбо. Вы задумали присвоить мои корзины с подарками! И ты еще смеешь обманывать меня? Продолжайте бить этого мерзавца! – снова приказал он.

Однако, несмотря на пытки, Дай Цзун так и не признался в том, что был связан с лагерем Ляншаньбо. Цай Цзю попытался еще раз подвергнуть его допросу, но тот твердил одно и то же. Тогда начальник области решил:

– Хватит его допрашивать! Принесите большую кангу, наденьте ему на шею и бросьте его в тюрьму!

Выйдя из управления, начальник области поблагодарил Хуан Вэнь-бина.

– Ваша прозорливость, господин тунпань, помогла мне избежать большой ошибки.

– Нет сомнения в том, – отвечал тунпань, – что этот человек связан с людьми из Ляншаньбо, он участвует в заговоре – они готовятся поднять мятеж. Если не покончить с ними сейчас, то в дальнейшем могут произойти большие бедствия.

– Надо записать показания этих двух злодеев, – сказал начальник области, – и приложить эти бумаги к делу, а виновных под конвоем вывести на базарную площадь и там обезглавить. Потом можно будет послать донесение императорскому двору.

– Вы приняли мудрое решение, ваша милость, – сказал на это Хуан Вэнь-бин. – Поступив таким образом, вы, во-первых, заслужите милость императорского двора, так как это, несомненно, будет признано большой заслугой, а во-вторых, помешаете разбойникам из Ляншаньбо освободить преступников из тюрьмы.

– А все ваша прозорливость, господин тунпань, – произнес начальник области. – И вы можете не сомневаться в том, что я позабочусь о вашем назначении на высокую должность.

В этот день Цай Цзю устроил в честь Хуан Вэнь-бина пиршество, после которого сам проводил его до дверей, и Хуан Вэнь-бин вернулся в Увэйцзюнь.

На другой день начальник области вызвал следователя и приказал ему немедленно завести дело на двух преступников и приложить к нему показания виновных. Кроме того, он еще велел написать приказ, что через день на базарной площади будут обезглавлены два злодея. С древних времен говорится: «Не откладывай суда над мятежниками». А раз так, то во избежание тяжких бедствий в дальнейшем нельзя откладывать и казни преступников Сун Цзяна и Дай Цзуна.

Следователь Хуан, которого вызвали для составления этого дела, был большим приятелем Дай Цзуна. Но у него не было никакой возможности помочь другу, и он мог только горевать в душе. Однако, обращаясь к начальнику области, Хуан все же решился сказать:

– Завтра государственный праздник, а послезавтра пятнадцатое число седьмого месяца – праздник середины лета. В эти дни запрещается совершать казни. И через три дня тоже государственный праздник. Выходит так, что совершить казнь можно будет только на пятый день.

Все, что мог сделать следователь Хуан, так это продлить Дай Цзуну жизнь еще на несколько дней, но он старался добиться этого в надежде, что за три дня можно будет придумать какой-нибудь лучший выход.

Выслушав Хуана, начальник области согласился с ним.

Спустя пять дней, утром на базарную площадь, где должна была состояться казнь, прислали людей подмести и привести все в порядок. Затем к главным воротам тюрьмы подошли палачи и охрана из местных войск – не менее пятисот человек. В полдень главный надзиратель тюрьмы доложил начальнику области, что все приготовления закончены. Цай Цзю предупредил, что будет лично наблюдать за свершением казни.

Что же касается следователя Хуана, то ему не оставалось ничего другого, как представить начальнику области две дощечки с написанными на них обвинениями, и начальник поставил там одно слово: «Обезглавить». Затем дощечки с приговором были прикреплены к камышовой циновке.

Несмотря на то, что тюремная стража в Цзянчжоу была в самых добрых отношениях с Дай Цзуном и Сун Цзяном, спасти их было невозможно.

Между тем осужденных уже одели соответствующим образом, смочили их волосы клейкой водой, а потом скрутили наподобие рога или клюва гуся и воткнули по бумажному красному цветку. После этого осужденных подвели к алтарю темнолицего бога тюрьмы и здесь подали им по чашке риса – для вечного успокоения и по чашке вина – для прощания навеки.

Когда приговоренные съели рис и выпили вино, их повели от алтаря к повозке. Около семидесяти стражников сопровождали осужденных, когда их выводили за ворота тюрьмы; Сун Цзян шел впереди, а Дай Цзун – позади. Здесь они остановились и только поглядывали друг на друга, не имея возможности обменяться хотя бы одним словом. Сун Цзян переминался с ноги на ногу, а Дай Цзун, опустив голову, тяжело вздыхал.

В это время на улицы города высыпало огромное множество любопытных. Набралось несколько тысяч человек, они стояли вплотную, толкаясь и наседая друг на друга. Осужденных провели на место казни, где их тесным кольцом окружила вооруженная стража. Сун Цзяна поставили лицом к югу, а Дай Цзун – лицом к северу. Потом их заставили сесть и дожидаться прихода палача, который должен был казнить их после полудня. Столпившиеся вытягивали шеи и подымали головы, чтобы прочесть написанные на дощечках обвинения. Одно гласило:

«Преступник Сун Цзян в городе Цзянчжоу сочинил мятежные стихи и распространил злостные слухи. Он был связан с разбойниками из Ляншаньбо и вместе с ними готовился поднять мятеж. Согласно закону подлежит смертной казни через обезглавливание».

На другой дощечке было написано:

«Преступник Дай Цзун при помощи поддельного письма пытался освободить Сун Цзяна и связался с разбойниками из Ляншаньбо, чтобы вместе с ним поднять мятеж. Согласно закону подлежит смертной казни через обезглавливание. Ответственный за свершение казни Цай Цзю, начальник области Цзянчжоу».

В это время сам Цай Цзю подъехал к месту казни и сдерживая своего коня, ожидал доклада.

Но тут в восточном конце площади вдруг появилась группа нищих – заклинателей змей, которые изо всех сил пробивались вперед. Стража не в силах была остановить их.

А пока на одном конце площади происходила эта свалка, с западной стороны подошли продавцы лекарств, вооруженные палицами, и также неудержимо устремились вперед. Напрасно стража кричала им:

– Да что же вы, дурачье безголовое, не понимаете, куда лезете?

– Сами-то вы дурни бестолковые, деревенщина! – отвечали из толпы вооруженные палицами продавцы лекарств. – Мы-то в каких только городах не побывали, где нас только не носило. И казни мы видели в разных местах! Даже когда сам император в столице казнил людей, и то пускали народ посмотреть. А вы в своей дыре казните каких-то двух человек и думаете, что потрясаете всю Поднебесную! Что за беда, если мы проберемся вперед и посмотрим на эту казнь?

Перебранка не утихала, и начальник Цай закричал:

– Не пускать их! Отогнать назад!

Шум не прекращался, а с южной стороны вдруг показались носильщики с грузом, которые в свою очередь стали проталкиваться вперед.

– Сейчас здесь будет совершена казнь! – закричала стража. – Куда же вы лезете со своей кладью?

– Да как вы смеете задерживать нас? – отвечали те. – Мы несем груз для самого начальника области!

– Сегодня вы все равно должны пройти другой дорогой!

Тогда носильщики опустили свой груз на землю и, взяв в руки коромысла, принялись молча осматриваться по сторонам. А в это время с северной стороны подошли торговцы с двумя повозками и стали силой прокладывать себе дорогу к месту казни.

– Эй вы, куда лезете? – кричала им стража.

– Идем своей дорогой, – отвечали торговцы. – Пропустите нас!

– Как же мы можем пропустить вас? – возмутились стражники, – ведь сейчас здесь будет совершаться казнь! Идите другой дорогой.

– Здорово придумали, – даже рассмеялись торговцы. – Мы идем из столицы и никаких ваших захолустных дорог не знаем. Нам надо тут пройти!

Стража не могла, конечно, этого разрешить и преградила путь. Тогда торговцы тесно сбились в кучу и стояли, не двигаясь с места.

Таким образом базарная площадь со всех четырех сторон оказалась окруженной людьми, старавшимися прорваться к месту казни. Даже сам начальник области ничего не мог поделать с ними. А торговцы между тем взобрались на свои повозки и, устроившись там, стали смотреть, что происходит в центре площади.

Спустя некоторое время народ расступился, и вперед вышел глашатай, который крикнул:

– Время – третья четверть пополудни!

– Казнить преступников! – отдал приказ главный наблюдающий. – По окончании доложить мне!

Палачи с двух сторон подошли к приговоренным и сняли с них канги, а те палачи, которые должны были совершить казнь, держали наготове свои секиры.

Но рассказ ведется медленнее, чем разворачивались события.

Как только торговцы, стоявшие на повозках, услышали: «Казнить!» – один из них выхватил из-за пазухи небольшой гонг и с силой ударил в него несколько раз. И в тот же миг все кругом пришло в движение. Надо сказать, что на базарной площади была чайная с нижним и верхним помещениями, и вот вдруг наверху показался огромный, похожий на тигра, черный человек. На нем не было никакой одежды, в каждой руке он держал по топору. Испутив рычание, подобное раскату грома, удалец прыгнул прямо вниз и, взмахнув своими топорами, положил на месте двух палачей и тут же бросился на начальника области.

Охранники пытались было пиками преградить ему дорогу, но разве в силах они были сделать это? И начальник области, прикрываемый со всех сторон охраной, бежал, спасая свою жизнь.

Тем временем на восточной стороне площади нищие – заклинатели змей извлекли спрятанные в одежде острые кинжалы и напали на стоявших вблизи стражников.

А на западной стороне продавцы лекарств подняли невообразимый шум и стали пиками и палицами избивать тюремную стражу. Вскоре все стоявшие неподалеку от них стражники были перебиты.

В то же время на южной стороне базарной площади носильщики, действуя своими коромыслами, наносили удары направо и налево, избивая всех, кто попадался под руку. Тут на северной стороне торговцы соскочили со своих повозок и, толкая их вперед, прокладывали себе путь в толпе. Двое из них прорвались к приговоренным, и один взвалил себе на спину Сун Цзяна, а другой – Дай Цзуна; остальные стали стрелять из луков, швырять камнями, а некоторые вытащили дротики и размахивали ими. Эти люди, нарядившиеся торговцами, на самом деле были Чао Гай, Хуа Юн, Хуан Синь, Люй Фан и Го Шэн. Среди наряженных продавцами лекарств и вооруженных палицами и пиками были Янь Шунь, Лю Тан, Ду Цянь и Сунь Вань. В роли носильщиков выступали Чжу Гуй, Ван Коротколапый тигр, Чжэн Тянь-шоу, Ши Юн, а

под видом нищих заклинателей змей пришли Юань Сяо-эр, Юань Сяо-у, Юань Сао-ци и Бай-шэн.

Эти семнадцать вожаков из Ляншаньбо привели на место казни более ста молодцов и во всех концах площади устроили резню. И вот тут они увидели выпрыгнувшего из чайной голого черного человека, который, размахивая двумя топорами, упорно пробивался вперед.

Чао Гай и его товарищи не знали, кто этот удалец, но они видели, что он, прокладывая себе путь, разит направо и налево. Тут Чао Гай вдруг догадался: «Это Ли Куй, по прозвищу Черный вихрь! Дай Цзун ведь говорил, что этот малый – лучший друг Сун Цзяна, но очень дерзок и необуздан». И Чао Гай громко окликнул Ли Куя:

– Эй, добрый молодец! Уж не ты ли Черный вихрь?

Но тому некогда было вступать в разговор. Он, как пламя, метался из стороны в сторону, взмахами своих топоров укладывая подряд всех, кто попадался на пути. Тогда Чао Гай приказал двум удалцам, которые несли на спинах Сун Цзяна и Дай Цзу-на, следовать за этим черным молодцом. А тот, уходя с площади, оставил за собой множество убитых, кровь лилась ручьями. Сколько он погубил людей – и не счесть.

Вожак, переодетый торговцами, бросил свои повозки и вместе с остальными пошел за черным удалцом. Отходивших прикрывали Хуа Юн, Хуан Синь, Люй Фан и Го Шэн. Они стреляли из своих луков, и стрелы, как тучи саранчи, летели на площадь. Тут уж ни солдаты, ни жители Цзянчжоу не осмеливались преследовать их.

А между тем черный удалец шел прямо к берегу реки, продолжая избивать всех, кто попадался ему на дороге: все тело его было выпачкано кровью. И даже на самом берегу он все еще размахивал топорами. Но тут Чао Гай, преградив ему путь мечом, закричал:

– Народ здесь ни при чем! Прекрати избивание людей!

Но разве мог Ли Куй остановиться? Каждый взмах его топора нес смерть.

Так они отошли от города примерно на семь ли, но тут бурная широкая река делала крутой поворот, а впереди не было никакой дороги. Чао Гай пришел в отчаяние, однако чернолицый молодец сказал ему:

– Не расстраивайтесь! Отнесем пока нашего почтенного брата вон в тот монастырь.

Действительно, невдалеке виднелся большой монастырь, ворота которого были плотно закрыты. Удалец, подняв свои топоры, ударил по воротам и, распахнув их, ринулся во внутрь.

Чао Гай и остальные последовали за ним и, осмотревшись, увидели храм, у храма рос старый можжевельник и голубые сосны. Деревья бросали на землю густую тень. Над входом в храм висела доска с четырьмя большими золотыми иероглифами: «Священный храм Белого дракона».

Сун Цзяна и Дай Цзуна внесли в храм и опустили на пол. Только теперь Сун Цзян решился открыть глаза. Увидев Чао Гая и его товарищей, он со слезами сказал:

– Уважаемый брат мой! Не во сне ли я вижу вас?

Чао Гай ему отвечал:

– Вот, не хотели вы, дорогой брат, остаться у нас в горах, потому и пришлось вам испытать столько горя! Но кто же этот черный удалец, который с такой яростью избивал людей?

– А это и есть Ли Куй Черный вихрь, – сказал Сун Цзян. – Он все предлагал освободить меня из тюрьмы, но я не соглашался, боясь, что из этого ничего не выйдет.

– Да, такого человека редко можно встретить, – промолвил Чао Гай. – У него огромная сила, да к тому же он не боится ни меча, ни стрел.

– Сейчас необходимо достать одежду для наших уважаемых братьев, – напомнил Хуа Юн. – Ведь им не во что переодеться.

Тут все увидели, как из галереи вышел Ли Куй с топорами в руках и направился дальше.

– Вы куда это, дорогой друг? – окликнул его Сун Цзян.

– Ищу монахов, – отвечал Ли Куй, – и всех их прикончу! Стервецы проклятые, и всего-то они боятся: и чертей и богов! Среди бела дня сидят с закрытыми воротами. Вот найду их и принесу в жертву у ворот храма. И где они только попрятались?

– Идите-ка сюда, я познакомлю вас со своими друзьями, – позвал Сун Цзян.

Услышав это, Ли Куй выпустил из рук свои топоры и, низко кланяясь Чао Гаю, произнес:

– Уважаемый брат мой! Не осуждайте меня, невежду, «Железного быка»!

Затем он познакомился со всеми остальными главарями и узнал, что Чжу Гуй его земляк. Оба они очень обрадовались. Но тут Хуа Юн, обращаясь к Чао Гаю, сказал:

– Уважаемый брат! Вы приказали нам следовать за почтенным братом Ли, и вот теперь мы попали в безвыходное положение. Впереди большая река, которая преграждает нам путь. И нет ни одной лодки, которая выручила бы нас. Что же будет, если из города пошлют за нами погоню? Нам нужна подмога, а где ее найдешь?

– А вы не волнуйтесь, – вмешался Ли Куй. – Мы с вами снова войдем в город и перебьем там всех вместе с этой тварью начальником области Цай Цзю. Только тогда можно будет успокоиться! – Ну, дорогой мой, – сказал недавно пришедший в себя Дай Цзун, – твоя необузданность до добра не доведет. В городе наберется пять – семь тысяч пешего и конного войска. Если мы вздумаем пробиваться в город, то непременно потерпим поражение и погубим все дело.

– Вон на том берегу я вижу несколько лодок, – сказал в это время Юань Сяо-ци. – Мы с двумя моими братьями переплывем реку, захватим эти лодки и доставим их сюда. А там уж можно будет всех переправить. Как вы на это смотрите?

– Да, это был бы наилучший выход! – воскликнул Чао Гай.

Тогда братья Юань, не мешкая сбросили с себя одежду, оставив одни пояса и заткнув за них кинжалы, попрыгали в воду. Однако не успели они отплыть от берега и половину ли, как оставшиеся на берегу увидели, что вниз по течению вихрем несутся три больших весельных лодки. В каждой лодке сидело не менее десяти человек, все они кричали и свистели, и у всех в руках было оружие. Стоявшие на берегу пришли в большое волнение.

Находившийся в храме Сун Цзян, узнав об опасности с горечью воскликнул: «Какая же у меня несчастная судьба!» – и поспешно вышел из храма посмотреть, что случилось. Передняя лодка приблизилась, и Сун Цзян увидел в ней здорового детину со сверкающим пятизубцем в руках. Волосы его были подвязаны красным шнурком. Он был в коротких штанах из белого шелка; налегая на весла, детина, не умолкая, свистел. Сун Цзян тотчас же признал в нем Чжан Шуня и, махая рукой, закричал:

– Дорогой брат, спаси нас!

Тут Чжан Шунь и его товарищи увидели Сун Цзяна и радостно откликнулись:

– Вот и хорошо! – и, как ветер, подлетели на своих лодках к берегу.

Увидев это, братья Юань повернули назад и вернулись к берегу. Сун Цзян видел, что в лодке Чжан Шуня было еще человек десять здоровых молодцов. Во второй лодке сидел Чжан Хэн вместе с Му Хунем, Му Чунем, Сюэ Юном и десятью работниками. В третьей лодке находились Ли Цзюнь, Ли Ли, Тун Вэй, Тун Мэн и с ними более десятка торговцев солью. Все они, вооруженные пиками и палицами, высадились на берег.

Чжан Шунь, встретившись с Сун Цзяном, был вне себя от радости и, низко кланяясь, со слезами на глазах, говорил:

– Когда я узнал, что вас отдали под суд, я потерял покой. Но ничего не мог сделать для вашего спасения. Потом я узнал, что арестовали также и Дай Цзуна. В это время я не имел возможности встретиться с уважаемым братом Ли Куем и решил разыскать своего старшего брата, чтобы вместе с ним отправиться в поместье почтенного Му. Там мы собрали желающих помочь вам. И вот сегодня решили войти в город Цзянчжоу, прорваться в тюрьму и освободить вас. Мы никак не ожидали, что найдутся другие, которые спасут вас и доставят сюда. Не смею

спрашивать, кто эти доблестные герои. Может быть, это справедливейший господин Чао Гай Небесный князь из Ляншаньбо?

– Это и есть уважаемый брат Чао Гай, – сказал на это Сун Цзян, указывая на стоявшего впереди других Чао Гая. – Я хочу попросить всех вас войти в храм и почтительно приветствовать его.

Тогда Чжан Шунь с восемью своими товарищами, Чао Гай с шестнадцатью, а за ними Сун Цзян, Дай Цзун и Ли Куй – всего двадцать девять человек вошли в храм Белого дракона. И эта их встреча стала известной впоследствии под названием «Малое собрание в храме Белого дракона».

После того как все двадцать девять молодцов закончили церемонию приветствия, в храм торопливо вбежало несколько человек.

– Со стороны Цзянчжоу слышатся звуки гонгов и барабанов, из города в погоню за нами выступили пешие и конные войска. Вдали видно множество флагов, которые закрывают солнце. Копья, сабли и мечи торчат густо, как конопля в поле. Впереди – одетая в броню конница, а позади – копьеносцы со своими начальниками. С длинными мечами и секирами все они идут к храму Белого дракона.

– В бой! – закричал Ли Куй и, схватив свои топоры, ринулся из храма.

– Ну что ж, – сказал Чао Гай, – раз начали, так надо доводить дело до конца. Ну, удалцы мои, – обратился он ко всем, – помогите мне. Мы должны перебить все войско в Цзянчжоу до последнего человека и лишь потом сможем двинуться в Лян-шаньбо.

– Мы все готовы выполнить твои приказания, начальник! – в один голос отвечали герои.

И вот около ста пятидесяти человек с боевыми возгласами высыпали на берег реки Цзянчжоу. И видно так уж было суждено, чтобы

Алой кровью друзей и врагов
Обагрились речные просторы,
И повсюду дымящихся тел
Поднимались кровавые горы.

И так уж, наверное, было предначертано, что:

Над бурливыми волнами
голубой дракон возник
И запрыгал, изрыгая
ядовитые клубы,
А разгневанные тигры,
издавая мощный рык,
Забрались высоко в горы
для неслыханной борьбы.

О том, как Чао Гай со своими добрыми молодцами избежал беды, читатель узнает из следующей главы.

Глава сорок первая
Сун Цзян хитростью захватывает город Увэйцзюнь.
Чжан Шунь берет в плен Хуан Вэнь-бина

Итак, удалцы из Ляншаньбо, собравшиеся в монастыре Белого дракона вблизи города Цзянчжоу, устроили побоище на площади, где должна была состояться казнь Сун Цзяна и Дай Цзуна, и освободили их. Среди них были Чао Гай, Хуа Юн, Хуан Синь, Люй Фан, Го Шэн, Лю Тан, Янь Шунь, Ду Цянь, Сунь Вань, Чжу Гуй, Ван Коротколапый тигр, Чжэн Тянь-шоу, Ши Юн, Юань Сяо-эр, Юань Сяо-у, Юань Сяо-ци и Бай-шэн – всего семнадцать главарей, которые привели с собой девяносто отважных и сильных удалцов.

А на трех больших лодках к ним на помощь подоспели Чжан Шунь, Чжан Хэн, Ли Цзюнь, Ли Ли, Му Хун, Му Чунь, Тун Вэй, Тун Мэн и Сюэ Юн – девять удалцов и с ними более сорока контрабандистов, промышлявших на реке. Всего в монастыре Белого дракона, куда их привел Ли Куй, собралось около ста пятидесяти человек. И вдруг один из удалцов доложил, что из Цзянчжоу со знаменами выступили войска и под грохот барабанов и гонгов, с боевым кличем идут к монастырю.

Когда Ли Куй услышал это, он взревел от ярости и, схватив оба свои топора, выскочил из храма. Вслед за ним с оружием в руках и воинственными криками ринулись и остальные удалыцы.

Между тем Лю Тан и Чжу Гуй отвели Сун Цзяна и Дай Цзуна в лодку, а Ли Цзюнь, Чжан Шунь и братья Юань приготовились отчалить в любой момент. С реки было видно, что из города подходят правительственные отряды, примерно тысяч семь конных и пеших войск. Впереди следовала конница. Воины были в шлемах и латах, вооружены луками и длинными пиками. За конницей шли пешие отряды. Все они торопились вперед с боевым кличем, размахивая флагами, готовые вступить в бой.

А навстречу войскам мчался Ли Куй: скинув с себя всю одежду и размахивая топорами, он готов был разить противника. Не отставая от него, бежали Хуа Юн, Хуан Синь, Люй Фан и Го Шэн. Увидев конницу, вооруженную пиками, Хуа Юн испугался, что Ли Куя ранят, и, взяв лук, приложил стрелу. Затем, натянув до отказа тетиву, он прицелился в едущего впереди командира конницы и пустил стрелу. Всадник кувырком полетел с коня; весь конный отряд был так этим напуган, что повернул назад. Спасая свою жизнь, всадники налетели на пеших воинов, сшибли их и потоптали больше половины.

А удалыцы бросились преследовать правительственное войско, нанося ему удары направо и налево; изрубленные трупы врага валялись кучами, и потоки крови окрасили воды реки. Удалыцы гнали противника до самых стен города, где отступавшим была оказана помощь. Им открыли ворота, и с городской стены стали бросать в преследователей заранее заготовленные бревна и камни. Ворота были тотчас же закрыты и не открывались несколько дней: никто не мог ни выйти из города, ни войти в него.

С трудом уведя Ли Куя Черного вихря, удалыцы возвратились в монастырь Белого дракона. Пересчитав всех собравшихся, Чао Гай приказал разбиться на группы и погрузиться в лодки. Затем они отчалили от берега и тронулись в путь.

Им посчастливилось: подул попутный ветер, и они подняли паруса. Так три лодки с удалыцами направились к усадьбе почтенного Му. Всю дорогу дул попутный ветер, и они, быстро добравшись до места, высадились на берег.

Здесь Му Хун пригласил всех в усадьбу. Навстречу им вышел почтенный хозяин – старый Му. Сун Цзян приветствовал его и познакомил со всеми остальными; старый Му, обращаясь к главарям, сказал:

– Все вы, почтенные, очень устали в этом походе, поэтому прошу вас пройти в комнаты для гостей и отдохнуть.

И пока все отдыхали и приводили в порядок свою одежду и оружие, Му Хун приказал работникам зарезать корову, штук десять свиней, овец, кур, гусей, уток, достать рыбы и всяких редких яств. В усадьбе был устроен большой пир в честь главарей вольного люда. На пиру удалыцы вспоминали минувшие события.

– Если бы почтенные братья Му со своими товарищами не подоспели в лодках на помощь, – промолвил Чао Гай, – нам пришлось бы очень плохо.

– Но как же вам удалось прорваться? – спросил старый Му.

– Я стал пробиваться там, где было больше народу, – отвечал на это Ли Куй, – а удалыцы сами пошли за мной, я их и не звал!

При этих словах все громко рассмеялись. А Сун Цзян поднялся с места и, глядя на них, сказал:

– Если бы все вы, добрые молодцы, не пришли на помощь мне, ничтожному человеку, то нам с начальником Дай Цзуном пришлось бы погибнуть безвременной смертью! Благодарение, которое вы оказали нам, глубже самого глубокого моря, и я даже не знаю, чем отплатить вам! Только одна тяжелая забота осталась у меня на душе, – это ненавистный Хуан Вэнь-бин, который несколько раз пытался причинить нам зло и погубить нас. Разве можно забыть об этом и

не отомстить негодяю? Если б я мог попросить вас, вольных удальцов, еще раз помочь мне и одолеть подлого врага, я бы отправился в Увэйцзюнь и прикончил там этого мерзавца! Только тогда я мог бы спокойно уйти отсюда вместе с вами. Что вы на это скажете?

– Один раз нам удалось захватить врага врасплох, – произнес Чао Гай, – но удастся ли это сделать еще раз? Можно не сомневаться, что эти негодяи уже приняли меры предосторожности. Пожалуй, лучше сейчас вернуться в лагерь, собрать там всех наших людей, и пеших и конных, а потом выступить вместе с уважаемыми учителями У Юном, Гун-Сунь Шэном, Линь Чуном и Цинь Мином и отомстить за вас. Думаю, что мы не опоздаем.

– Нет, – возразил Сун Цзян. – Если мы вернемся в лагерь, то больше не придем сюда. Во-первых, путь в горы долгий, а во-вторых, из Цзянчжоу, конечно, повсюду будут разосланы уведомления о том, чтобы власти были начеку. Мы не должны поступать опрометчиво. Надо сейчас воспользоваться благоприятной обстановкой и нанести еще один удар. Не следует ждать, пока они подготовятся.

– Вы рассуждаете совершенно правильно, уважаемый брат, – вставил свое слово Хуа Юн. – Однако у нас нет ни одного человека, кто знал бы туда дорогу. Сначала надо послать человека в Увэйцзюнь разведать обстановку, а также все дороги, которые ведут в город. Надо точно узнать, где живет этот мерзавец – Хуан Вэнь-бин, и уж после этого начать действовать.

– Мне пришлось много скитаться по свету, – сказал тут, поднявшись, Сюэ Юн, – и этот город Увэйцзюнь я знаю очень хорошо. Не пойти ли мне туда на разведку?

– Ну, если бы вы могли пробраться туда, уважаемый брат, – промолвил Сун Цзян, – то это было бы лучше всего!

Сюэ Юн тут же простился со всеми и отправился в путь.

Теперь скажем несколько слов о том, как Сун Цзян и остальные главари, оставшись в усадьбе Му Хуна, готовились к нападению на Увэйцзюнь. Они привели в порядок свое оружие, запаслись луками и стрелами, а также большими и маленькими лодками. Спустя два дня возвратился Сюэ Юн и привел с собой какого-то человека, которого хотел познакомить с Сун Цзяном.

– Дорогой брат, кто этот удалец? – спросил тот, увидев незнакомца.

– Этого человека зовут Хоу Цзянь, – отвечал Сюэ Юн. – Он уроженец Хунду, провинции Цзянси, и занимается портняжеством. Это мастер первой руки! Игла с ниткой, можно сказать, летает в его руках. Кроме того, он очень искусен в обращении с оружием. Раньше я был его учителем. За темное лицо, за сухощавость и подвижность, народ прозвал его «Большерукая обезьяна». Сейчас он живет в Увэйцзюне и работает в доме Хуан Вэнь-бина. Я встретился с ним и попросил пойти со мной.

Выслушав это, Сун Цзян остался очень доволен и пригласил пришедшего сесть и принять участие в обсуждении плана нападения на врага. Хоу Цзянь был человеком справедливым, поэтому ему суждено было присоединиться к созвездию, в котором было семьдесят две звезды.

Сун Цзян поинтересовался, что делается в Цзянчжоу и расспросил о дороге в город Увэйцзюнь. Сюэ Юн отвечал:

– Начальник области Цай Цзю уже установил, сколько убитых среди войска и населения. Оказалось – более пятисот человек. А раненым стрелами и счету нет. В столицу отправлены гонцы с докладом императору. После полудня городские ворота закрываются, и все, кто входит в город и выходит из города, подвергаются строгому допросу. Однако не начальник области является истинным виновником ваших бедствий, почтенный брат. Все это дело рук мерзавца Хуан Вэнь-бина, который неоднократно подстрекал начальника Цай Цзю к тому, чтобы причинить зло вам обоим. Но со времени побоища на месте казни в городе очень тревожно: ни днем, ни ночью не снимается усиленная охрана. Я побывал также и в Увэйцзюне, чтобы разведать, что там делается, и вот встретился с этим уважаемым братом, который шел к себе обедать. От него я и услышал все подробности.

– А вы откуда узнали об этом, почтенный брат Хоу Цзянь? – спросил Сун Цзян.

– Я с малых лет увлекался фехтованием копьем и палицей, – отвечал Хоу Цзянь, – и многому научился у моего учителя господина Сюэ Юна. Этого я никогда не забуду. А недавно тунпань Хуан Вэнь-бин позвал меня к себе на дом и попросил сшить ему одежду. И вот когда я вышел из его дома, то повстречался со своим учителем. Как только он назвал ваше уважаемое имя, почтенный брат мой, и сказал, по какому делу пришел, я сам выразил желание увидеться с вами и рассказать вам все, что знаю. У этого Хуан Вэнь-бина есть родной старший брат – Хуан Вэнь-е. И хотя они кровные братья, но Хуан Вэнь-е всю свою жизнь делает только добрые дела. Он чинит мосты, строит дороги, кормит монахов, помогает беднякам и тем, кто попадает в тяжелое положение. В городе Увэйцзюне народ прозвал его «Желтолицым буддой»⁷. А тунпань Хуан Вэнь-бин, который сейчас не у дел, только и занимается тем, что наносит вред людям. В Увэйцзюне его прозвали «Жало желтой осы». Братья живут порознь, в отдельных домах, но ворота из дворов выходят в один переулок. Дом Хуан Вэнь-бина прилегает к городской стене, а Хуан Вэнь-е живет ближе к улице. И вот один раз я услышал, как младший Хуан вернулся домой и сказал: «А ведь начальника области чуть было не провели в этом деле! Хорошо я успел надоумить его, что следует прежде казнить, а потом уж посылать донесение». Услышав это, Хуан Вэнь-е проворчал за спиной брата: «Опять за свои подлые дела взялся! Ведь это тебя не касается, зачем же тебе нужно вредить людям? Ну, волею неба для тебя наступит скоро час возмездия за все твои мерзости! Ты сам накликаешь на себя беду!»

Узнав о побоище на базарной площади, где должна была состояться казнь, Хуан Вэнь-бин сильно перепугался. Вчера вечером он уехал к начальнику области в Цзянчжоу, чтобы обсудить создавшееся положение, и до сих пор еще не вернулся домой.

– А далеко находится дом Хуан Вэнь-бина от дома его брата? – спросил Сун Цзян.

– Раньше они жили в одном доме, но раздельно, – отвечал Хоу Цзянь, – а теперь между домами лежит огород.

– Сколько же народу живет в доме Хуан Вэнь-бина? – поинтересовался снова Сун Цзян. – И сколько там строений?

– Да всего человек пятьдесят мужчин и женщин, – сказал Хоу Цзянь.

– Само небо хочет, чтобы я отомстил Хуану, – воскликнул Сун Цзян, – и потому послало мне этого человека! Дело это, может быть, и простое, но все же я рассчитываю на вашу помощь, друзья мои, – обратился он ко всем.

– Да мы готовы жизнь свою отдать, – был единодушный ответ, – только бы уничтожить этого вредного, жадного, бесчестного подхалима и помочь вам, уважаемый брат, отомстить ему за зло!

– Но только я должен сказать, – заявил Сун Цзян, – что буду мстить лишь одному этому злодею – Хуан Вэнь-бину, моя ненависть не имеет никакого отношения к жителям Увэйцзюня. И раз уж его кровный брат – человек гуманный и справедливый, то никакого вреда причинять ему не следует. Не надо делать того, что может вызвать нарекания народа Поднебесной. Поэтому, когда мы пойдем туда, друзья мои, не причиняйте ни малейшего ущерба населению. У меня есть свой план, и я рассчитываю только на то, что вы поможете мне выполнить его.

– Мы готовы во всем слушаться вас, уважаемый брат, – отвечали в один голос остальные главари.

– Я хотел бы просить почтенного хозяина усадьбы Му одолжить нам девяносто мешков и вязанок сто тростника. Потом нам понадобятся еще пять больших лодок и два маленьких челнока. В челноках я хочу просить поехать Чжан Шуня и Ли Цзюня. А на больших лодках поплывут Чжан Хэн, братья Юань, Тун Вэй и с ними те, кто чувствует себя на воде как дома, они будут охранять лодки, и это даст мне возможность выполнить мой план.

⁷ Игра слов. Фамильный знак «Хуан» имеет значение желтый.

– Что касается тростника, хвороста и мешков, то это у нас в усадьбе найдется, – сказал Му Хун. – И все наши работники умеют хорошо управлять лодками и ловко плавают. Так что, пожалуйте, приказывайте, уважаемый брат, что нам надо делать.

– Теперь мы попросим брата Хоу Цзяня вместе с Сюэ Юном и Бай-шэном отправиться вперед и незаметно войти в город Увэйцзюнь. На другой день во время четвертой стражи они услышат свист – свисток будет привязан к голубю, которого мы выпустим за городскими воротами. Тут Бай-шэн подойдет к воротам и поможет нам. Прежде всего на стене должен быть установлен флаг из белого шелка, указывающий, где находится дом Хуан Вэнь-бина, чтобы мы именно в том месте перелезли через городскую стену.

Затем Сун Цзян приказал Ши Юну и Ду Цяню одеться нищими, пробраться к городским воротам и укрыться где-нибудь там поблизости. А как только появится сигнальный огонь, они должны перебить стражу у ворот. Что же касается Ли Цзюня и Чжан Шуня, то они останутся в лодках, будут вести наблюдение за берегом и оказывать помощь там, где она потребуется.

Сун Цзян закончил свои указания, и все отправились их выполнять. Сюэ Юн, Бай-шэн и Хоу Цзянь ушли первыми, вслед за ними вскоре ушли и Ши Юн с Ду Цянем, одетые нищими, спрятав в одежде короткие кинжалы. Остальные стали грузить на лодки песок, мешки, тростник, топливо. Когда наступило время трогаться в путь, все удалыцы привели себя в порядок, захватили оружие, погрузились в лодки и спрятались там под навесами. Чао Гай, Сун Цзян и Хуа Юн сели в джонку Тун Вэя; Янь Шунь, Коротколапый тигр Ван и Чжэн Тянь-шоу – в джонку Чжан Хэна; Дай Цзун, Лю Тан и Хуан Синь – в джонку Юань Сяо-эра; Люй Фан, Го Шэн и Ли Ли – в джонку Юань Сяо-у; Му Хун, Му Чунь и Ли Куй – в джонку Юань Сяо-ци.

Чжу Гуй и Сунь Вань должны были остаться в усадьбе старого Му и ждать сообщений из Цзянчжоу. Тун Мэн на быстроходном челноке отправился вперед разведать путь. Гребцы на джонках – работники, поселяне и рыбаки – налегли на весла, и в ту же ночь лодки тайно причалили в Увэйцзюне.

Стоял конец седьмого месяца, и ночь была прохладная и безветренная. Луна ярко освещала реку, и в серебристой воде отражались очертания гор. Было примерно время первой стражи, когда все лодки, и большие и малые, подошли к берегу в Увэйцзюне. Выбрав место, где тростник был особенно густ, они выстроились в ряд. Вскоре на своем челноке подплыл Тун Мэн и доложил, что в городе все спокойно. Тогда Сун Цзян приказал выгрузить на берег мешки с песком, вязанки тростника и хвороста, а потом перенести все это поближе к городской стене. Вскоре они услышали, как отбивают время второй стражи. Тогда Сун Цзян отдал распоряжение сложить один на другой мешки с песком и вязанки с тростником и хворостом под самой городской стеной.

Держа оружие наготове, все высадились на берег. В лодках остались только Чжан Шунь, братья Юань и братья Тун, чтобы в нужный момент прийти на помощь. Остальные главари поспешили к городской стене. Взглянув на город, они увидели, что находятся в половине ли от северных ворот. Тут Сун Цзян приказал выпустить голубя с привязанным к нему свистком, и в тот же миг они увидели поднявшийся над стеной бамбуковый шест с флажком из белого шелка, развевающимся по ветру.

Сун Цзян тотчас же отдал распоряжение взобраться по мешкам на стену и поднять туда вязанки тростника и хвороста. На стене их уже поджидал Бай-шэн. Указывая рукой, он сказал:

– Вот в том переулочке как раз и находится дом Хуан Вэнь-бина.

– А где же Сюэ Юн и Хоу Цзянь? – спросил Сун Цзян.

– Они уже укрылись в доме Хуан Вэнь-бина и ждут вашего прихода, уважаемый брат, – отвечал Бай-шэн.

– А Ду Цяня и Ши Юна ты не видел? – спросил Сун Цзян.

– Они ожидают у городских ворот, – последовал ответ.

Выслушав это сообщение, Сун Цзянь спустился со своими удальцами в город и повел их прямо к дому Хуан Вэнь-бина. Здесь они увидели притаившегося под навесом Хоу Цзяня. Сун Цзянь подозвал его и на ухо сказал ему:

– Пойди отопри ворота в огород, скажи, чтобы туда отнесли тростник и хворост, и пусть Сюэ Юн подожжет все это. А потом беги к воротам дома Хуан Вэнь-бина, стучись и кричи: «У соседей пожар, разрешите перенести к вам сундуки и другие вещи». Когда же они откроют ворота, я скажу тебе, что делать дальше.

Затем Сун Цзянь отрядил людей охранять переулочек с двух концов. Тем временем Хоу Цзянь уже успел открыть на огороде ворота, и тростник и хворост быстро сложили. Потом Хоу Цзянь взял факел и передал его Сюэ Юну, чтобы тот поджег кучу хвороста, а сам бросился к дому Хуан Вэнь-бина и стал стучать в двери, крича:

– Откройте скорее ворота! У соседей пожар, разрешите перенести к вам сундуки и другие вещи.

Когда в доме услышали этот стук и взглянули на соседний двор, то действительно увидели, что там горит. Ворота тотчас же открыли, и обитатели дома выбежали на улицу. Тут Чао Гай и Сун Цзянь с остальными удальцами вбежали во двор и с боевым кличем начали расправу, убивая всех, кто попадался под руку. Вскоре вся семья Хуан Вэнь-бина, и кто был в доме, и кто вышел, большие и малые, все до единого были перебиты. Однако самого Хуан Вэнь-бина среди них не оказалось. Удальцы вынесли из дома все драгоценности и деньги, которые Хуан Вэнь-бин вымогал у населения. Затем по свистку вся вольница вышла из города, неся сундуки и ящики с добром Хуан Вэнь-бина.

Теперь следует сказать несколько слов о том, что делали Ши Юн и Ду Цянь. Заметив пламя, они выхватили свои кинжалы и перебили стражу у ворот. Потом они увидели, как жители соседних домов бросились с ведрами и лестницами к месту пожара тушить огонь. Тогда они закричали:

– Эй вы, люди! Куда бежите? Стойте! Нас здесь тысячи молодцов из Ляншаньбо. Мы пришли уничтожить Хуан Вэнь-бина и всю его родню – мы мстим за Сун Цзяня и Дай Цзуна. Жителей города мы не тронем. Расходитесь по своим домам и не вмешивайтесь не в свое дело!

Однако не все поверили этому и остановились посмотреть, что будет дальше. Но тут Ли Куй «Черный вихрь», размахивая своими топорами, ринулся прямо на них. Тогда они с криком и визгом бросились бежать, подхватив свои лестницы и ведра.

Из соседнего переулка тушить пожар выскочило также несколько стражников с веревками и крюками. Но Хуа Юн натянул тетиву своего лука и пустил стрелу – бежавший впереди споткнулся и рухнул на землю. Хуа Юн закричал:

– Кому жить надоело, пусть бежит тушить пожар!

После этого стражники отступили. А Сюэ Юн с факелом в руках бегал вокруг дома Хуан Вэнь-бина, поджигая его со всех сторон. Тем временем Ли Куй разнес своими топорами железный замок и распахнул городские ворота. Удальцы уходили из города – кто через городскую стену, а кто через ворота. Там их уже поджидали братья Юань, Чжан Хэн, Тун Вэй; все вместе они понесли захваченное добро в лодки.

А жители Увэйцзюня, узнав, что в их город пришли те самые молодцы из Ляншаньбо, которые устроили побоище на месте казни в Цзянчжоу, где было перебито множество народу, попрятались в своих домах и не показывались. Сун Цзянь со своими удальцами горевал лишь о том, что им не попался Хуан Вэнь-бин. Никем не преследуемые, они погрузились в лодки и поплыли обратно к усадьбе старого Му. Но рассказывать об этом нет надобности.

Послушайте лучше о том, как в Цзянчжоу увидели пламя пожара в Увэйцзюне, окрасившее небо в багровый цвет, и как весь город пришел в смятение. Когда об этом доложили начальнику области, у него в управлении как раз сидел Хуан Вэнь-бин. Услышав о том, что произошло, он тотчас же обратился к начальнику области:

– У нас в городе пожар, и я должен немедленно отправиться туда. Мне надо посмотреть, что там происходит.

В ответ на это начальник области приказал открыть городские ворота, выпустить Хуан Вэнь-бина и в казенной лодке пере править его через реку. Поблагодарив начальника, Хуан поспешно вышел из управления и в сопровождении своих подчиненных зашагал к реке. Переправляясь на другой берег, они видели пламя, бушующее в Увэйцзюне, воды реки казались багровыми.

– Горит около северных ворот, – заметил лодочник.

Услышав эти слова, Хуан Вэнь-бин заволновался еще больше. Когда их лодка была уже на середине реки, они вдруг заметили, что вниз по течению несется небольшой челнок. А вскоре они увидели и другой челнок, быстро приближающийся к ним. Вместо того чтобы обойти их лодку, челнок шел на сближение. Тогда один из сопровождающих Хуан Вэнь-бина закричал:

– Чья это лодка? Как вы смеее идти прямо на нас?

Тут они увидели, как в челноке поднялся здоровенный детина и, держа в руках багор, ответил:

– Мы едем в Цзянчжоу доложить о пожаре!

– А где пожар? – спросил, высунувшись из своей кабины, Хуан Вэнь-бин.

– Горит дом тунпаня Хуан Вэнь-бина у северных ворот, – отвечал человек. – Удальцы из Ляншаньбо перебили всю его семью, разграбили все его имущество, а дом все еще горит.

Услышав это, Хуан Вэнь-бин не сдержался и даже заплакал, позабыв о своем достоинстве. Тогда человек зацепил своим багром их лодку и прыгнул к ним. Хитрый и сообразительный Хуан Вэнь-бин сразу же понял, что все это неспроста, и, не раздумывая, бросился на корму, а оттуда в воду. Но тут перед ним оказалась другая лодка, и какой-то человек, тоже прыгнув в воду, одной рукой обхватил его за поясницу, другой за волосы и втащил в лодку. В это время подоспел второй челнок, и сидевший в нем удалец помог связать Хуан Вэнь-бина конопляной веревкой.

Тот, кто поймал Хуан Вэнь-бина в воде, был Чжан Шунь «Белая лента в воде». А тот, кто прыгнул в лодку с багром, был Ли Цзюнь «Дракон, пенящий воды». Сейчас они оба стояли в казенной лодке, и те, которые находились там, в страхе отбивали перед ними поклоны.

– Мы не тронем вас, – успокоил их Ли Цзюнь. – Нам надо было поймать только этого негодяя Хуан Вэнь-бина. А вы можете ехать обратно и доложить вашему начальнику Цай Цзю, этому разбойнику и ослу, что удалцы из Ляншаньбо пока что оставляют ему на плечах его ослиную голову. Но рано или поздно мы придем и за ней!

– Мы все передадим, – ответил лодочник, дрожа от страха.

После этого Ли Цзюнь и Чжан Шунь перетащили Хуан Вэнь-бина на челнок, а казенную лодку отпустили на волю. Затем быстроходные челноки направились прямо к усадьбе почтенного Му.

Вскоре они причалили к берегу и увидели, что там главари уже выгружают добычу и поджидают их возвращения. Узнав о том, что Хуан Вэнь-бин пойман, Сун Цзян не мог сдержат своей бурной радости. Все были очень довольны и говорили:

– Вот на него-то мы и хотели посмотреть.

Между тем Ли Цзюнь и Чжан Шунь выволокли Хуан Вэнь-бина на берег. Все с любопытством рассматривали его и в то же время крепко охраняли. Наконец все отправились к усадьбе почтенного Му. Там их встретили Чжу Гуй и Сун Вань; когда все уселись, Сун Цзян сорвал с Хуан Вэнь-бина мокрую одежду и привязал его к стволу ивы. Главари расположились кругом; им подали кувшин вина и налили в чашки. А когда вино поднесли всем тридцати главарям, начиная от Чао Гая и кончая Бай-шэ-ном, Сун Цзян принялся громко бранить Хуан Вэнь-бина:

– Какой же ты мерзавец! Ведь у нас с тобой, негодяй, ни в прошлом, ни в настоящем ссор не было. Так почему же ты решил погубить меня, подстрекая начальника области Цай

Цзю непременно уничтожить нас с Дай Цзуном? Ты читал книги древних мудрецов, так как же ты мог идти на такие подлые дела? Между нами не было такой вражды, которая требует кровавой мести! Хотя Хуан Вэнь-е и приходится тебе кровным братом, но он добродетельный и справедливый человек. Я давно слышал, что в вашем городе все называют его «Желтолицый будда». Прошлой ночью мы не нанесли ему ни малейшего ущерба. А ты, подлец, только и делал, что вредил людям, всегда старался сблизиться лишь с теми, у кого была власть и сила, заискивал перед начальством и угнетал простой народ. Нам известно, что в Увэй-цзюне тебя прозвали «Жало желтой осы». Вот сегодня мы и хотим вырвать у тебя это жало!

– Я признаю себя виновным, – сказал на это Хуан Вэнь-бин, – и прошу только об одном – поскорее прикончить меня. – Ах ты, разбойник и осел! – закричал тут Чао Гай – умереть еще успеешь! Если б ты знал, что наступит сегодняшний день, так пожалел бы, что родился на свет!

– Ну, кто из вас, братья, хочет постараться для меня? – спросил тут Сун Цзян.

– Я готов разрезать этого мерзавца на куски, – сразу же вскочил при этих словах Ли Куй. Взяв в руки острый кинжал, он по смотрел на Хуан Вэнь-бина и с улыбкой сказал: – Так ты, мерзавец, во внутренних покоях начальника области занимался тем, что оговаривал честных людей и старался им нанести вред? Ты выдумывал всякие небылицы и подстрекал его на злодеяния? А теперь хочешь поскорее умереть? А вот мне не хочется, чтобы ты умер скорой смертью!

И с этими словами Ли Куй стал срезать мясо с ног Хуан Вэнь-бина, а потом рассек ему грудь и вынул сердце и печень, необходимые для приготовления отвара, который пьют удалыцы с похмелья.

Когда все тело Хуан Вэнь-бина было разрезано, главари собрались в приемных комнатах дома и принесли Сун Цзяну свои поздравления. Но Сун Цзян первый опустился перед ними на колени. Тогда они тоже поспешили стать на колени и, обращаясь к нему, сказали:

– Почтенный брат наш, какая у вас еще тревога на сердце? Выскажите ее нам. Мы готовы выслушать всё.

– Я человек бесталаный и с малых лет стал писцом, – отвечал Сун Цзян. – С тех пор как я вырос, у меня не было иного желания, как только подружиться с вольным человеком Поднебесной. Однако по слабости своей и по невежеству я так и не смог выполнить желания всей моей жизни. Меня заклеямили и сослали в Цзян-чжоу, но я глубоко растроган тем вниманием, которое оказали мне почтенный брат Чао Гай и остальные герои. Они всеми силами старались удержать меня в горном стане, однако тогда я должен был выполнить волю моего отца и не мог остаться с ними. Небо послало мне счастливый случай: мне пришлось ехать по реке Сюньянц-зян, и там я повстречался со многими храбрыми молодцами. Кто мог думать, что придет день, когда я напьюсь допьяна, напишу сумасбродные слова и тем навлеку смертельную опасность и на начальника тюрем Дай Цзуна. Я хочу сейчас выразить вам, доблестные герои, самую сердечную благодарность за то, что вы, не щадя своей жизни, пошли, можно сказать, в логово тигра, в пещеру дракона, чтобы спасти мою ничтожную жизнь! И благодаря вашей помощи я отомщен. Однако сейчас, когда мы учинили разгром в двух окружных городах, власти, конечно, донесут об этом императору. И теперь у меня нет иного выхода, как только обратиться к вам, дорогие друзья, с просьбой дать мне убежище в вашем стане в Лян-шаньбо. Я не знаю, что об этом думают остальные удалыцы, но если они хотят следовать вместе со мной, то надо собираться в дорогу. Те же, кто не хочет идти в горы, могут выбрать себе другой путь. Боюсь только, что когда это дело раскроется, то им...

Но не успел он закончить, как Ли Куй вскочил и закричал:

– Да что там долго разговаривать, – мы все пойдем! А если кто откажется – тот узнает, каков мой топор! Одним ударом рассеку надвое, и дело с концом!

– Зачем же угрожать, – возразил Сун Цзян. – Пойдет только тот, кто сам выразит желание.

Все обсудили этот вопрос и решили, что теперь за ними непременно будут охотиться императорские войска, чтобы переловить виновников побоища в обоих городах. Поэтому лучше всего пойти со старшим братом Сун Цзяном, на жизнь и на смерть связав с ним свою судьбу.

Выслушав это решение, Сун Цзян очень обрадовался и поблагодарил своих друзей за верность. В тот же день они решили отправить в лагерь с сообщением Чжу Гуя и Сунь Ваня и следовать за ними, разделившись на пять отрядов. В первом должны были идти Чао Гай, Сун Цзян, Хуа Юн, Дай Цзун и Ли Куй; во втором – Лю Тан, Ду Цянь, Ши Юн, Сюэ Юн и Хоу Цзянь; в третьем – Ли Цзюнь, Ли Ли, Люй Фан, Го Шэн, Тун Вэй и Тун Мэн; в четвертом – Хуан Синь, Чжан Шунь, Чжан Хэн и три брата Юань и в пятом отряде – Му Хун, Му Чунь, Янь Шунь, Коротколапый тигр Ван, Чжэн Тянь-шоу и Бай-шэн. В пяти отрядах было двадцать восемь главарей, которые вели за собой остальных удальцов. Имущество и ценности, которые они захватили в доме Хуан Вэнь-би-на, были разделены на несколько частей и погружены на повозки. Му Хун взял с собой и своего старого отца – почтенного Му и всю семью. Имущество и пожитки они также погрузили на повозки.

Некоторые работники Му Хуна не пожелали идти вместе с ним, и он, оставив им небольшую сумму денег, разрешил искать работу где-нибудь в другом месте. Тех же, кто согласился идти, он взял с собой. Первые четыре отряда один за другим отправились в путь. Наконец и Му Хун, закончив все приготовления, взял несколько факелов и поджег свою усадьбу со всех сторон. Бросив землю на произвол судьбы, он также двинулся по направлению к горному стану Ляншаньбо.

Здесь нет надобности подробно рассказывать о том, как все пять отрядов следовали друг за другом на расстоянии в двадцать ли. Поговорим о первом отряде, во главе которого были Чао Гай, Сун Цзян, Хуа Юн, Дай Цзун и Ли Куй. Все они ехали верхом на конях и спустя три дня приблизились к горе, носившей название Хуанмыньшань – «Желтые ворота».

– Уж очень зловещей кажется эта гора, – промолвил Сун Цзян, следуя на своем коне за Чао Гаем. – Здесь непременно должна быть большая шайка разбойников. Надо послать людей, чтобы поскорей подтянуть все наши отряды, и тогда мы все вместе перевалим через эту гору.

Не успел он договорить, как впереди у подножия горы послышались удары гонга и грохот барабанов.

– Ну вот, так я и знал! – воскликнул Сун Цзян. – Надо пока остановиться и подождать остальных. Потом дадим бой.

Хуа Юн взял лук, вынул стрелы и приготовился к битве. Чао Гай и Дай Цзун обнажили свои мечи, а Ли Куй взял в руки топоры; все они приготовились защищать Сун Цзяна и, подстегнув коней, выехали вперед. В этот момент они увидели, как с горы сошел отряд разбойников не менее пятисот человек. Впереди, окруженные отрядом, ехали четыре всадника. Все они были вооружены и вызывающе кричали:

– Эй вы! Устроили побоище в Цзянчжоу, разграбили Увэй-цзюнь, перебили много войска и населения, а теперь возвращаетесь в Ляншаньбо? Мы уже давно поджидаем вас здесь! Если вы люди толковые, то оставьте нам Сун Цзяна, а остальных мы не тронем.

Услышав это, Сун Цзян выступил вперед и, низко склонившись перед разбойниками, промолвил:

– Я Сун Цзян – ничтожный человек – был обижен и не имел возможности отомстить за свою обиду. Тогда храбрые молодцы собрались с разных концов, чтобы спасти мою жизнь. А вот сейчас я никак не могу вспомнить, доблестные герои, когда и чем оскорбил вас. Надеюсь, вы будете великодушны и пощадите мою жалкую жизнь.

Когда четыре всадника увидели, что Сун Цзян встал перед ними на колени, они сошли со своих коней и, отбросив оружие, низко склонились перед Сун Цзяном.

– Мы, четверо братьев, только слышали ваше прославленное имя – Благодатный дождь из Шаньдуна – Сун Гун-мин. Но, несмотря на все наше желание, нам так и не представилось случая встретиться с вами. И вот, когда мы услышали, что власти в Цзянчжоу привлекли вас к ответственности по какому-то делу, мы твердо решили идти туда и освободить вас из тюрьмы. Однако нам не удалось получить точные сведения, и мы послали в Цзянчжоу своего человека разведать там обстановку. Вернувшись, он сообщил нам о побоище на месте казни в Цзянчжоу и о том, что какие-то удалыцы спасли вас и все вы отправились в городок Цзеянчжэнь. Дошли до нас слухи и о том, как вы устроили пожар в Увэйцзюне и разорили дом Хуан Вэнь-бина. Тогда мы подумали, что вы обязательно должны пройти этой дорогой и ежедневно посылали сюда дозорных. Узнав, что на дороге показались какие-то отряды и боясь попасть впросак, принять кого-нибудь другого за вас, мы и придумали обратиться к неизвестным всадникам с дерзкими вопросами. Конечно, мы этим оскорбили вас и просим великодушно простить нашу вину. Сегодня наконец нам посчастливилось встретить вас, и в нашем стане для этого случая есть скромное вино и простая еда. Мы надеемся отпраздновать нашу встречу и поэтому приглашаем всех удалыцов пожаловать в наш лагерь и немного отдохнуть у нас.

Выслушав их, Сун Цзян очень обрадовался и, помогая незнакомцам подняться с колен, просил назвать свои имена. Тот, кто был впереди других, назывался Оу Пэн, родом из Хуанчжоу. В свое время он служил в военной охране на реке, но однажды оскорбил начальника, и ему пришлось бежать. Так он стал бродить по свету, пока не присоединился к лесным молодцам. Там его прозвали «Орел золотокрылый». Второго молодца звали Цзян Цзин; он был родом из Таньчжоу, провинции Хунань. Когда-то он держал экзамены на ученую степень, но провалился, бросил книги и взялся за оружие. Цзян Цзин был искусен в военной стратегии, каллиграфии и в вычислениях. В самых сложных вычислениях он никогда не допускал ни малейшей ошибки. Кроме того, он прекрасно владел пикой и палицей, а также и искусством военного строя. Прозвище его было Волшебный математик. Третьего удалыца звали Ма Лин. Он был родом из Цзинь-лина и выходцем из семьи, принадлежавшей к вольному люду; хорошо играл на двойной металлической флейте и в совершенстве владел длинным мечом. Он мог свободно справиться с сотней противников. Народ прозвал его «Чудесный флейтист». Имя четвертого было Тао Цзун-ван, родом он был из Гуанчжоу, происходил из крестьянской семьи, обладал огромной силой и ловко работал железной лопатой и умел обращаться с копьем и мечом. В народе его прозвали «Девятихвостая черепаха».

И вот эти четыре молодца, встретив Сун Цзяна, приказали своим людям принести плетеные корзины и достали оттуда большой кувшин вина и два блюда мяса. Сначала угощение поднесли Чао Гаю и Сун Цзяну, потом – Хуа Юну, Дай Цзуну и Ли Кую, а затем и всем остальным. Не прошло и время трех страж, как к ним подошел второй отряд. Снова началась церемония знакомства и приветствий, после которой пришедшим также преподнесли вина. Затем все направились в горы. И вот десять главарей из первых двух отрядов попали в лагерь на горе Хуанмыньшань.

Тут хозяева – четыре удалыца распорядились зарезать коров и лошадей и устроили торжественный пир в честь своих гостей. На дороге были оставлены дозорные, которым приказано было дожидаться, пока подойдут остальные три отряда с восемнадцатью главарями, и затем привести их в лагерь на пиршество.

Не прошло и полдня, как остальные отряды появились в лагере. Тогда все собрались в парадном помещении и заняли места за общим столом. Во время пира, за беседой, Сун Цзян между прочим сказал, обращаясь к четырем хозяевам:

– Я просил нашего старшего брата, «Небесного князя» Чао Гая, предоставить мне убежище в стане Ляншаньбо и вместе бороться за справедливое дело. Не знаю, доблестные братья, есть ли и у вас желание оставить это место, отправиться вместе с нами и жить одним большим лагерем в Ляншаньбо?

– Если вы, благородные мужи, оказываете нам, недостойным, такую великую честь, то мы готовы всю жизнь носить ваши плетки и повсюду сопровождать вас с фонарем, – в один голос отвечали четверо главарей.

– Раз вы, бесстрашные герои, согласны бороться вместе с нами за правое дело, то готовьтесь в дорогу, и все мы пойдем в Ляншаньбо, – радостно сказали Сун Цзян и Чао Гай.

Все остальные вожаки также остались этим очень довольны. Переночевав в стане, они на другой же день тронулись в путь. Впереди, как и раньше, выступали Сун Цзян и Чао Гай. А за ними в прежнем порядке двигались и остальные отряды на расстоянии двадцати ли друг от друга. Уходившие вместе с ними четыре главаря, собрав все свои пожитки и ценности, подожгли покинутый лагерь и возглавили шестой отряд в пятьсот человек.

Сун Цзян был очень рад, что ему удалось присоединить силы этих четырех удальцов. Сидя на коне, он ехал рядом с Чао Гаем и вел с ним беседу:

– Правда, за время моих странствий мне пришлось пережить немало страхов, но зато я повстречался со многими хорошими людьми. И теперь, когда я опять еду, дорогой брат, к вам в лагерь, в моем сердце установилось спокойствие. Я твердо решил навсегда связать свою судьбу с вашей.

Так, беседуя всю дорогу о всякой всячине, они незаметно добрались до кабака Чжу Гуя.

Здесь следует сказать о том, что четыре вожака, остававшиеся в Ляншаньбо охранять лагерь, – У Юн, Гун-Сунь Шэн, Линь Чун и Цинь Мин, вместе с двумя вновь прибывшими – Сяо Жаном и Цзинь Да-цзянем, уже знали от Чжу Гуя и Сунь Ваня о скором возвращении ушедших в поход. Они каждый день выслали на лодках дозорных к кабаку, чтобы не опоздать со встречей. А когда отряды стали переправляться в Цзиньшатань, их встретили барабанным боем и музыкой. Предводители прибыли в лагерь, кто верхом, а кто на носилках. У первых ворот их встречали с вином шесть главарей во главе с У Юном. Потом все собрались в парадном зале и здесь совершили возжигание благовонных свечей.

После этого Чао Гай обратился к Сун Цзяну с просьбой возглавлять лагерь и сесть на почетное место. Но мог ли Сун Цзян принять такое предложение?

– Вы ошибаетесь, почтенный брат мой, – возразил он Чао Гаю. – Я благодарю вас, дорогие друзья, за то, что вы не побоялись взяться за оружие и вызволить меня из смертельной опасности. Но вы, почтенный брат мой, и прежде были предводителем лагеря, так зачем же сейчас уступать это место такому недостойному человеку, как я! Не вздумайте настаивать – я готов скорее умереть, чем принять ваше высокое предложение.

– Уважаемый брат мой, – отвечал на это Чао Гай. – Зачем же вы говорите такие слова? Если бы вы раньше не взяли на себя бремя, тяжелое, как море крови, и не спасли жизнь нам семерым, а потом еще не помогли переправиться в этот лагерь, то разве имели бы мы счастье сегодня собраться здесь? Вы действительно милостивый покровитель нашего лагеря! И если вы откажетесь занять место начальника, то кто может быть достоин этого?

– Почтенный брат мой, – сказал Сун Цзян, – вы старше меня на десять лет. Мне просто совестно занять такое почетное место!

И только после долгих споров и уговоров Чао Гаю пришлось согласиться остаться на посту предводителя стана. Второе место занял Сун Цзян, третье – У Юн, четвертое – Гун-Сунь Шэн. Затем Сун Цзян сказал:

– Сейчас мы не будем заниматься распределением обязанностей в зависимости от прежних заслуг наших старших братьев. Пусть хозяева сядут в ряд по левую сторону, а вновь прибывшие займут места гостей – справа. Придет время, когда мы распределим посты в зависимости от тех стараний, которые проявит каждый из нас.

– Вот это правильно! – раздалась одобрительные возгласы.

Итак, с левой стороны сели в ряд Линь Чун, Лю Тан, Юань Сяо-эр, Юань Сяо-у, Юань Сяо-ци, Ду Цянь, Сунь Вань, Чжу Гуй, Бай-шэн, а с правой, вежливо уступая друг другу места,

расселись по старшинству Хуа Юн, Цинь Мин, Хуан Синь, Дай Цзун, Ли Куй, Ли Цзюнь, Му Хун, Чжан Хэн, Чжан Шунь, Янь Шунь, Люй Фан, Го Шэн, Сяо Жан, «Коротколапый тигр» Ван, Сюэ Юн, Цзинь Да-цзянь, Му Чунь, Ли Ли, Оу Пэн, Цзян Цзин, Тун Вэй, Тун Мэн, Ма Линь, Ши Юн, Хоу Цзянь, Чжэн Тянь-шоу и Тао Цзун-ван. Итак, за стол уселось всего сорок главарей и под звуки музыки и бой барабанов началось пиршество и взаимные поздравления по случаю объединения.

Когда же речь зашла о том, почему начальник области Цай Цзю поверил сплетням и начал дело против Сун Цзяна, последний рассказал присутствующим как все было:

– Это затеял мерзавец Хуан Вэнь-бин! Берясь не за свое дело, он вздумал толковать начальнику области слова песенки, которую распевали мальчишки на улицах столицы. Так, прочитав первые строки: «Знайте: дом и дерево – для всей страны беда», – он разъяснил, что несчастье Поднебесной принесет человек по фамилии Сун, так как этот фамильный знак состоит из иероглифов «дом» вверху и «дерево» – внизу. А прочитав следующие строчки: «А глава разбойников – работа и вода», – он растолковал, что человек, который носит имя, состоящее из знаков «вода» и «работа», поднимет восстание. Но ведь это же и есть имя Цзян. И все это указывает на меня – Сун Цзяна. А последние две строчки песенки: «Города шаньдунские зажгут со всех концов!» – означают, что я, Сун Цзян, подыму мятеж в Шаньдуне. Поэтому-то начальник области и схватил меня. Ну а тут еще Дай Цзун неожиданно принес ему фальшивое письмо, и тот же Хуан Вэнь-бин уговорил начальника раньше казнить нас двоих, а потом уже донести об этом императору. И если бы не ваша помощь, дорогие друзья, – закончил Сун Цзян, – разве могли бы мы сегодня собраться здесь вместе?

– Ладно! – закричал Ли Куй, вскочив с места. – Вы, почтенный брат, выполняете веление неба! И хотя вам пришлось пострадать, но зато я разрезал Хуан Вэнь-бина на куски так, что любо-дорого смотреть! Теперь нам бояться нечего. У нас большое войско, и мы можем смело поднять мятеж! Старший брат Чао Гай будет главным императором великих Сунов, а брат Сун Цзян – малым сунским императором. Господин У Юн станет первым министром, а господин Гун-Сунь Шэн первым наставником. А все мы станем полководцами и проложим себе с боем дорогу в Восточную столицу, захватим там этот проклятый трон и будем жить в свое удовольствие! Уж, наверно, там будет получше, чем в этой чертовой дыре.

– Железный бык! – поспешил остановить его Дай Цзун. – Ну что за ерунду ты несешь! Теперь, когда ты попал сюда, ты не должен больше показывать свой нрав, как это делал в Цзянчжоу. Ты должен выполнять распоряжения и прислушиваться к словам двух наших старших братьев. Нельзя распускать язык и болтать всякую чушь! Если ты позволишь себе еще раз прервать разговор старших, тогда придется снять тебе башку для остротки остальным.

– Ай-я! – испуганно воскликнул Ли Куй. – Если мне снесут голову, так когда же это у меня вырастет другая? Нет, уж лучше буду пить вино и помалкивать!

Его слова вызвали общий смех. Затем Сун Цзян опять заговорил о необходимости готовиться к боям с правительственными войсками.

– Помню, когда вы впервые предложили мне остаться с вами, я сильно испугался. Вот уж не думал, что может наступить такой день, когда я сам заговорю об этом.

– Если бы, уважаемый брат, вы тогда послушались меня, – вступил в разговор У Юн, – то жили бы здесь спокойно, вам не пришлось бы отправляться в Цзянчжоу, и вы были бы избавлены от многих бедствий. Но, очевидно, все это было предопределено небом.

– А где сейчас этот мерзавец Хуан Ань? – поинтересовался Сун Цзян.

– Он прожил месяца три, потом заболел и умер, – сказал Чао Гай.

Сун Цзян только тяжело вздохнул.

На этом пиру все они были безмерно счастливы.

Чао Гай заранее распорядился, чтобы семью почтенного Му хорошо устроили. Затем он приказал выдать награды из захваченного имущества Хуан Вэнь-бина всем, кто проявил

особенные старания. После этого принесли корзинки с подарками, которые здесь оставил Дай Цзун, и передали их в его распоряжение. Однако последний наотрез отказался взять эти корзины, и тогда было решено передать их в общую казну.

Затем Чао Гай приказал всем разбойникам воздать положенные почести новым предводителям – Ли Цзюню и другим.

Еще несколько дней подряд в горном стане продолжалось празднество – резали скот и пировали, но говорить об этом больше нет надобности.

Расскажем лучше о том, как Чао Гай распорядился, чтобы каждый построил себе возле лагеря дом и обосновался там на житье. Несколько домов было построено и внутри лагеря. Стену, окружавшую стан, починили.

Это было на третий день торжества, когда Сун Цзян поднялся из-за стола и, обращаясь к остальным главарям, сказал:

– У меня есть еще одно дело, и я хочу просить вас, дорогие друзья, отпустить меня на несколько дней. Мне необходимо еще раз уйти из лагеря. Не знаю только, согласитесь ли вы на это?

– Почтенный брат, куда же вы опять хотите идти и что у вас за важное дело? – спросил Чао Гай.

И тогда Сун Цзян, помедлив, назвал место, куда он собирался идти. И уж, наверно, так было на роду написано, что он

Прорвался сквозь чащу кинжалов и пик,
Прошел невредимым сквозь тысячи бед,
А после, взобравшись на гибельный пик,
Стяжал себе славу на тысячи лет.

Поистине, как говорится:

От богини три свитка он в дар получил
И в глубины познания проник.
О делах незапятнанной жизни своей
Нам оставил он несколько книг.

Куда пошел Сун Цзян на этот раз, вы узнаете из следующей главы.

Глава сорок вторая
***Сун Цзян встречается с богиней девятого
неба Сюань-ньюй в деревне Хуаньдаоцунь.
Он получает от богини Небесную книгу***

Итак, Сун Цзян во время пира заговорил о том, что ему придется еще раз покинуть лагерь.

– Вы спасли меня, – сказал он, – и привели к себе на гору. Вот уж несколько дней, как мы веселимся, и я чувствую себя вполне счастливым. Но я не знаю, что с моим старым отцом. Если начальник области Цзянчжоу доложит обо всем в столицу, то, несомненно, в Цзичжоу будет послано распоряжение арестовать мою семью в Юньчэне. Моему отцу грозит опасность. И мне пришла в голову мысль перевезти его сюда. Тогда уж я буду спокоен. Вот только не знаю, позволите ли вы мне это сделать, дорогие друзья. – Почтенный брат, – отвечал Чао Гай, – отношения между отцом и сыном – самые главные отношения между людьми. Могу ли я задерживать вас здесь на пиршестве, когда ваш старый отец страдает дома? И как можем мы не согласиться с вашим желанием? Но вот только остальные наши братья тоже изрядно натерпелись в эти дни

и еще не привели себя в порядок. Хорошо, если б вы подождали день-два, пока мы выясним, сколько у нас народу и лошадей. А потом вы можете идти за своим отцом.

– Да, несколько лишних дней как будто ничего не значат, дорогой брат, – сказал Сун Цзян. – Только боюсь, что из Цзянчжоу могут послать срочное распоряжение в Цзичжоу схватить мою семью. Поэтому опасно откладывать, да я и не хочу брать с собой много людей. Пойду тайком один и вместе с моим братом Сун Цином постараюсь быстро переправить отца сюда в горы, так что ни одна душа в нашем селении не узнает об этом. А если со мной будет много народу, это может вызвать целый переполох, и мы испортим все дело.

– А вдруг по дороге с вами случится какая-нибудь беда, дорогой брат, ведь некому будет даже помочь вам, – возразил Чао Гай.

– Ради отца я и смерть приму безропотно, – отвечал Сун Цзян.

И, несмотря ни на какие уговоры, он твердо решил отправиться в путь в тот же день. Надев войлочную шляпу и привязав к поясу кинжал, он взял короткую палицу и пошел с горы. Все главари провожали его до Цзиньшатаня, а потом возвратились обратно.

Переправившись через озеро, Сун Цзян очутился на берегу около кабачка Чжу Гуя, а оттуда пошел по дороге к Юньчэну. Ему приходилось испытывать голод и жажду. К концу пути, торопясь поскорее дойти до своего селения, он нигде не останавливался, пока не стемнело, но до дома так и не добрался. Тогда он завернул на постоянный двор. На следующее утро он отправился дальше, но пришел домой очень рано и спрятался в лесу. Переждав там до наступления вечера, он подошел к усадьбе и постучал в задние ворота. На его стук вышел Сун Цин. Увидев своего старшего брата, он от испуга даже вздрогнул и быстро спросил:

– Дорогой брат, как же это ты пришел домой?

– Я пришел только затем, чтобы увести отсюда отца и тебя, – отвечал Сун Цзян.

– Дорогой брат, о том, что ты сделал в Цзянчжоу, здесь уже всем известно, – сказал Сун Цин. – В нашем селении два начальника охраны ведут наблюдение за нашим домом – надеются поймать тебя. Мы находимся под надзором и не можем никуда двинуться. Ждут только распоряжения из Цзянчжоу, чтобы схватить нас, посадить в тюрьму и держать там до тех пор, пока не найдут тебя. И днем и ночью около двухсот охранников разыскивают тебя. Медлить нельзя, быстрее возвращайся в Ляншаньбо и попроси главарей прийти и спасти твоих отца и брата.

Выслушав, Сун Цзян до того перепугался, что весь покрылся холодным потом и, не осмеливаясь войти в дом, поспешно зашагал обратно в Ляншаньбо. В ту ночь луна светила тускло, и он не мог даже как следует разглядеть дорогу. Выбрав маленькую и уединенную тропинку, Сун Цзян пошел по ней. Прошло время одной стражи, и вдруг позади послышались крики. Сун Цзян остановился и прислушался: крики раздавались менее чем в двух ли от него. Затем он увидел множество пылающих факелов и услышал возгласы:

– Сун Цзян, остановись!

Но он торопливо шел вперед и думал про себя: «Не послушался я Чао Гая, вот и попал в беду. О небо! Сжался! Спаси Сун Цзяна!»

И вдруг впереди он заметил строения и пошел прямо туда. Вскоре ветер рассеял легкие облака и на небе показалась яркая луна. Тут только Сун Цзян понял, куда он попал, и от горя даже застонал. Это место называлось Хуаньдаоцунь – «Деревня без сквозного проезда».

Со всех сторон она была окружена высокими отвесными неприступными горами, а у подножья гор бежал бурный поток. В эту деревню вела только одна дорога. Всякий, кто приходил сюда с правой стороны, должен был уходить налево, так как никакой другой дороги здесь не было.

Сун Цзян знал это место и уж совсем было решил повернуть обратно, но преследователи успели преградить ему путь; от света их факелов было светло как днем.

Сун Цзяну ничего не оставалось, как поспешить вперед и искать убежища в деревне. Он пробирался лесом и вскоре очутился возле старого храма. Толкнув обеими руками ворота,

он вошел в храм и, осмотрев при свете луны все залы, не нашел уголка, где можно было бы укрыться. На сердце Сун Цзяна стало еще более тревожно. Тут он вдруг услышал, как кто-то снаружи сказал: «Начальник, он вошел в храм».

Сун Цзян узнал голос Чжао Нэна, но в сильном волнении так и не мог найти места, где бы спрятаться. Вдруг он заметил нишу, где стояла статуя бога – покровителя здешних мест. Сун Цзян отдернул занавес и вполз туда. Поставив свою палицу и свернувшись в клубок, он спрятался за статуей, не смея перевести дыхания. И сразу же услышал, как люди с факелами вошли в храм. Осторожно выглянув, Сун Цзян увидел Чжао Нэна и Чжао Дэ, а за ними еще человек пятьдесят. При свете факелов они осматривали храм. Наконец дошли до зала, где находился Сун Цзян. «Ну, теперь мне конец», – подумал тот. И стал повторять про себя: «Боги, спасите меня!»

Один за другим преследователи проходили мимо него, и никто из них не заглянул в нишу. «О небо, сжался надо мной!» – снова пробормотал Сун Цзян. И тут он увидел, как Чжао Дэ с факелом направляется к нише. «Ну, теперь все кончено», – опять подумал Сун Цзян. А Чжао Дэ, взяв кинжал, рукояткой отодвинул занавес и осветил факелом нишу снизу доверху. Но факел вдруг задымил, облако черной копоти ударило в глаза Чжао Дэ и ослепило его. Он бросил факел на землю, затоптал его ногой и, выйдя из зала, сказал:

– Этой твари в храме нет. Но ведь здесь всего одна дорога! Куда же он мог уйти?

– Больше некуда, как только вон в тот лес на горе, – отвечали стражники. – Нечего бояться, что он может уйти отсюда. Дорога-то ведь здесь одна, недаром деревня называется Хуань-даоцунь. Кругом высокие горы и леса, но нет ни одной тропинки, по которой можно было бы пройти. Вы, господин начальник, поставьте охрану у входа в деревню. И даже будь у него крылья, он и тогда не уйдет от нас! Вот рассветет, тогда мы пойдем в деревню и поищем его там.

– Ладно, – согласились Чжао Нэн и Чжао Дэ.

Они вывели стражников из храма, и Сун Цзян подумал: «Разве это не бог защитил меня? Если мне удастся спастись, то я почию этот храм и сделаю новый зал...»

Вдруг он услышал, как несколько голосов закричали у ворот кумирни:

– Начальник, он здесь!

Тогда Чжао Нэн, Чжао Дэ и другие бросились обратно к храму, и Сун Цзян снова сказал про себя: «Ну, разве у меня не злая судьба! Уж сейчас-то они, конечно, захватят меня живым!» А Чжан Нэн, остановившись у ворот храма, спросил:

– Где же он?

– Пойдите сюда, начальник, и посмотрите! Вот здесь на воротах пыльные отпечатки пальцев! Он, наверно, только что открыл эти ворота и спрятался внутри.

– Ты прав! – отвечал Чжао Нэн. – Обыщите еще раз как следует.

Охранники опять вошли в храм и принялись за поиски. А Сун Цзян думал: «И до чего же несчастная моя судьба. Уж теперь-то мне наверняка конец пришел!» Преследователи обошли храм, обыскали и перевернули все, за исключением разве кирпичей стен. Войдя в зал, где находился Сун Цзян, Чжао Нэн сказал:

– Он должен быть в этой нише. Вы плохо искали там! Сейчас я сам посмотрю.

Солдат держал факел, а Чжао Нэн откинул занавес, и человек пять-шесть просунули свои головы в нишу. Не загляни они туда, не случилось бы никакой беды. Но как только они заглянули, из ниши подул свирепый ветер и погасил все факелы: в храме наступила такая темнота, что никто не видел друг друга.

– Вот странно! – удивился Чжао Нэн. – Откуда взялся вихрь в таком закрытом месте? Не иначе как боги прогневались на нас за то, что мы разгуливаем тут с факелами, и послали сильный ветер. Пойдемте-ка отсюда. Лучше будем охранять проход в деревню, а на рассвете опять возьмемся за поиски.

– А все-таки эту нишу мы как следует не осмотрели, – заметил Чжао Дэ. – Давайте попробуем пикой.

– Дельно говоришь! – поддержал Чжао Нэн.

Но только они хотели приблизиться, как снаружи опять задул ужасный вихрь, подымая в воздух песок и камни, казалось, что храм вот-вот перевернется. Черное облако спустилось и окутало все вокруг. Кровь застыла в жилах у людей от страха, и волосы встали дыбом. Тут Чжао Нэн, видя, что дело плохо, подозвал Чжао Дэ и сказал:

– Уйдем отсюда поскорее, брат! Боги прогневались!

И все ринулись из зала. Одни в спешке падали, другие, натываясь на них, тоже валились наземь и ползком пробирались к дверям храма. Вырвавшись наружу, они вдруг услышали, как кто-то позади кричит: «Пощади нас!»

Чжао Нэн повернул обратно посмотреть, что там случилось, и увидел несколько солдат, которые упали со ступенек, зацепившись одеждой за деревья, и никак не могли освободиться. Они побросали свои мечи и, дергая изо всех сил одежду, вопили о пощаде.

Притаившись в нише, Сун Цзян слышал все это и едва сдерживал смех.

Чжао Нэн высвободил солдат и вывел за ворота, где их встретили такими словами:

– Мы же говорили, что этот бог очень строгий, зачем же вам надо было затевать все это дело в храме? А теперь вы еще вызвали маленьких злых духов! Пойдемте охранять дорогу. Не может же беглец улететь!

– Правильно, – сказали Чжао Нэн и Чжао Дэ. – Мы должны охранять дорогу, и все!

И все они двинулись к единственной в деревне дороге. А теперь расскажем о Сун Цзяне, который сидел в нише и горестно восклицал:

– Хоть и не схватили меня, но как же мне теперь уйти?

Размышляя и строя множество планов, из которых ни один не мог его спасти, Сун Цзян вдруг услышал, как из другого входа кто-то вошел в кумирню. И снова его охватила дрожь. «Опять беда! — подумал он. – Хорошо, что я еще не вышел отсюда!»

Два отрока в темных одеждах подошли к нише и сказали:

– Повелитель звезд, вас приглашает к себе богиня и хочет побеседовать с вами.

Но Сун Цзян не осмеливался ответить на такое приглашение. И отроки, стоявшие у ниши, снова сказали:

– Ведь вас приглашает сама богиня, и вы, Повелитель звезд, можете идти свободно.

Но Сун Цзян и теперь не решался произнести хоть слово. Тогда отроки промолвили:

– Повелитель звезд, Сун Цзян, не медлите! Богиня давно ждет вас.

Их голоса показались Сун Цзяну нежными, как пение иволги или щебет ласточек, совсем не похожими на голоса мужчин. Высунувшись, он увидел двух девушек, стоящих по обе стороны ниши. Но тут Сун Цзян даже вздрогнул от испуга: это оказались не девушки, а две статуи, сделанные из глины. И снова до него донеслись слова: «Повелитель звезд, Сун Цзян, богиня ждет тебя».

Сун Цзян раздвинул занавес и вышел. Здесь он увидел двух девушек в темных платьях; волосы их были высоко уложены. Обе они низко склонились перед Сун Цзяном. И он спросил их:

– Откуда вы, священные девы?

– Мы выполняем волю нашей богини и приглашаем Повелителя звезд пройти во дворец, – отвечали девушки.

– Священные девы, вы ошибаетесь. Мое имя Сун Цзян, но я не Повелитель звезд.

– Никакой ошибки тут нет. Просим вас, Повелитель звезд, пойти с нами. Богиня давно уже ждет вас, – твердили девушки.

– Какая богиня? – спросил Сун Цзян. – Ведь я никогда не поклонялся ей, как же я осмелюсь предстать перед ней?

– Когда вы придете туда, Повелитель звезд, то все узнаете сами, – сказали девушки, – а сейчас ни о чем не спрашивайте. – А где же богиня?

– Она во внутреннем зале.

После этого девушки пошли впереди, а Сун Цзян последовал за ними. Обойдя внутренний зал, они очутились перед боковой дверью в стене.

– Повелитель звезд, господин Сун Цзян, войдите сюда, – пригласили девушки.

Вместе с ними Сун Цзян вышел в маленькую дверь и, оглядевшись, увидел луну и усеянное звездами небо. Легкий ветер доносил до него волны аромата. Со всех сторон здесь был густой лес и высокий бамбук. Сун Цзян подумал: «Так вот, оказывается, какое место за храмом! Знай я об этом раньше, спрятался бы здесь, и не пришлось бы мне пережить весь этот страх».

Шагая вперед, Сун Цзян заметил, что вдоль низких стен в два ряда растут огромные сосны со стволами, более чем в два обхвата. И дорога меж этими стенами была гладкая, как панцирь черепахи. «Кто бы мог подумать, что позади старого храма есть такая хорошая дорога?» – сказал себе Сун Цзян.

Пройдя вслед за девушками не более одного ли, он услышал шум горной реки. А впереди открылся мост из синего камня с красными перилами. По берегам росли какие-то необыкновенные цветы и травы, седые сосны и много бамбука, нежно-зеленые ивы и персиковые деревья, покрытые розовыми цветами. Под мостом бурлила вода. Отливая серебром и кружась, как снег, она вырывалась из пещеры под скалой. Проходя по мосту, Сун Цзян увидел впереди два ряда диковинных деревьев, а между ними – красные решетчатые ворота. Войдя в ворота, он увидел перед собой храм. «Я родился в Юньчэне, – подумал Сун Цзян, – но никогда не слышал об этом месте».

В душе он испытывал страх и не осмеливался двинуться дальше. Но девушки торопили его, повторяя:

– Повелитель звезд, пожалуйста, идите быстрее.

Они ввели его в ворота и приблизились к великолепной лестнице, украшенной изображениями драконов. По обе стороны веранды стояли красные колонны, между которыми висели вышитые занавеси. В центре стоял большой храм, освещенный множеством свечей. Девушки провели Сун Цзяна по лестнице через веранду к храму, и там у входа на ступеньках он услышал голоса других священных дев:

– Повелитель звезд, богиня приглашает вас войти.

Сун Цзян вступил в храм, его охватил трепет, и волосы на голове шевелились. Плиты под его ногами были украшены драконами и фениксами. Девушки, которые привели его в храм, скрылись за занавесом и, обращаясь к богине, сказали:

– Тот, кого вы приглашали – Повелитель звезд, Сун, ждет у входа.

Тогда Сун Цзян подошел к священному возвышению и, преклонив колена, распростерся на полу.

– Твой раб, – произнес он, – всего лишь ничтожный и недостойный смертный. Он не видел священного лица богини. Молю тебя о небесном милосердии, сжался надо мной. Голос из-за священного занавеса приказал:

– Пусть Повелитель звезд сядет.

Но Сун Цзян не осмеливался даже голову поднять. Тогда тот же голос приказал священным девам поднять его и усадить на скамью, покрытую парчовой тканью. Сун Цзяну ничего не оставалось, как повиноваться, а голос богини опять прозвучал на весь храм:

– Откиньте занавес.

Несколько девушек быстро подошли и отдернули украшенную драгоценными камнями ткань, повесив ее на два золотых крючка. Тогда богиня спросила:

– Повелитель звезд, надеюсь, что все это время ты был в добром здравье?

Сун Цзян поднялся и, низко кланяясь, отвечал:

– Я ведь простой смертный и не смею смотреть тебе в лицо.

– Но ты уже здесь, Повелитель звезд, – сказала богиня, – и тебе незачем выполнять все церемонии.

Только тогда Сун Цзян осмелился поднять голову. Он увидел сверкание золота и драгоценных камней, и зажженные лампы в виде драконов, и подсвечники в форме фениксов. По обе стороны стояли девы в темных платьях и держали опахала, а позади богини виднелся большой веер. В самом центре, на драгоценном царственном ложе, сделанном из фигур девяти драконов, восседала сама богиня. На ней было шелковое одеяние, затканное золотом. В руке она держала скипетр из белого нефрита. Лицо ее, с глазами, ясными, как небо, было прекрасно.

– Подойди сюда, Повелитель звезд, – проговорила она и приказала поднести Сун Цзяну вина.

Девушки тотчас же принесли драгоценный кувшин в форме лотоса и налили в чашу вина. Одна из девушек поднесла чашу Сун Цзяну; не смея отказаться, он встал, взял чашу с вином, затем опустился на колени и, глядя на богиню, осушил чашу до дна. Вино было такое тонкое и ароматное, что Сун Цзян почувствовал, будто какое-то просветление снизошло на него, и сладостная истома переполнила его душу.

Другая девушка подошла к нему с блюдом священных фиников и попросила отведать их. Со всей осторожностью, опасаясь, как бы не допустить какой-нибудь оплошности, Сун Цзян протянул руку и взял один финик. Съев его, он спрятал косточку в руке. А девушка налила чашу вина и подошла к Сун Цзяну; он выпил вторую чашу, и тут богиня приказала налить ему третью. Затем девушка опять поднесла ему финики, и он съел еще два. Выпив три чаши священного вина и съев три финика, Сун Цзян почувствовал, что слегка опьянел. Опасаясь опьянеть еще больше и в пьяном виде совершить какой-нибудь неблагоприятный поступок, Сун Цзян склонился перед богиней и сказал:

– Прошу богиню не жаловать меня больше вином, потому что я не могу много пить.

И в храме прозвучал голос:

– Повелитель звезд не желает больше пить вина. Перестаньте его угощать. – И, обращаясь к прислуживающим девушкам, богиня распорядилась: – Принесите Небесную книгу и отдайте ее Повелителю звезд.

Тогда девушки удалились, вынесли на синем блюде книгу, завернутую в желтый шелк, и протянули ее Сун Цзяну. Взглянув на книгу, Сун Цзян увидел свиток около пяти цуней длины, около трех цунь ширины и в три цуня толщины, но не осмеливался развернуть его. Почтительно склонившись, он принял свиток и положил его в рукав. Тогда богиня произнесла:

– Сун, Повелитель звезд, вручаю тебе Небесную книгу. Отныне ты можешь вершить законы неба. Если ты станешь вождем, будь верным, бескорыстным и справедливым к народу. Если ты будешь сановником, служи государству и охраняй мир для народа. Избегай лжи и иди по пути истины. Не забудь моих слов и никому об этом не рассказывай.

Почтительно выслушав сказанное, Сун Цзян низко поклонился. А богиня продолжала:

– Так как ты не искупил своих грехов и не завершил свой путь к добродетели, то Владыка неба временно наказывает тебя и посылает на землю. Но ждать недолго, ты снова вернешься в небесные чертоги. Только смотри, впредь не допускай ни малейшей ошибки! Стоит тебе лишь раз провиниться, и ты попадешь в ад. Даже я не смогу тогда спасти тебя. Пока ты на земле, читай эту книгу внимательно и постоянно, но только читай ее вместе с тем, чья звезда называется «Закон неба». Никто другой не должен ее видеть. А когда ты завершишь свой подвиг, сожги эту священную книгу, – ее нельзя оставлять на земле. Ты должен запомнить все, что я приказываю! Сейчас я на небе, а ты на земле, и мы с тобой разделены; я не могу задерживать тебя. Иди! – И она приказала девушкам быстрее проводить Повелителя звезд обратно. – В другой раз мы встретимся с тобой во дворце из красного нефрита за Золотыми воротами.

Сун Цзян поблагодарил богиню, и девушки вывели его из храма через решетчатые ворота; проводив его до каменного моста, они сказали:

– Вскоре тебе придется еще испытать большой страх, но не думай, что богиня не окажет тебе своего покровительства. На рассвете все твои страхи исчезнут сами собой. А сейчас, Повелитель звезд, взгляни на воду под мостом, и ты увидишь двух играющих драконов.

Сун Цзян наклонился через перила моста и действительно увидел двух резвящихся в воде драконов. Тут девушки, пользуясь тем, что он засмотрелся, толкнули его. Сун Цзян вздрогнул и громко вскрикнул. Он очнулся и увидел, что все еще находится в нише, и понял, что все это был сон. Тогда он выполз из ниши и, оглядевшись, заметил, что луна уже стоит высоко. Была полночь – час, когда сбываются сны. Тут Сун Цзян обнаружил у себя в руке три косточки от фиников, а в рукаве свиток священной книги. Более того, во рту он чувствовал аромат вина.

«Действительно, все это очень странно, – подумал он. – Будто сон и вместе с тем – не сон. Если все это приснилось мне, так откуда в рукаве взялась Небесная книга? И почему во рту вкус вина, а в руке косточки от фиников? И все, что богиня мне говорила, я помню, ни одного слова не забыл. Ну а если это не сон, так почему я все еще здесь в этой нише? Богиня эта должна быть очень милостивой, раз она явилась мне в таком виде. Не знаю только, что это за богиня?»

Отдернув занавес, Сун Цзян увидел ложе из девяти драконов и на нем прекрасную богиню, очень похожую на ту, что недавно явилась ему. И он подумал: «Богиня называла меня Повелителем звезд: видно, в предыдущей жизни я не был обычным человеком. Небесная книга мне еще пригодится, и я не забуду ни одного из священных указаний. Девушки в темных платьях сказали: «На рассвете все твои страхи исчезнут сами собой». Сейчас начинает светать, и мне пора идти».

Протянув руку, он взял в нише свою палицу, подпоясался и, пройдя по веранде с левой стороны, осторожно спустился по лестнице. Оглянувшись по сторонам, он увидел старую доску, на которой были написаны четыре золотых иероглифа: «Храм богини Сюань-нуй». Тогда Сун Цзян, приложив руки ко лбу, с благодарностью прошептал:

– Какой позор, что я не узнал ее! Ведь это же сама богиня девятого неба Сюань-нуй! Она дала мне Небесную книгу и спасла мою жизнь. Если только мне суждено остаться в живых, я непременно возвращусь сюда, восстановлю этот храм и заново отстрою большой зал. Я поклоняюсь тебе, богиня, и прошу твоего покровительства.

После этого он стал тихонько пробираться на дорогу. Однако, отойдя недалеко от храма, он услышал неистовые крики. «Опять беда, – остановившись, подумал Сун Цзян. – Сейчас мне не пройти. Если я пойду вперед, меня непременно схватят. Лучше спрятаться у дороги, вон за теми деревьями».

Едва успел он укрыться, как появилось несколько стражников, которые, прерывисто и тяжело дыша, шли, опираясь на свое оружие и пошатываясь из стороны в сторону.

– О боги, спасите наши жизни! – зывали они.

Глядя на них из-за деревьев, Сун Цзян думал: «Что за чудо! Ведь они же охраняли выход из деревни и ждали меня, чтобы схватить. А сейчас от кого-то спасаются?»

И тут Сун Цзян увидел Чжао Нэна, который кричал:

– О милостивые боги, спасите меня!

«Почему это они в таком смятении?» – недоумевал Сун Цзян. И в тот же миг увидел здорового полугололого детину с двумя боевыми топорами в руках. На бегу он во весь голос орал:

– Стойте, проклятые!

То, чего не разглядишь издали, становится ясным вблизи. Это был не кто иной, как Черный вихрь Ли Куй. «Не во сне я все это вижу?» – подумал Сун Цзян, не решаясь выйти из-за деревьев.

Добежав до храма, Чжао Нэн споткнулся о корень сосны и упал на землю. А Ли Куй подскочил к нему и, наступив ногой на спину, прижал к земле. Замахнувшись огромным топором, он совсем уж было собрался ударить поверженного, но в это время сзади подбежали два молодца с войлочными шляпами, заброшенными за спину, и с мечами в руках. Впереди был Оу Пэн, а за ним – Тао Цзун-ван. Увидев их, Ли Куй испугался, что они вздумают оспаривать честь победы, и это испортит их братские отношения. Тогда он, не долго думая, одним ударом разрубил Чжао Нэна надвое. Потом он погнался за стражниками, но те разбежались в разные стороны. А Сун Цзян все еще не решался выходить. Затем он увидел еще троих удальцов, которые на ходу расправлялись с бежавшими. Впереди шел Рыжий дьявол Лю Тан, за ним Каменный воин Ши Юн, а третьим был Каратель Ли Ли. Сойдясь вместе, шестеро удальцов сокрушались:

– Мы поубивали и разогнали этих мерзавцев, а нашего старшего брата так и не нашли. Что же нам теперь делать?

Вдруг Ши Юн закричал:

– Смотрите, вон там, за соснами, кто-то стоит.

Только тогда Сун Цзян осмелился выйти.

– Благодарю вас, братья мои, – сказал он, – что вы опять пришли и спасли мне жизнь. Как я могу отплатить вам за такое благодеяние?

Увидев Сун Цзяна, удальцы очень обрадовались и вскричали:

– Наконец-то старший брат нашелся! Надо скорее доложить об этом нашему начальнику Чао Гаю!

Ши Юн и Ли Ли сейчас же удалились, а Сун Цзян, обращаясь к Лю Тану, спросил:

– Как же вы узнали, что я здесь и нуждаюсь в помощи?

– Как только вы спустились с горы, – отвечал Лю Тан, – наши предводители Чао Гай и У Юн забеспокоились и попросили Дай Цзуна пойти за вами и разузнать, где вы находитесь. А потом Чао Гай послал еще и нас, чтобы мы помогли вам в случае какой-нибудь беды. На полпути мы встретили Дай Цзуна, который возвращался в стан. Он сообщил, что два негодяя преследуют вас. Чао Гай сильно разгневался и приказал Дай Цзуну идти в стан и оставить в охране лагеря У Юна, Гун-Сунь Шэна, трех братьев Юань, Люй Фана, Го Шэна, Чжу Гуя и Бай-шэна. Всем же остальным было приказано разыскивать вас, старший брат. Мы узнали, что за вами началась погоня в деревне Хуаньдаоцунь. Всех, кто охранял вход в эту деревню, мы перебили, и только несколько человек убежали. Но вдогонку им бросился брат Ли Куй, а за ним поспешили и мы. Вот уж никак не думал, что найдем вас здесь.

Не успел он договорить, как пришли Ши Юн и Чао Гай, а за ними Хуа Юн, Цинь Мин, Хуан Синь, Сюэ Юн, Цзян Цзин и Ма Лин. Затем появился Ли Ли, а с ними Ли Цзюнь, Му Хун, Чжан Хэн, Чжан Шунь, Му Чунь, Хоу Цзянь, Сяо Жан и Цзинь Да-цзянь. Все они приветствовали Сун Цзяна, а он благодарил их за спасение. Чао Гай сказал ему:

– Я предупреждал вас, уважаемый брат, чтобы вы не ходили один. Но вы не послушали моих ничтожных слов и чуть было снова не угодили в беду.

– Я очень беспокоился за своего отца и не находил себе покоя ни ночью, ни днем. Я должен был пойти за ним, – отвечал Сун Цзян.

– Но я могу обрадовать вас, – сказал Чао Гай. – Я приказал Дай Цзуну привести в лагерь вашего почтенного батюшку и брата со всеми домочадцами. И вот он с помощью Ду Цяня, Сунь Ваня, Коротколапого тигра Вана, Чжэн Тянь-шоу, Тун Вэя и Тун Мэна уже доставил их в лагерь.

Услышав это, Сун Цзян очень обрадовался и, поблагодарив Чао Гая, сказал:

– Вы оказали мне великую милость, и теперь я мог бы даже спокойно умереть.

После этого все они сели на коней и выехали из деревни. Сложив руки и подняв голову к небу, Сун Цзян вознес благодарность богине и дал клятву отблагодарить ее.

Вскоре удалыцы прибыли в лагерь. У Юн вместе со всеми, кто оставался охранять лагерь, пошел в Цзиньшатань навстречу возвращающимся. Сначала все прошли в большой зал и там приветствовали друг друга, как это положено.

– А где же мой отец? – с нетерпением спросил Сун Цзян.

Чао Гай распорядился пригласить старого Суна. Через некоторое время показался Сун Цин Железный веер. Он шел, поддерживая паланкин, на котором несли старика отца. Старому Суну помогли выйти из паланкина, и все вошли в зал. Увидев своего отца, Сун Цзян почувствовал такую радость, словно она была послана ему самим небом. Лицо его озарилось широкой улыбкой, и, кланяясь отцу, он сказал:

– Дорогой мой отец, тебе пришлось пережить большое беспокойство. Я оказался плохим сыном и причинил тебе много неприятностей.

– Этот проклятый Чжао Нэн и его брат, – сказал тогда старый Сун, – каждый день присылали солдат и стерегли нас в ожидании приказа из Цзянчжоу о нашем аресте. Когда ты постучал в задние ворота усадьбы, в передней комнате сидело девять солдат. А потом они вдруг куда-то исчезли, и мы даже понять не могли, как это случилось. Ночью во время третьей стражи сотни две удалыцов ворвались к нам в усадьбу, посадили меня на носилки, а брату твоему велели уложить сундуки и корзины, и затем подожгли усадьбу. Не отвечая на наши вопросы, они доставили нас прямо сюда.

– Поблагодарим наших братьев за то, что мы снова встретились, – сказал Сун Цзян и велел своему брату Сун Цину поклониться предводителям горного стана. А Чао Гай и все остальные в свою очередь почтительно кланялись старому Суну. После этой церемонии забили коров и лошадей и устроили пир в честь встречи Сун Цзяна с отцом и братом.

Веселье длилось очень долго, и разошлись все поздно. На следующий день пиршество возобновилось.

А на третий день Чао Гай пригласил всех к себе. На пиру Гун-Сунь Шэну пришла мысль, что и он уже давно не был дома и не знает, как живет его старая мать в Цзичжоу. Пока все присутствующие выпивали, Гун-Сунь Шэн поднялся и, обращаясь ко всем главарям, сказал:

– Я должен поблагодарить всех вас за то, что вы все это время так хорошо относились ко мне и милостиво обходились со мной. С тех пор как я, скромный монах, пришел сюда с начальником Чао Гаем, мы постоянно пируем и веселимся. Но я ни разу не навестил мою старую мать. Боюсь также, что и мой старый учитель магии разыскивает меня. Поэтому я хочу пойти домой и навестить мать и учителя. Мы расстанемся с вами на несколько месяцев. Я повидаюсь с учителем, как следует устрою свою мать, а потом вернусь обратно в горный стан.

– Я слышал от вас, – сказал Чао Гай, – что ваша почтенная мать живет на севере совершенно одна, и некому о ней позаботиться. Сейчас, когда вы об этом заговорили, я не могу удерживать вас. И все же мне не хотелось бы расставаться с вами. И если уж вы решили идти, то подождите хоть до завтра, и мы проводим вас.

Гун-Сунь Шэн поблагодарил за честь. Пирушка в этот день продолжалась очень долго, и когда уже было поздно, все разошлись на отдых. На следующий день рано утром у ворот лагеря были приготовлены вино и закуски, для того, чтобы проводить Гун-Сунь Шэна.

Между тем Гун-Сунь Шэн обрядился в свой прежний наряд странствующего монаха, привязал к поясу кошель и узел, взял обоюдоострый меч, повесил за плечи бамбуковую шляпу от дождя и, взяв в руки веер с ручкой из панциря черепахи, спустился с горы. Здесь его уже поджидали все остальные главари, и у ворот лагеря был устроен прощальный завтрак. Каждый держал в руке прощальную чашу с вином. Расставаясь с Гун-Сунь Шэном, Чао Гай сказал:

– Мы не можем удерживать вас, но мы не теряем надежды на встречу с вами. И если бы у вас не было почтенной матери, мы не отпустили бы вас от себя. Но тут мы не можем препятствовать вам. Мы будем надеяться, что дней через сто вы придете к нам на журавле. Смотрите не нарушайте нашего договора.

– А почему бы вам не взять с собой несколько человек и не доставить вашу матушку сюда? – спросил Сун Цзян. – Тогда вы могли бы сами всегда заботиться о ней.

– Всю свою жизнь моя мать любила спокойную и тихую жизнь и не переносит никаких волнений. Поэтому-то я и не могу привести ее сюда. Дома у меня есть усадьба в горах, и моя мать может вести свое хозяйство. Я же хочу только повидаться с ней, а затем вернуться сюда, и мы будем вместе бороться за справедливость.

– В таком случае, мы должны повиноваться вашим желаниям, – сказал Сун Цзян, – и надеяться на ваше скорое и благополучное возвращение.

Чао Гай взял блюдо с золотом и серебром и поднес его Гун-Сунь Шэну, но тот сказал:

– Мне много не нужно, я возьму лишь на дорожные расходы.

Однако Чао Гай настоял на том, чтобы он взял с собой не менее половины, и повесил ему деньги к поясу.

Гун-Сунь Шэн поблагодарил и, распрощавшись со всеми и переправившись через озеро, зашагал по направлению к Цзичжоу.

После этого провожающие отправились в крепость.

Но тут все увидели, что Ли Куй «Черный вихрь» стоит у крепостных ворот и громко рыдает.

Сун Цзян с тревогой спросил:

– Дорогой брат, что тебя так огорчило?

– А мне очень обидно! – плача, отвечал Ли Куй. – Один идет к отцу, другой хочет повидать свою мать, а я что, из ямы какой-нибудь вышел, что ли?

– Так чего же ты хочешь? – заинтересовался Чао Гай.

– У меня тоже есть старая мать, – отвечал Ли Куй, – а мой старший брат живет в людях, и он, конечно, не может заботиться о ней и сделать ее жизнь счастливой. Я хочу пойти разыскать свою мать и привезти ее сюда, – пусть она хоть немного поживет хорошо.

– Ты правильно говоришь, брат мой, – похвалил его Чао Гай. – Я пошлю с тобой несколько человек, и вы привезете ее сюда. Это будет доброе дело.

– Нет, нет, – вмешался Сун Цзян. – Известно, какой нрав у нашего брата Ли. Если мы отпустим его, это к добру не приведет. Если даже послать с ним кого-нибудь, то из этого тоже ничего хорошего не получится. Брат Ли горяч, как огонь, и по дороге обязательно с кем-нибудь да поскандальит. К тому же он в Цзян-чжоу перебил немало людей, и кто там теперь не знает «Черного вихря?» За это время власти успели разослать приказ об его аресте. Как только он появится там, его схватят! Да и вид-то у нашего брата Ли очень страшный! Родина его далеко отсюда. Случись с ним беда, так мы об этом и не узнаем. Лучше уж переждать, пока все уляжется. И тогда не поздно будет навестить мать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.